

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Председатель редакционного совета:

К.А. Чуйченко, Министр юстиции
Российской Федерации (г. Москва)

Члены редакционного совета:

Н.К. Атабекова, кандидат юридических наук,
кандидат филологических наук, доцент,
проректор по науке и инновациям
Международного университета Кыргызской
Республики (Киргизия);

Д.С. Жуйков, заместитель Министра юстиции
Российской Федерации (г. Москва);

М.Н. Илюшина, доктор юридических
наук, профессор, заведующая кафедрой
гражданского и предпринимательского права
ВГУЮ (РПА Минюста России), Заслуженный
юрист РФ (г. Москва);

В.И. Красиков, доктор философских наук,
профессор, главный научный сотрудник
центра научных исследований ВГУЮ
(РПА Минюста России) (г. Москва);

А.В. Малько, доктор юридических наук,
профессор, профессор кафедры государственно-
правовых дисциплин Поволжского института
(филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России),
Заслуженный деятель науки РФ (г. Саратов);

Ц. Сьюань, кандидат филологических наук,
доцент, начальник секретариата Центра
обмена и сотрудничества при Комиссии по
юридическим услугам для ШОС (Шанхайского
политико-юридического университета) (Китай);

А.И. Усов, доктор юридических наук, профессор,
первый заместитель директора, курирующий
научно-методическую и образовательную
деятельность Российского федерального центра
судебной экспертизы при Министерстве
юстиции РФ (г. Москва);

П.С. Яни, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
и криминологии юридического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва);

В.В. Ярков, доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой
гражданского процесса Уральского
государственного юридического университета
им. В.Ф. Яковлева (г. Екатеринбург);

Б.В. Яцеленко, доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой уголовного
права и криминологии ВГУЮ (РПА Минюста
России), Заслуженный юрист РФ (г. Москва)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Председатель редакционной коллегии: доктор юридических
наук, профессор, председатель Следственного комитета РФ,
генерал юстиции РФ, Заслуженный юрист РФ
А.И. Бастрыкин (г. Москва)

Главный редактор: член редакционной коллегии, кандидат
юридических наук, доцент, ректор ВГУЮ (РПА Минюста России)
О.И. Александрова (г. Москва)

Заместитель главного редактора: член редакционной коллегии,
доктор юридических наук, профессор, проректор по научной
работе, заведующий кафедрой гражданского процесса, публично-
правовой деятельности и организации службы судебных приставов
ВГУЮ (РПА Минюста России) **В.А. Гуреев** (г. Москва)

Ответственный секретарь: член редакционной коллегии,
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой
административного, финансового и информационного права ВГУЮ
(РПА Минюста России) **З.М. Казачкова** (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Д.А. Авдеев, кандидат юридических наук, доцент (г. Тюмень);

М.Б. Аверин, кандидат юридических наук, кандидат
исторических наук, доцент (г. Москва);

А.С. Автономов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

В.Н. Бабенко, доктор исторических наук, профессор (г. Москва);

Н.В. Бандурина, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Э.В. Богмацера, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

С.В. Борисов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

И.И. Зенкин, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

О.В. Исаенкова, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

А.Я. Кодинцев, доктор юридических наук, кандидат исторических
наук, доцент (г. Санкт-Петербург);

Е.Б. Козлова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

В.Ф. Лапшин, доктор юридических наук, доцент (г. Ханты-Мансийск);

А.Н. Лёвшин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

С.В. Максимов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Б.И. Нефедов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

В.Ю. Панченко, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Н.А. Подольный, доктор юридических наук, доцент (г. Саранск);

А.Г. Репьев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Б.В. Сангаджиев, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

А.Ю. Соколов, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

З.Б. Соктоев, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Ю.Г. Торбин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Е.В. Трофимов, доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург);

Е.В. Фоменко, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

К.В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Н.Г. Якубова, кандидат юридических наук (г. Москва)

**THE COMPOSITION
OF THE EDITORIAL COUNCIL**

Chairman of the Editorial Council:

K.A. Chuichenko, Minister of Justice
of the Russian Federation (Moscow)

Members of the Editorial Board:

N.K. Atabekova, PhD in Law, PhD in Philology,
Vice-Rector for Science and Innovations
of International University of the Kyrgyz Republic
(Kyrgyzstan);

M.N. Ilyushina, Doctor of Law, Professor, Head
of the Department of Civil and Business Law
of All-Russian State University of Justice, Honored
Lawyer of the Russian Federation (Moscow);

V.I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor, Chief
Researcher of the Center for Scientific Research
of All-Russian State University of Justice (Moscow);

A.V. Malko, Doctor of Law, Professor of the
Department of State and Legal Disciplines of the
Volga Region Institute (Branch) of All-Russian State
University of Justice, Honored Worker of Science
of the Russian Federation (Saratov);

C. Siyuan, PhD in Philology, Head of the Secretariat
of the Center for Exchange and Cooperation under
the Commission on Legal Services for the SCO
(Shanghai University of Politics and Law) (China);

A.I. Usov, Doctor of Law, Professor, First Deputy
Director in Charge of Scientific, Methodological
and Educational Activities of the Russian Federal
Center for Forensic Science Under the Ministry
of Justice of the Russian Federation (Moscow);

P.S. Yani, Doctor of Law, Professor of the
Department of Criminal Law and Criminology
of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow
State University (Moscow);

V.V. Yarkov, Doctor of Law, Professor, Head of the
Department of Civil Procedure of V.F. Yakovlev
Ural State Law University (Yekaterinburg);

B.V. Yatselenko, Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Criminal Law and
Criminology of All-Russian State University
of Justice, Honored Lawyer of the Russian
Federation (Moscow);

D.S. Zhuikov, Deputy Minister of Justice
of the Russian Federation (Moscow)

**THE COMPOSITION
OF THE EDITORIAL BOARD**

Chairman of the Editorial Board: Doctor of Law, Professor,
Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation,
General of Justice of the Russian Federation, Honored Lawyer
of the Russian Federation **A.I. Bastrykin** (Moscow)

Chief Editor: Member of the Editorial Board, PhD in Law,
Rector of All-Russian State University of Justice
O.I. Alexandrova (Moscow)

Deputy Chief Editor: Member of the Editorial Board, Doctor of Law,
Professor, Vice-Rector for Scientific Work, Head of the Department
of Civil Procedure, Public Law Activity and Organization of the Bailiff
Service of All-Russian State University of Justice **V.A. Gureev** (Moscow)

Executive Secretary: Member of the Editorial Board, Doctor of Law,
Professor, Head of the Department of Administrative, Financial and
Information Law of All-Russian State University of Justice
Z.M. Kazachkova (Moscow)

Members of the Editorial Board:

D.A. Avdeev, PhD in Law (Tyumen);

M.B. Averin, PhD in Law, PhD in History (Moscow);

A.S. Avtonomov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

V.N. Babenko, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow);

N.V. Bandurina, Doctor of Law (Moscow);

E.V. Bogmatsera, PhD in Law (Moscow);

S.V. Borisov, Doctor of Law (Moscow);

K.V. Cherkasov, Doctor of Law (Moscow);

E.V. Fomenko, Doctor of Law (Moscow);

O.V. Isaenkova, Doctor of Law, Professor (Saratov);

A.Ya. Kodintsev, Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences (St. Petersburg);

E.B. Kozlova, Doctor of Law (Moscow);

V.F. Lapshin, Doctor of Law (Khanty-Mansiysk);

A.N. Levushkin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

S.V. Maksimov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

B.I. Nefedov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

V.Yu. Panchenko, Doctor of Law (Moscow);

N.A. Podolny, Doctor of Law (Saransk);

A.G. Repyev, Doctor of Law (Moscow);

B.V. Sangadzhiev, Doctor of Law, Professor (Moscow);

A.Yu. Sokolov, Doctor of Law, Professor (Saratov);

Z.B. Soktoev, Doctor of Law, Professor (Moscow);

Yu.G. Torbin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

E.V. Trofimov, Doctor of Law (St. Petersburg);

N.G. Yakubova, PhD in Law (Moscow);

I.I. Zenkin, PhD in Law (Moscow)

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

© Вестник Российской правовой академии, 2024

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации № 77–15470 от 20 мая 2003 г.

Номер подготовлен при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Журнал включен в Перечень рецензируемых изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, соискание ученой степени доктора наук по следующим научным

специальностям: 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки», 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки», 5.1.3 «Частноправовые (цивилистические) науки», 5.1.4 «Уголовно-правовые», 5.1.5 «Международно-правовые науки».

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Published articles express the authors' opinion, which may not coincide with the point of view of the editorial office of the journal. The editors reserve the right to make changes and abbreviations. Full and partial reprinting of materials is possible with the written permission of the editorial office.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА
И ГОСУДАРСТВА

Александрова О. И., Бабенко В. Н.

Международно-правовые основы проведения Россией
специальной военной операции на Украине 10

Васильченко В. Н.

Становление и развитие органов советского арбитража в 1920-е–1930-е гг. 20

Малько А. В., Гурьев В. В., Затонский В. А.

Государственно-правовая жизнь общества: проблема становления
и актуальные вопросы общей теории.....37

ПУБЛИЧНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Авдеев Д. А.

Некоторые теоретические проблемы отечественной
конституционной аксиологии.....53

Годованик Е. В.

Место и роль Совета безопасности в системе главных органов ООН:
институциональные и функциональные аспекты.....64

Казачкова З. М., Россинский Б. В.

Центральный банк Российской Федерации
как юридическое лицо публичного права 76

Кравченко Н. В., Крюкова М. И.

Актуальные проблемы защиты прав медицинских работников.....88

Мохов А. А.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации:
правовой взгляд на содержание и перспективы развития
законодательства о национальной безопасности 98

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Катышевцев В.А.

Концессионное соглашение в российском праве: генезис доктринальных представлений в контексте пертурбаций социально-экономических и правовых условий (обзор диссертационных исследований концессионного соглашения) 109

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Василькова Е.В.

Разграничение единой продолжаемой преступной деятельности и реальной совокупности преступлений, предусмотренных ст. 193¹ УК РФ: общетеоретический и практико-прикладной аспекты 121

ОКАЗАНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ И ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ. ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. РЕКОМЕНДАЦИИ ПРАКТИКУЮЩИХ ЮРИСТОВ

Скирда М. В.

Комиссия ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию: исторический ракурс и перспективы реформ 133

Шершикова И. А.

Особенности судебного следствия в российском апелляционном производстве и пути его усовершенствования 147

Ушаков А. А.

Ограничения и контроль за оборотом медицинских изделий 158

ТРУДЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Круглов И. Д.

Криминалистическая характеристика нарушений тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений с применением информационных технологий 166

Саванина С. И.

Проблемы определения критериев для неприменения исполнительского иммунитета в спорах об обращении взыскания на единственное жилье должника 173

Смирнов П. М.

Проблемы непоследовательности судебного правотворчества на примере определения преимущественного права оставления на работе..... 181

Смирных А. А.

Особенности правового режима ограничения прав человека в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 196

Тарасова Д. А.

Антикоррупционная теология 211

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, ПЕРСОНАЛИИ

Аверин М. Б., Гацко М. Ф., Ефременко Д. О., Коновалов И. Н., Кутузов А. В., Никитин П. В., Солодовникова А. В.

Об итогах I учредительного съезда руководителей историко-правовых клубов, студенческих научных кружков по теории и истории государства и права юридических вузов и факультетов..... 221

Альбов А. П., Королева Т. М., Макачук И. Ю.

Рецензия на специализированный учебный курс А. Н. Савенкова «Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции» 228

Сырых В. М., Барзилова И. С., Трофимов В. В., Шайхутдинов Е. М., Панченко В. Ю., Егоров Г. Г., Кузнецова Е. В., Игнатова К. Э., Кузьмин И. А., Милованова Д. Б., Небрятенко О. О., Тихонов Я. И., Фатьянов А. А., Полуничев А. И.

Обзор Всероссийской научно-практической конференции «Расоловские чтения», посвященной 75-летию со дня рождения ученого, педагога, писателя, доктора юридических наук, профессора Михаила Михайловича Рассолова (1948–2013), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 9–14 октября 2023 г. 236

CONTENT

PHILOSOPHY OF LAW. LEGAL POLICY. THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Olga I. Alexandrova, Vasily N. Babenko

International Legal Bases of Russia’s Special Military Operation
in Ukraine 11

Victoria N. Vasilchenko

Formation and Development of Soviet Arbitration Bodies
in the 1920s–1930s 21

Aleksandr V. Malko, Vyacheslav V. Guriev, Viktor A. Zatonsky

State and Legal Life of the Society: The Problem of Formation
and Relevant Issues of General Theory 38

PUBLIC AND INTERNATIONAL LAW: THEORY AND PRACTICE OF APPLICATION

Dmitriy A. Avdeev

Some Theoretical Problems of Domestic Constitutional Axiology 54

Evgeny V. Godovanik

The Place and Role of the Security Council in the System of Main UN Bodies:
Institutional and Functional Aspects 65

Zemfira M. Kazachkova, Boris V. Rossinsky

The Central Bank of the Russian Federation as a Legal Entity of Public Law 77

Natalia V. Kravchenko, Maria I. Kryukova

Actual Problems of Protection of the Rights of Medical Workers 89

Alexander A. Mokhov

The National Security Strategy of the Russian Federation:
A Legal View on the Content and Prospects for the Development
of National Security Legislation 99

ACTUAL ISSUES OF PRIVATE LAW

Vadim A. Katyshevtsev

Concession Agreement in Russian Law: The Genesis of Doctrinal Ideas in the Context of Perturbations of Socio-Economic and Legal Conditions (Review of Dissertation Studies of the Concession Agreement)..... 110

CRIMINAL LEGAL SCIENCES: LEGISLATION, THEORY AND PRACTICE

Ekaterina V. Vasilkova

Differentiation of a Single Ongoing Criminal Activity and a Real Set of Crimes Provided for in Article 193¹ of the Criminal Code of the Russian Federation: General Theoretical and Practical-Applied Aspects..... 122

PROVISION OF FREE LEGAL AID AND LEGAL EDUCATION OF THE POPULATION. LEGAL EDUCATION. RECOMMENDATIONS OF PRACTICING LAWYERS

Maksim V. Skirda

The UN Commission on Crime Prevention and Criminal Justice: Historical Perspective and Prospects for Reform..... 134

Irina A. Shershikova

Features of Judicial Investigation in Russian Appellate Proceedings and Ways to Improve It..... 148

Andrey A. Ushakov

Restrictions and Control over the Turnover of Medical Devices 159

PROCEEDINGS OF YOUNG SCIENTISTS

Ivan D. Kruglov

Criminalistic Characteristics of Violations of the Secrecy of Correspondence, Telephone Conversations, Postal, Telegraphic or Other Messages Using Information Technology..... 167

Svetlana I. Savanina

Problems of Determining Criteria for the Non-Application of Executive Immunity in Disputes About Foreclosure on the Debtor's Only Home..... 174

Pyotr M. Smirnov

Problems of Inconsistency of Judicial Law-Making on the Example
of Determining the Preferential Right to Remain at Work..... 182

Alexander A. Smirnykh

Features of the Legal Regime of Human Rights Restrictions
in the Context of the COVID-19 Coronavirus Pandemic 197

Daria A. Tarasova

Anti-Corruption Theology 212

REVIEWS, PERSONALITIES

**Mikhail B. Averin, Mikhail F. Gatsko, Darya O. Efremenko, Ivan N. Konovalov,
Alexander V. Kutuzov, Pavel V. Nikitin, Albina V. Solodovnikova**

On the Results of the First Constituent Congress Heads of Historical
and Legal Clubs, Student Scientific Circles on Theory and History States
and Rights Law Schools and Faculties 222

Alexey P. Albov, Tatyana M. Koroleva, Ivan Yu. Makarchuk

Review of A. N. Savenkov's Specialized Training Course
"The Nuremberg Trial and the Development of International
Criminal Justice"..... 229

**Vladimir M. Syrykh, Inna S. Barzilova, Vasily V. Trofimov,
Evgeniy M. Shaikhutdinov, Vladislav Yu. Panchenko, Gennady G. Egorov,
Elena V. Kuznetsova, Karine E. Ignatova, Igor A. Kuzmin, Daria B. Milovanova,
Olga O. Nebratenko, Yaroslav I. Tikhonov, Anton A. Fatyanov,
Artur I. Polunichev**

Review of the All-Russian Scientific and Practical Conference
"Rassolov Readings," Dedicated to the 75th Anniversary of the Birth
of the Scientist, Teacher, Writer, Doctor of Law, Professor Mikhail Mikhailovich
Rassolov (1948–2013), All Russian State University of Justice,
9–14 October 2023 238

Научная статья

УДК 340; 341

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-10-19>

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОВЕДЕНИЯ РОССИЕЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ

Ольга Ивановна Александрова¹

Василий Николаевич Бабенко²

^{1,2} Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

¹ rpa@rpa-mjust.ru

² vasbabenko@mail.ru

Аннотация

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью юридического анализа проведения Россией специальной военной операции на Украине. В статье рассматриваются международные правовые акты и причины военной операции, выявляется роль США и западных государств в развязывании военного конфликта на Украине. Методологическую основу исследования составляют историко-правовой и сравнительно-правовой методы. Изученные документы и материалы, а также публикации ученых и экспертов свидетельствуют о том, что специальная военная операция на Украине является вынужденным ответом России на агрессивную политику стран НАТО, направленную на разрушение российской государственности при помощи киевского неонацистского режима во главе с В. Зеленским.

Ключевые слова: специальная военная операция; Россия; Украина; международные правовые акты; США; страны НАТО; финансовая и военная помощь.

Для цитирования: Александрова О. И., Бабенко В. Н. Международно-правовые основы проведения Россией специальной военной операции на Украине // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 10–19. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-10-19>

Research Article

INTERNATIONAL LEGAL BASES OF RUSSIA'S SPECIAL MILITARY OPERATION IN UKRAINE

Olga I. Alexandrova¹

Vasily N. Babenko²

^{1,2} All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

¹ rpa@rpa-mjust.ru

² vasbabenko@mail.ru

Abstract

The relevance of this work is due to the need for a legal analysis of Russia's special military operation in Ukraine. It examines international legal acts and the reasons for the military operation, reveals the role of the United States and Western states in unleashing the military conflict in Ukraine. The methodological basis of the study consists of historical-legal and comparative-legal methods. Studied documents and materials, as well as the publications of scientists and experts, indicate that the special military operation in Ukraine is Russia's forced response to the aggressive policy of NATO countries aimed at destroying Russian statehood with the help of the Kiev neo-Nazi regime led by V. Zelensky.

Keywords: special military operation; Russia; Ukraine; international legal acts; USA; NATO countries; financial and military assistance.

For citation: *Alexandrova O. I., Babenko V. N. International Legal Bases of Russia's Special Military Operation in Ukraine. Herald of the Russian Law Academy, 2024, no. 2, pp. 10–19. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-10-19>

Введение

После государственного переворота в феврале 2014 г. внутренняя и внешняя политика Украины была фактически полностью подчинена США, от которых через посольство и американских высших должностных лиц исходили указания о принятии соответствующих решений в области экономики и назначении на государственные посты рекомендованных кандидатур.

Вхождение Крыма в состав Российской Федерации, а также провозглашение независимости Донецкой и Луганских народных республик украинское руководство использовало для развязывания гражданской войны на Юго-Востоке страны, в ходе которой киевский режим активно применял армейские подразделения

и неонацистские вооруженные формирования, целенаправленно уничтожавшие гражданское население. «В результате силового принуждения жителей Донбасса к принятию «европейских ценностей» за эти годы от рук украинских военных и националистов пострадали, – указывается в «Белой книге преступлений украинского режима», подготовленной Следственным Комитетом России, – свыше 13 тысяч жителей Донбасса, из которых более 4800 убиты. Среди них – женщины, дети, пожилые люди; под постоянными обстрелами – не военные части, а детские сады, школы, жилые районы» [1, с. 211]. Да и Президент Украины П. Порошенко не стал скрывать агрессивную политику руководства страны в отношении жителей данного региона. В своем обращении к гражданам на одесском телевидении 13 ноября 2014 г. он цинично заявил: «У нас будет работа – у них нет. У нас будут пенсии – у них нет. У нас будет забота о народе, пенсионерах, детях – у них нет. Наши дети пойдут в школы и детские сады – их дети будут сидеть в подвалах. Они ничего не умеют. И так, именно так мы выиграем эту войну» [2].

Вопрос о проведении Россией специальной военной операции на Украине получил широкое обсуждение как в средствах массовой информации, так и в научных публикациях. Особое место занимают в них проблемы международно-правовых оснований, причин, целей и методов проведения данной операции.

1. Причины проведения специальной военной операции

После распада СССР Россия оказывала Украине значительную помощь, хотя сама находилась в то время в сложном положении. Однако Российская Федерация «помогала партнерам по СНГ, в том числе украинским коллегам, от которых прямо с момента провозглашения независимости стали поступать, – указывает Президент РФ В. Путин, – многочисленные запросы о материальной поддержке» [3]. Он подчеркивает при этом, что Россия оказывала такую поддержку с уважением к достоинству и суверенитету Украины. В целом «по экспертным оценкам, которые подтверждаются простым подсчетом цен на наши энергоносители, объемов льготных кредитов, экономических и торговых преференций, которые Россия предоставляла Украине, общая выгода украинского бюджета на период с 1991 по 2013 годы составила, – отмечает В. Путин, – порядка 250 млрд долларов» [3].

Тем не менее Украина не всегда добросовестно выполняла свои обязательства в рамках двусторонних соглашений и необоснованно требовала для себя дополнительных льгот. Украинское руководство стремилось получить от России все права и преимущества, не неся при этом никаких обязательств. «Вместо партнерства стало превалировать иждивенчество, которое со стороны киевских официальных властей приобрело абсолютно бесцеремонный характер. Достаточно вспомнить, – отмечает В. Путин, – перманентный шантаж в сфере энергетического транзита и банальное воровство газа» [3]. Из этого следует, что европейский выбор Украины привел к развалу украинской экономики, к обнищанию населения, потере промышленного и технологического потенциала, а также к внешнему управлению со стороны Запада. «Оно осуществляется не только по указке из западных столиц, – указывает В. Путин, – но и, что называется, непосредственно на месте через целую сеть зарубежных советников, НКО и других институтов, развернутую на Украине» [3].

В конце 1980-х гг. США и западноевропейские страны активизировали свою работу на Украине по информационно-психологическому воздействию на органы государственной власти, а также на массовое сознание населения страны. Эта работа проводилась посредством вовлечения значительной части граждан в деятельность зарубежных неправительственных организаций (НПО) и некоммерческих организаций (НКО), которые щедро предоставляли им соответствующие гранты. Со временем такие граждане внедрялись в органы государственной власти, превращаясь в агентов влияния. Очевидно, что при этом США и западные государства стремились к установлению контроля над территорией и населением страны, а также над природными и промышленными ресурсами. В целом на Украине для них особое значение имела задача недопущения участия страны в формировании единого геополитического пространства вокруг России и крайнее обострение украинско-российских отношений.

Россия пыталась найти политическое решение возникшего конфликта. Она выступила в качестве гаранта Минских соглашений, предполагавших урегулирование вооруженного противостояния и возвращение ДНР и ЛНР под юрисдикцию Украины при взаимном соблюдении договоренностей о предоставлении самопровозглашенным республикам автономии и других полномочий. Однако, учитывая то, что Украина не исполняла многие договоры и соглашения, заключенные с Российской Федерацией в период с 1992 по 2021 г., а использовала Минские соглашения как ширму для их затягивания, чтобы перевооружить свою армию западным оружием и приступить к военному захвату этих республик, дипломатические усилия России не могли привести к положительному решению. Руководство Украины провозгласило намерение получить ядерное оружие и вступить в НАТО, что создавало непосредственную угрозу национальной безопасности России. Все это и явилось законным основанием для проведения специальной военной операции на Украине.

В данной ситуации специальную военную операцию следует рассматривать как попытку России прекратить гражданскую войну на Донбассе и предотвратить дальнейшую милитаризацию Украины, а также превращение ее в неонацистское государство, которое при помощи США и стран НАТО стремится ослабить и разрушить Россию. Важно особо отметить, что «завершение указанного глобального противоборства на благоприятных для России условиях невозможно без опоры на собственные внешнеполитические прорывные антикризисные традиции, конструктивный опыт и традиционные культурно-исторические ценности, а также без задействования креативных и неравнодушных патриотов-профессионалов, способных на выработку новаторских подходов и управленческих решений» [4, с. 70]. Тем не менее после начала специальной военной операции многие из так называемых потенциальных «патриотов» спешно покинули Россию, испугавшись мобилизации. По мнению главы ВЦИОМ В. Федорова, общая цифра уехавших варьируется между 500 тыс. и 800 тыс. человек примерно [5], многие из которых к осени 2023 г. стали возвращаться. Однако никто не может гарантировать, что это не превратится после объявления очередной мобилизации в волнообразный процесс. Часть из таких «патриотов» уже получила статус иноагентов и необоснованно критикует действия российского руководства, превратившись фактически в предателей своей Родины.

2. Специальная военная операция как превентивный ответ на потенциальную агрессию стран НАТО против России

Международно-правовые основы борьбы с нацизмом были заложены на Потсдамской конференции 1945 г., на которой руководители СССР, США и Великобритании утвердили решение о демилитаризации и денацификации Германии, имевшее важное значение для послевоенного мироустройства. На Нюрнбергском процессе 1945–1946 гг. были признаны преступными: охранные отряды (СС) Национал-социалистической партии Германии, служба безопасности (СД) и государственная тайная полиция (гестапо). Были также разоблачены сущность германского нацизма, его планы уничтожения целых государств и народов, опасность нацизма для всего человечества. «Итоги Второй мировой войны, как и жертвы, принесенные нашим народом на алтарь победы над нацизмом, – подчеркивает В. Путин, – священны. Но это не противоречит высоким ценностям прав и свобод человека, исходя из тех реалий, которые сложились на сегодня за все послевоенные десятилетия» [6].

В целом политика украинского руководства, направленная на пропаганду и реабилитацию в стране нацизма и фашизма, прямо противоречит Уставу ООН, Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., Конвенции ООН о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 28 ноября 1968 г., Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него от 9 декабря 1948 г., Декларации ООН и Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации и др. Особого внимания заслуживает ст. 16 Конвенции ООН о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, в которой указывается: «преступления против человечества, независимо от того, были ли они совершены во время войны или в мирное время, как они определяются в Уставе Нюрнбергского международного военного трибунала от 8 августа 1945 г. и подтверждаются в резолюциях 3 (I) от 13 февраля 1946 г. и 95 (I) от 11 декабря 1946 г. Генеральной ассамблеи Организации Объединенных Наций, изгнание в результате вооруженного нападения или оккупации и бесчеловечные действия, являющиеся следствием политики апартеида, а также преступления геноцида, определяемое в Конвенции 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, даже если эти действия не представляют собой нарушения внутреннего законодательства той страны, в которой они были совершены» [7]. О полном отрицании отдельными странами данной конвенции свидетельствует выступление 22 сентября 2023 г. в канадском парламенте бывшего члена нацистской дивизии СС «Галичина» Я. Хунки, которого спикер парламента представил как героя Канады и Украины, воевавшего в годы второй мировой войны против России. В составе этой дивизии, сформированной из украинских националистов, он сражался не только против Красной Армии, но и принимал участие в жестоких расправах в отношении евреев, поляков, белорусов и словаков [8].

Президент РФ В. Путин в своем обращении 24 февраля 2022 г. указывал, что «в соответствии со статьей 51 части 7 Устава ООН, с санкции Совета Федерации России и во исполнение ратифицированных Федеральным Собранием 22 февраля сего года договоров о дружбе и взаимопомощи с Донецкой Народной Респуб-

ликой и Луганской Народной Республикой мною принято решение о проведении специальной военной операции». Главной целью данной операции он определил защиту «людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима», и подчеркнул, что Россия будет «стремиться к демилитаризации и денацификации Украины, а также преданию суду тех, кто совершил многочисленные кровавые преступления против мирных жителей, в том числе и граждан Российской Федерации» [6].

Президент РФ отмечает, что специальная военная операция не связана «с желанием ущемить интересы Украины и украинского народа», а с необходимостью защиты «самой России от тех, кто взял Украину в заложники и пытается использовать ее против нашей страны и ее народа» [6]. Следует отметить, что США и страны НАТО оказывают большую военную и финансовую помощь Украине. Они поставляют ей вооружения, касетные боеприпасы и снаряды с обедненным ураном, грубо нарушая при этом нормы международного права. Их советники и наемники принимают непосредственное участие в военных операциях.

29 июня 2023 г. министерство по вопросам реинтеграции временно оккупированных территорий Украины сообщило, что западные страны только с 24 января 2022 по 24 февраля 2023 г. предоставили украинскому государству помощь в размере 170 млрд евро. В эту сумму включена военная, финансовая и гуманитарная помощь. По данным министерства помощь от США составила 71 млрд евро, от Евросоюза – 62 млрд евро, от других стран и международных организаций – 36 млрд евро, а сумма военной помощи от США превысила 43 млрд евро [9].

Претендент на пост президента США Роберт Кеннеди-младший 15 августа 2023 г. отметил, что США уже оказали Украине помощь в размере 130 млрд долл. При этом он высказал сожаление, что в настоящее время у 15 млн американцев нет медицинской страховки, 30 млн жителей США лишены талонов на питание [10].

С военно-политической точки зрения специальная военная операция на Украине охватывает отдельные черты и особенности военного конфликта. Она представляет собой совокупность задач, места и времени специальных действий войск, проводимых по единому плану для достижения целей, которые определены в Обращении Президента РФ В. Путина от 24 февраля 2022 г. как демилитаризация и денацификация Украины. Я. И. Стрелецкий в связи с этим считает, что важной задачей представляется «разоблачение реакционной русофобской сущности трансформировавшегося в неофашизм укронацизма, обоснование превентивного характера нашей специальной военной операции (СВО), одной из целей которой является денацификация Украины» [11, с. 143–144].

Среди причин выбора специальной военной операции как организационного формата М. Головлев называет то, что «изначально планировалась комбинация как чисто военной, так и «специальной», то есть агентурной, разведывательной, контрразведывательной, информационной и политической...». Именно в этом «предполагалось, – по его мнению, – отличие от войны или военного конфликта, как форм преимущественно военного противоборства» [12, с. 12].

После провозглашения независимости ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, а также их вхождения в состав России в качестве субъектов федерации,

российская армия вела в основном оборонительные действия. К особенностям СВО следует отнести то, что на первом этапе украинской армией широко использовалось советское оружие, а офицерам ВСУ, получившим свое образование еще в советских военных училищах, были известны организационно-тактические методы ведения боевых действий, которые применялись российскими войсками. Поэтому эти обстоятельства потребовали изменить тактику и стратегию ведения специальной военной операции.

Немаловажное значение имеет широкое использование украинской армией вооружений, поставляемых странами НАТО. К ним относятся вертолеты, БПЛА, бронетранспортеры, патрульные катера, средства ПВО, ракетные и артиллерийские системы, различные боеприпасы и др. Кроме того, десятки тысяч украинских военнослужащих проходят подготовку в зарубежных странах под руководством специалистов НАТО. Это свидетельствует о фактическом участии представителей НАТО в вооруженном конфликте на Украине. Необходимо особо отметить применение украинскими войсками указанных выше вооружений и запрещенных международными конвенциями боеприпасов против гражданского населения (жилых домов, учреждений, учебных заведений, больниц, магазинов, рынков и др.). В связи с насильственной мобилизацией и отказом военнослужащих участвовать в боевых действиях, украинские власти используют также заградотряды, которые безжалостно расстреливают отступающих своих соотечественников.

Заключение

Таким образом, Россия вынуждена была начать специальную военную операцию, чтобы ответить на вызов со стороны государств НАТО, направленный на разрушение российского государства посредством использования марионеточного неонацистского режима В. Зеленского в качестве основной ударной силы. Российские войска фактически сражаются не только с ВСУ, но с и военной инфраструктурой США и западных стран, которые обеспечивают украинскую армию современным оружием и боеприпасами, разведывательной информацией, своими советниками, непосредственно участвующими в планировании и проведении военных операций.

После провала так называемого контрнаступления украинской армии от некоторых зарубежных стран стали поступать предложения о необходимости проведения переговоров России с Украиной. Однако при решении этого вопроса важно учитывать печальный опыт Минских соглашений 2015 г. и Стамбульских договоренностей 2022 г., когда украинское руководство и их западные партнеры просто нагло обманули Россию, используя переговоры для передышки и подготовки резервов, а затем последующей эскалации конфликта. Тем более что 4 октября 2022 г. Президент Украины В. Зеленский подписал указ о введении в действие решения Совета национальной безопасности и обороны Украины о невозможности проведения переговоров с Президентом России В. Путиным [13].

В том случае, если Россия вновь согласится на переговоры, часто носящие со стороны украинского руководства ультимативный характер, фактически невозможно будет выполнить основополагающие задачи специальной военной опера-

ции – достижение денацификации и демилитаризации Украины. В конечном счете это приведет к возрождению неонацизма на Украине, к стремлению вступить в НАТО и вновь создаст серьезную угрозу национальной безопасности Российской Федерации.

В целом безрассудная преступная политика киевского режима, нацеленная под воздействием США и стран НАТО на использование Украины в качестве средства для разрушения Российского государства, привела к предсказуемым последствиям: сотни тысяч погибших и тяжелораненых военнослужащих, резкое сокращение населения страны и снижение его жизненного уровня, уничтожение собственной промышленности и т.д. О катастрофической ситуации в демографической сфере сообщил Украинский институт будущего. Согласно его данным за последние 22 года Украина потеряла 19 млн человек. А за период СВО ее территорию «покинули 8,6 миллионов человек» [14].

Специальная военная операция при условии выполнения украинской стороной требований по демилитаризации и денацификации Украины, объявления ее нейтрального статуса, а также официального признания Крыма, Севастополя, ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в качестве субъектов Российской Федерации сможет остановить процесс окончательного распада Украинского государства. К сожалению, нынешний киевский неонацистский режим не в состоянии осознать трагические последствия его преступной политики для украинского народа.

Пристатейный библиографический список

1. Белая книга преступлений украинского режима. Доказательства следствия / под ред. докт. юрид. наук А. И. Бастрыкина. М.: Следственный комитет РФ, 2023.
2. Обращение Порошенко к гражданам на Одесском телевидении 13 ноября 2014 г. // InfoZapad.ru : сайт. URL: <https://infozapad.ru/?p=3498> (дата обращения: 24.09.2023)
3. Путин : объем российской помощи Украине в 1991–2013 годах составил около 250 млрд долларов // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13791505> (дата обращения: 31.07.2023).
4. Шамаров В. М., Шамаров П. В. Суверенная государственность как особый вид государственности в условиях специальной военной операции России на Украине // Военное право. 2023. № 1 (77).
5. Глава ВЦИОМа назвал число покинувших Россию граждан с начала СВО // Рамблер : сайт. URL: <https://news.rambler.ru/sociology/51113740-glava-vtsioma-nazval-chislo-pokinuvshih-rossiyu-grazhdan-s-nachala-svo/> (дата обращения: 09.10.2023)
6. Обращение Президента РФ 24 февраля 2022 г. // Президент России : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67843> (дата обращения: 10.09.2023)
7. Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества // ГАРАНТ : сайт. URL: <https://base.garant.ru/1305906/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 22.10.2023)

8. Откровения встретившегося с Зеленским эсесовца шокировали канадцев // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20230926/natsist-1898620251.html> (дата обращения: 22.10.2023)
9. Международная помощь Украине достигла 170 млрд евро // Известия : сайт. URL: <https://iz.ru/1536883/2023-06-29/mezhdunarodnaia-pomoshch-ukraine-dostigla-eu170-mlrd> (дата обращения: 01.09.2023)
10. Претендент на пост президента США оценил оказанную Украине помощь в 130 млрд долларов // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18509015> (дата обращения: 15.08.2023)
11. *Стрелецкий Я. И.* Специальная военная операция России на Украине : идеологический аспект // Военный академический журнал. 2022. № 4 (36).
12. *Головлев М.* СВО. Клаузевиц и пустота. Политологический анализ операции и боевых действий. М. : Книжный мир, 2023.
13. Зеленский ввел в действие указ о запрете на переговоры с Путиным // Украина.ру : сайт. URL: <https://ukraina.ru/20221004/1039358714.html> (дата обращения: 09.10.2023)
14. Как заканчивается Украина. Почему страна теряет население катастрофическими темпами // Украина.ру : сайт. URL: <https://ukraina.ru/20230607/1046941571.html> (дата обращения: 09.10.2023).

References

1. *Bastrykin A. I. (ed.)*. The White Book of Crimes of the Ukrainian Regime. Evidence of the Investigation. Moscow: Investigative Committee of the Russian Federation Publ., 2023. (In Russ.)
2. Poroshenko's address to citizens on Odessa television on 13 November 2014. URL: <https://infopzadap.ru/?p=3498> (date of the application: 09.24.2023). (In Russ.)
3. Putin: the volume of Russian aid to Ukraine in 1991–2013 amounted to about \$ 250 billion. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13791505> (date of the application: 31.07.2023). (In Russ.)
4. *Shamarov V. M., Shamarov P. V.* Sovereign Statehood as a Special Kind of Statehood in the Conditions of a Special Military Operation of Russia in Ukraine. *Military Law*, 2023, no. 1 (77). (In Russ.)
5. The head of VTSIOM named the number of citizens who have left Russia since the beginning of the SVO. URL: <https://news.rambler.ru/sociology/51113740-glava-vtsioma-nazval-chislo-pokinuvshih-rossiyu-grazhdan-s-nachala-svo/> (date of the application: 09.10.2023). (In Russ.)
6. Address of the President of the Russian Federation on 24 February 2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67843> (date of the application: 09.10.2023). (In Russ.)
7. Convention on the Non-Applicability of the Statute of Limitations to War Crimes and Crimes against Humanity. URL: <https://base.garant.ru/1305906/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (date of the application: 10.22.2023). (In Russ.)

8. The revelations of the SS man who met Zelensky shocked Canadians. URL: <https://ria.ru/20230926/natsist-1898620251.html> (date of the application: 10.22.2023). (In Russ.)

9. International aid to Ukraine has reached 170 billion euros. URL: <https://iz.ru/1536883/2023-06-29/mezhdunarodnaia-pomoshch-ukraine-dostigla-eu170-mlrd> (date of the application: 01.09.2023). (In Russ.)

10. The candidate for the post of US president estimated the assistance provided to Ukraine at \$ 130 billion. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18509015> (date of the application: 08.15.2023). (In Russ.)

11. *Streletskii Ia. I.* Special Military Operation of Russia in Ukraine: Ideological Aspect. *Military Academic Journal*, 2022, no. 4 (36). (In Russ.)

12. *Golovlev M.* SVO. Clausewitz and the Void. Political Analysis of the Operation and Fighting. Moscow: Knizhnyi mir, 2023. (In Russ.)

13. Zelensky put into effect a decree banning negotiations with Putin. URL: <https://ukraina.ru/20221004/1039358714.html> (date of the application: 09.10.2023). (In Russ.)

14. How Ukraine ends. Why the country is losing population at a catastrophic rate. URL: <https://ukraina.ru/20230607/1046941571.html> (date of the application: 09.10.2023). (In Russ.)

Сведения об авторах:

О. И. Александрова – кандидат юридических наук, доцент, ректор.

В. Н. Бабенко – доктор исторических наук, профессор.

Information about the authors:

O. I. Alexandrova – PhD in Law, Associate Professor, Rector.

V. N. Babenko – Doctor of Historical Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 21.12.2023; одобрена после рецензирования 09.01.2024; принята к публикации 04.03.2024.

The article was submitted to the editorial office 21.12.2023; approved after reviewing 09.01.2024; accepted for publication 04.03.2024.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-20-36>

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОРГАНОВ СОВЕТСКОГО АРБИТРАЖА В 1920-е–1930-е ГГ.

Виктория Николаевна Васильченко

Семидесятая адвокатская консультация Санкт-Петербургской Объединенной коллегии адвокатов, 191123, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Восстания, д. 42, лит. А

v.v.9692022127@gmail.com

Аннотация

Экономическое правосудие является важнейшим институтом в современном правосудии. Понимание истории и природы его происхождения позволяет определить место арбитража в системе государственных органов нашей страны. Арбитраж России напрямую происходит из Госарбитража СССР. Это и определяет актуальность темы. Предметом исследования является система органов экономического правосудия в 1920-е–1930-е гг. Цель исследования заключается в установлении правовой природы, системы органов экономических совещаний, арбитражных комиссий и государственного арбитража. Методология проведенного исследования основывается на общенаучных методах исследования и на методе логического исследования. Также применяется проблемно-хронологический метод. Новизна статьи выражается в подробном исследовании системы органов советского арбитража в 1920-е–1930-е гг. В работе сделан вывод о правовой природе и системе экономических совещаний, арбитражных комиссий, государственного арбитража.

Ключевые слова: арбитр; экономические совещания; исполнительный комитет; арбитражные комиссии; государственный арбитраж; союзный Госарбитраж; республиканский Госарбитраж; ведомственный Госарбитраж.

Для цитирования: *Васильченко В. Н.* Становление и развитие органов советского арбитража в 1920-е–1930-е гг. // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 20–36. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-20-36>

Research Article

FORMATION AND DEVELOPMENT OF SOVIET ARBITRATION BODIES IN THE 1920s–1930s

Victoria N. Vasilchenko

Seventieth Legal Consultation of the St. Petersburg United Bar Association,
42 Vosstaniia St., lit. A, St. Petersburg, 191123, Russia

v.v.9692022127@gmail.com

Abstract

Economic justice is the most important institution in modern justice. Understanding the history and nature of its origin allows us to determine the place of arbitration in the system of government bodies of our country. Russian arbitration directly stems from the USSR State Arbitration. This determines the relevance of the topic. The subject of the study is the system of economic justice bodies in the 1920–1930s. The purpose of the study is to establish the legal nature, the system of bodies of economic meetings, arbitration commissions and state arbitration. The methodology of the study is based on general scientific research methods and the method of logical research. The problem-chronological method is also used. The novelty of the article is expressed in a detailed study of the system of Soviet arbitration bodies in the 1920–1930s. The paper draws a conclusion about the legal nature and system of economic meetings, arbitration commissions, and state arbitration.

Keywords: arbitrator; economic meetings; executive committee; arbitration commissions; state arbitration; Union State Arbitration; republican State Arbitration; departmental State Arbitration.

For citation: *Vasilchenko V. N. Formation and Development of Soviet Arbitration Bodies in the 1920s–1930s. Herald of the Russian Law Academy, 2024, no. 2, pp. 20–36. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-20-36>

Введение

После Октябрьской революции 1917 г. правовое регулирование советского государства в виду марксистско-ленинской идеологии основывалось на классовом понимании права. Это, в свою очередь отражалось на организации органов, осуществлявших судопроизводство при применении хозяйственного права.

Изучению системы органов Государственного арбитража в 1920-е–1930-е гг. посвятили работы следующие ученые: Е. С. Андреева [1, с. 14–35], Е. В. Богатырев [2, с. 67–78], Д. В. Воронин [3, с. 60–106], Т. А. Григорьева [4, с. 135–148; 5, с. 43–53],

М. И. Клеандров [6, с. 52–63], А. С. Машкова [7, с. 85–97], В. Л. Рассказов [8, с. 176–226], Л. А. Судолова [9, с. 122–133], С. Н. Токарева [10, 73–81], Ю. Н. Туганов и В. К. Аулов [11, с. 161–172], И. В. Упоров [12, с. 1–11], Л. М. Усманова [13, с. 85–99] и др.

Однако в большинстве случаев становление органов государственного арбитража рассматривается в рамках общего прошлого экономического правосудия в России, нормативная правовая база в работах остается неизменной, органы государственного арбитража рассматриваются в одном параграфе диссертации либо научной статьи, что является недостаточным для понимания природы этого института. Учтены не все виды арбитражных органов.

Результаты

Становление советского Госарбитража было непростым. Можно выделить три основных этапа его становления как специального судебного органа:

1. Создание экономических совещаний

По декретам о суде № 1, 2, 3 в первый год советской власти коммерческие суды были упразднены. Действия государственных органов должны были быть четко согласованы, споры между государственными казенными учреждениями практически невозможны в виду отсутствия конкуренции, возникающей только в рыночной системе хозяйствования.

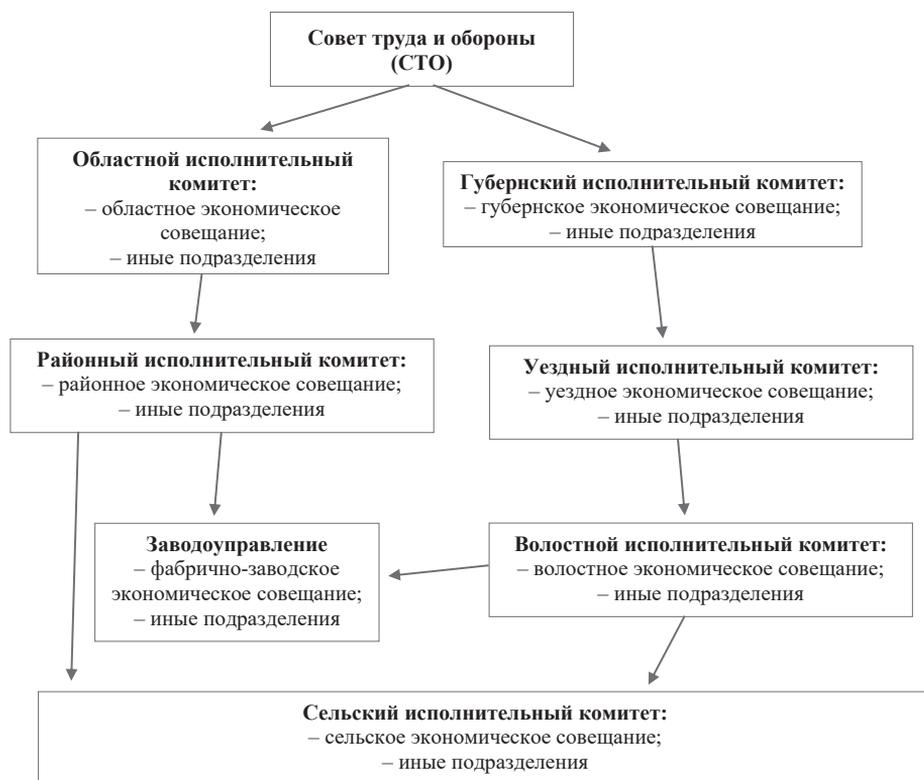
Однако на практике оказалось, что советским государственным учреждениям не удавалось сосуществовать мирно, спорные ситуации возникали, в связи с чем Постановлением VIII Всероссийского съезда Советов от 23–29 декабря 1920 г. были созданы самые первые прообразы арбитражных судов – губернские экономические совещания, регулирующие экономическую деятельность государственных учреждений (Схема № 1) [14].

Схема № 1. Губернское экономическое совещание при губернском исполнительском комитете

Впоследствии было принято Постановление ВЦИК РСФСР «Положение об областных, губернских, уездных, районных, фабрично-заводских, волостных и сельских экономсовещаниях СТО» от 30 июня 1921 г. [15, с. 191–210], которым устанавливалось создание экономических совещаний не только при губернских исполнительных комитетах, но и при областных, уездных, районных, фабрично-заводских, волостных и сельских исполнительных комитетах.

Система органов экономического правосудия значительно расширилась (Схема № 2).

Схема № 2. Экономические совещания при исполнительных комитетах (в основу положен территориальный подход с добавлением производственного характера)

Но и экономические совещания, не имея судебных полномочий, разрешали только внутренние проблемы того или иного предприятия, а точнее в виду отсутствия властных полномочий вовсе не могли их разрешить.

Введение нэпа и рыночных механизмов регулирования экономики окончательно подтолкнули советское государство на создание специальных органов, разрешающих хозяйственные споры.

2. Создание арбитражных комиссий

Путем принятия Постановления Президиума ВСНХ РСФСР от 3 апреля 1922 г. была создана Арбитражная комиссия при ВСНХ, а также арбитражные комиссии при местных органах промбюро и губсовнархозах [3, с. 70; 9, с. 126].

В дальнейшем ВЦИК и СНК РСФСР утвердили Положение о порядке разрешения имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями от 21 сентября 1922 г. [16] (далее – Положение).

Согласно ст. 1 данного Положения имущественные споры между государственными учреждениями и предприятиями разрешались арбитражными комиссиями «в центре при СТО и на местах при Областных Экономических Совещаниях, поскольку эти споры согласно общим законам не разрешаются внутри ведомства».

В силу ст. 17 Положения система арбитражных комиссий состояла из двух инстанций: первая инстанция – арбитражные комиссии при областных экономических совещаниях; вторая инстанция – Высшая Арбитражная Комиссия (кроме особых категорий рассмотрения дел, ВАК наделялся правом издания правил арбитражного судопроизводства и установления размеров пошлин).

Статья 22 Положения предусматривала 3-ю инстанцию – Совет Труда и Оборона (СТО), который был вправе изменить решение либо передать на новое рассмотрение. Наделение Совета Труда и Оборона полномочиями по пересмотру судебных актов подчеркивает советский принцип «власть советам», несмотря на отсутствие соответствующей квалификации у работников СТО.

Арбитражные комиссии именовались специальными судами в ст. 2 Постановления ВЦИК от 11 ноября 1922 г. «О введении в действие Положения о судостроительстве Р.С.Ф.С.Р.» [17]. Правила ведения арбитражного процесса были изложены в Постановлении СТО РСФСР от 14 марта 1923 г. [18].

В связи с образованием СССР были утверждены «Основы судостроительства Союза ССР и союзных республик», которые в абз. 1 ст. 22 определяли, что имущественные споры между государственными учреждениями и предприятиями рассматривались Высшей Арбитражной Комиссией при СТО СССР и высшими арбитражными комиссиями при экономических совещаниях союзных республик, арбитражными комиссиями при СНК АССР и местными арбитражными комиссиями при исполнительных комитетах областей и губерний [19]. Отдельным актом было урегулировано правовое положение ВАК при СТО СССР [20]. Согласно Постановлению ЦИК СССР, СНК СССР от 12 февраля 1926 г. «Положение об арбитражной комиссии ВСНХ СССР» в составе ВСНХ СССР также была образована арбитражная комиссия [21].

В РСФСР было утверждено Положение об арбитражных комиссиях РСФСР [22]. 14 ноября 1925 г. были утверждены обновленные правила производства дел в арбитражных комиссиях республики [23]. Согласно п. «в» ст. 4 Постановления ВЦИК от 19 ноября 1926 г. «Об утверждении Положения о Судостроительстве РСФСР» арбитражные комиссии вошли в систему специальных судов, состоящих из ВАК и местных арбитражных комиссий [24].

Как мы видим, законодательство советских республик приводилось полностью в соответствии с законодательством СССР.

Первоначально созданные экономические совещания в государственных учреждениях в виду отсутствия судебных полномочий и острой необходимости разрешения споров между ними преобразовались в арбитражные комиссии, которые приобрели первую стройную систему, аналогичную судебной (наличие первой, второй и третьей судебных инстанций), а также регламентацию арбитражного процесса, первое законотворческое развитие нормативных положений об арбитражных комиссиях, при этом по-прежнему оставались при государственном органе, не отделялись от него.

По мнению В. Н. Можейко, З. И. Шкундина, арбитражные комиссии не обеспечивали должного укрепления социалистической законности, заключению высококачественных договоров, договорной, плановой дисциплины, укреплению хозяйственного расчета и др. [25, с. 4]. Нельзя не согласиться с данной точкой зрения, поскольку заключение «высококачественных договоров», наличие договорной и плановой дисциплины зависело прежде всего от самих субъектов хозяйственной деятельности, а деятельность арбитражных комиссий в виду их недолгого существования, отсутствия правовой регламентации, направленной на решение проблем низкого качества договоров, не дала должных результатов.

Также справедливым является указание А. А. Добровольского относительно отсутствия специализации у арбитров по разрешению споров, в связи с чем это не могло привести к ожидаемым для советской власти результатам [26, с. 30], несмотря на наличие работников спорящих сторон в заседании.

Спорным в науке вопросом является правовая природа арбитражных комиссий. Как отмечает Л. М. Усманова, одни ученые считают арбитражные комиссии специальными судами, другие административными органами, а третьи смешанными органами власти (и судебными, и административными) [13, с. 91]. Мы полагаем, что арбитражные комиссии исходя из вышеуказанного законодательства на 1926 г., по характеру деятельности относятся к специальным судам, нежели к административному органу, несмотря на прямое подчинению исполнительной власти. Данной точки зрения придерживаются А. Г. Гойхбарг [27, с. 42], Л. М. Усманова [13, с. 91], Т. А. Григорьева [4, с. 109], Л. А. Судолова [9, с. 128] и др.

Таким образом, в 1920-е гг. сложилась определенная система арбитражных комиссий (Схема № 3), правила производства дел, отнесенных к специальным судам и разрешающих экономические споры между организациями. Появилась первая судебная практика по арбитражным делам, начали высказываться в доктрине различные точки зрения относительно арбитража как судебного органа, в том числе арбитражные комиссии предлагалось отнести к народным судам в виду нецелесообразности рассмотрения хозяйственных споров в самих хозяйственных органах. При этом «неокрепшие» арбитражные комиссии рассматривали споры в период нэпа, т.е. на начальном этапе развития коммунистического государства, когда у сторон процесса имелись недочеты в юридической и бухгалтерской области хозяйственной деятельности: отсутствовал хозрасчет, качество заключаемых договоров было на низком уровне, отсутствовала договорная и плановая дисциплина по договору.

Однако, несмотря на некоторые недостатки арбитражных комиссий, нельзя не отметить весьма многочисленные положительные изменения: создание системы арбитража и определение основ арбитражного процесса.

В 1927–1928 гг. назрела необходимость в изменении политики нэпа в виду недостаточности средств для проведения индустриализации, началось реформирование законодательства, которое неизбежно затронуло и арбитражные комиссии.

Схема № 3. Арбитражные комиссии в РСФСР

Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 13 декабря 1929 г. были упразднены ведомственные и кооперативные арбитражные комиссии [28]. Положение об арбитражной комиссии при ВСНХ СССР от 12 февраля 1926 г. отменено, союзным республикам предложено привести законодательство в соответствии с данным Постановлением. Так арбитраж пал жертвой компании упрощения государственных органов, проводившейся в 1929–1931 гг. Также были упразднены товарные биржи и фондовые отделы при арбитражных комиссиях [29].

Все последующие споры передавались на рассмотрение в народные суды. Так, согласно законодательству союзных республик Верховный Суд Союза ССР должен был рассматривать дела, в которых одной из сторон является учреждение Союза ССР или предприятие общесоюзного значения. При этом в разбирательстве дел участвовали в качестве народных заседателей работники хозяйственных органов [30].

Народные суды, окружные суды, Верховный Суд СССР естественным образом не справлялись ни с количеством, ни с качеством рассмотрения арбитражных дел ввиду отсутствия соответствующей квалификации и нехватки кадров. Передача арбитражных дел на рассмотрение народным судам была ошибкой, которую впоследствии будут исправлять. Об ошибочности принятия решения указывал Е. В. Богатырев [2, с. 72].

Решением проблемы стало возрождение органа экономического правосудия после принятия постановления СНК СССР от 20 марта 1931 г. № 229, а именно: в п. 1

и 8 разд. 3 было указано о полной свободе заключения хозяйственных договоров, возложение на сторон ответственности в случае неисполнения договора, и самое главное – все споры должны были разрешаться органами государственного арбитража. Положение о государственном арбитраже предстояло разработать Народному комиссариату рабоче-крестьянской инспекции Союза ССР в 10-дневный срок и внести на утверждение СТО [31].

3. Создание Государственного арбитража в СССР

Наконец, Государственный арбитраж в СССР как государственный орган, выполняющий управленческие и судебные функции, был создан на основании постановления ЦИК СССР № 5, СНК СССР № 298 от 3 мая 1931 г. «Положение о государственном арбитраже» [32] (далее – Постановление), которое было дополнительно утверждено Постановлением 2-й сессии ЦИК СССР от 28 декабря 1931 г. [33]. В данный основной Закон о государственном арбитраже в дальнейшем вносились изменения [1, с. 107], а утратил силу он только в 1961 г. в связи с изданием постановления Совмина СССР от 6 июля 1961 г. № 590 [34] по факту принятия нового положения о государственном арбитраже [35].

Целью деятельности Государственного арбитража согласно ч. 1 Постановления являлось разрешение имущественных споров между субъектами хозяйственной деятельности, направленное на укрепление договорной и плановой дисциплины и хозрасчета. В силу ст. 4 Постановления арбитраж учреждался при СТО, экономических советах союзных республик, СНК автономных республик, краевых/областных исполнительных комитетах (Схема № 4). При этом государственные арбитры назначались вышеуказанными советскими органами власти (ст. 5), которые надзирали за арбитражем. Союзным республикам предписывалось привести законодательство в соответствии с данным Постановлением.

После этого в РСФСР было принято Постановление об учреждении государственного арбитража РСФСР, согласно которому он учреждался при СНК РСФСР и указанных советских органах власти (Схема № 5). Также в связи с «возвращением» государственного арбитража в РСФСР были внесены изменения в ГПК РСФСР, который предусматривал разрешение имущественных споров между учреждениями, предприятиями и организациями обобщественного сектора в порядке государственного арбитража [36].

Соответственно, государственный арбитраж в СССР по структуре делился на Госарбитраж Союза СССР (Схема № 4) и Госарбитраж Республик (Схема № 5). В зависимости от органа рассмотрения споров делился также на: государственный и ведомственный арбитраж, рассматривающий споры внутри одного ведомства (ВСНХ СССР и арбитражи ВСНХ союзных республик, а затем арбитражи наркоматов тяжелой, легкой, лесной промышленности НКПС и др.). При этом ведомственный арбитраж по процедуре ничем не отличался от государственного [25, с. 17].

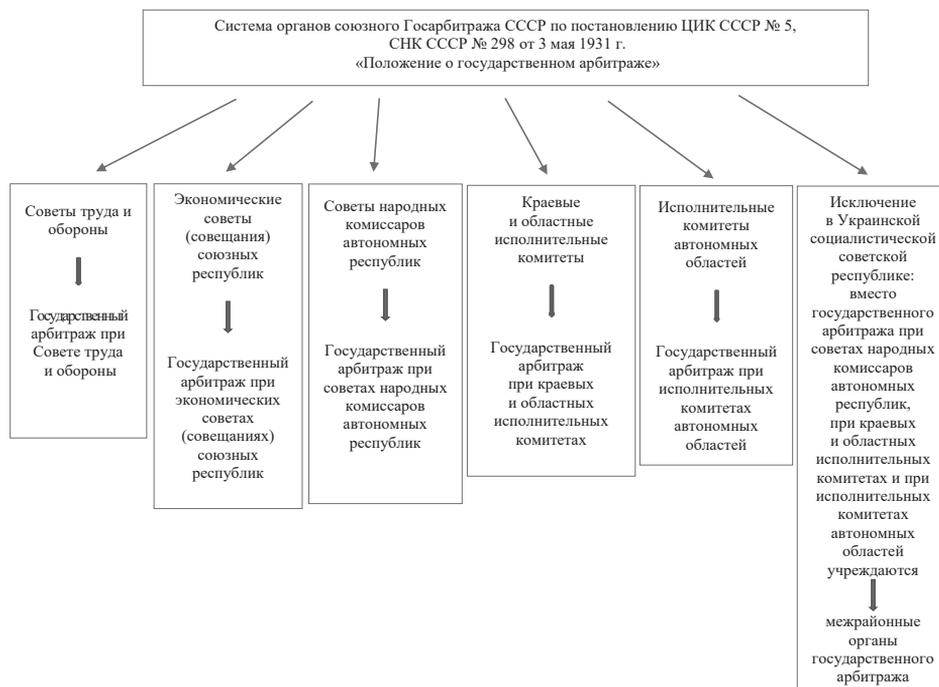

Схема № 4. Система органов союзного Госарбитража СССР от 3 мая 1931 г.

Схема № 5. Система органов Госарбитража в РСФСР от 30 мая 1931 г.

Постановлением СНК СССР от 8 декабря 1931 г. № 1085 «О мерах укрепления работы органов государственного арбитража» кроме возложения на Государственный арбитраж при СНК СССР функций по инструктированию арбитров, состоящих при СНК республик и ведомствах СССР, входило право созывать совещания и проверять деятельность арбитражей, представлять отчеты, устанавливалась возможность возбуждения дел в случае фактического установления нарушения договоров, а также штрафов в размере месячного оклада на ответственных руководителей по ведению бухгалтерского учета, неправильной организации отчетности и т.п. [37]. Ответственные лица привлекались к уголовной ответственности как за должностное преступление [38].

Несмотря на недавнее принятие Постановления о Госарбитраже в 1931 г. изменение системы органов Госарбитража продолжилось. Постановлением ВЦИК от 1 июня 1933 г. «Об утверждении Положения о Государственном арбитраже РСФСР» из структуры органов государственного арбитража РСФСР выпали исполкомы автономных областей (ст. 3) (Схема № 6), нормативно закреплялся кадровый состав (главный государственный арбитр, его заместители и государственные арбитры). Данные лица назначались персонально исполнительными органами, при которых они состояли (ст. 4) [39]. Ликвидация Госарбитража в исполкомах автономных областей возможно связано с отсутствием необходимости функционирования Госарбитража при них, поскольку на местах имелись и другие государственные арбитражи, способные разрешать возникшие споры (Схема № 6).

Схема № 6. Система органов Госарбитража в РСФСР от 1 июня 1933 г.

С 1933 г. компетенция арбитражных судов расширялась: теперь Госарбитраж разрешал преддоговорные хозяйственные споры [40]. Хозяйственный договор был весьма важен в рамках взаимодействия между «советскими социалистическими организациями» и впоследствии при разрешении спора Госарбитражем, в связи с чем В. Н. Можейко было посвящено отдельное исследование данному институту [41, с. 1].

Позже были приняты постановления об учреждении Госарбитража при Московском городском совете от 25 ноября 1935 г. [42], об учреждении Госарбитража при Ленинградском городском совете от 10 июня 1936 г. [43] и др.

Система органов государственного арбитража как союзного, так и республиканского в основе не менялась с 1931 по 1961 г., просуществовав около 30 лет. При этом, как отмечают Ю. Н. Туганов и В. К. Аулов, история развития арбитража не была линейной [11, с. 170].

Независимость государственных арбитров вызывала сомнение в виду прямой подчиненности их тому или иному исполнительному органу [44, с. 117], о чем также упоминала А. Л. Судолова [9, с. 132]. Арбитры являлись частью пролетарского народа, как и весь государственный аппарат. Кадровый аппарат государственных арбитражей в 1930-е гг. продолжал формироваться, большая часть сотрудников имела низкий уровень квалификации или вовсе аппарат не мог сформироваться из-за отсутствия кадров в виду «изъятия значительного количества врагов народа».

Дискуссионным в науке является вопрос о правовой природе государственного арбитража: это судебный, административный или смешанный государственный орган? Рассмотрим место государственного арбитража исходя из принятых нормативных правовых актов. В Конституции СССР от 6 июля 1923 г. в гл. 7 о Верховном Суде Союза ССР и иных главах Госарбитраж вовсе не упоминается [45]. Согласно Конституции СССР от 5 декабря 1936 г. государственный арбитраж не упоминается, в том числе и в новой гл. 9 «суд и прокуратура» [46].

Принятые постановления о Госарбитраже (союзном и республиканском) статус государственного арбитража не определяли.

Цель деятельности Госарбитража была отражена в ч. 1 Положения о государственном арбитраже от 3 мая 1931 г. Провозглашалась необходимость обеспечить регулирование плановой экономики путем разрешения споров между субъектами хозяйственной деятельности, в том числе использование Госарбитража как репрессивного органа. В различных практических сборниках союзных и автономных республик неоднократно подчеркивалась цель создания государственного арбитража как средство борьбы с огульным нарушением условий договора, бардака в расчетах и договорах.

Учитывая прямое подчинение вышестоящему исполнительному органу, нормативную цель деятельности Госарбитража, цель его создания, а также основную функцию – разрешение споров, можно сделать вывод, что Государственный арбитраж – это государственный орган, осуществляющий регулирование хозяйственной деятельности между учреждениями, предприятиями и организациями путем разрешения споров как судебно-административный орган, в том числе через судебные процедуры, путем проверки деятельности арбитражей, помощь во внед-

рении хозяйственного расчета, плановой и договорной дисциплины, нормативного утверждения заключения договоров на следующий год и т.д.

В 1930-х гг. также спорили о возможности издания входящими в СССР союзными республиками собственных нормативных положений о Госарбитраже. По мнению В. Н. Можейко данная возможность была недопустима и противоречила принятому Положению о государственном арбитраже, которое регулировало деятельность всех Госарбитражей на территории СССР [47, с. 45].

Таким образом, превращение арбитражных комиссий в государственный арбитраж стало решающим шагом на пути к будущим арбитражным судам, рассматривающим споры по хозяйствующей деятельности организаций.

Заключение

1. Первый этап: создание экономических совещаний. В связи со сменой власти и упразднением коммерческих судов, разрешающих экономическое споры, требовалось создание нового специального судебного органа. Создание социалистических «коммерческих судов» вступало бы в противоречие с большевистской идеологией. В условиях войны царил жесткая распределительная система, не предполагавшая споры между предприятиями.

Однако споры возникали, поэтому в 1920 г. при губисполкомах были созданы губернские экономические совещания с целью урегулирования экономической деятельности сторон (Схема № 1). Впоследствии в местных органах также были созданы экономические совещания (Схема № 2). В виду отсутствия властных полномочий, правовой регламентации разрешения споров, введения политики нэпа экономические совещания не смогли должным образом разрешать споры, работали не эффективно, не говоря об объективности принятых решений, не оправдали цель их создания, в связи с чем были упразднены.

2. Второй этап: создание арбитражных комиссий. Согласно принятым Положениям об арбитражных комиссиях в 1922 г. таковые стали именоваться специальными судами. Подчинялись они Народному Комиссариату Юстиции РСФСР и его органам. В связи с образованием СССР законодательство об арбитражных комиссиях подверглось изменению.

Впервые с созданием арбитражных комиссий регламентировался арбитражный процесс, развивалась система органов арбитражных комиссий (ВАК и местные арбитражные комиссии), появился институт обжалования судебных актов (судебные инстанции). Административный орган – СТО РСФСР возвышался над арбитражем. Данный государственный орган не имел квалифицированных кадров для пересмотра дел. В местных арбитражных комиссиях дела рассматривались председателем и двумя членами арбитражной комиссии, обязательными участниками которых также должен быть юрист и хозяйственник (при этом они могли не иметь соответствующего образования). Можно сказать, что институт арбитражных комиссий появился после гражданской войны и просто кадры не успели сформироваться, однако и в дальнейшей деятельности арбитражных комиссий вплоть до их ликвидации и создания Государственного арбитража в 1931 г. не было никаких нормативных положений о квалификационных требованиях к данным лицам,

не было попыток определить их. Также, отсутствовала специализация у арбитров при разрешении споров.

Ликвидация арбитражных комиссий (1929–1931 гг.) была ошибкой, «суды общей юрисдикции» не справлялись с разрешением данной категории дел.

3. Третий этап: создание Государственного арбитража. Система органов Государственного арбитража (с 1931 г.) делилась на две уровня: союзный и республиканский (схемы № 4 и № 5). В каждой республике было утверждение свое Положение о Госарбитраже, за исключением Азербайджанской и Туркменской, которые действовали на основании союзного Положения. В зависимости от органа рассмотрения споров существовал: государственный и ведомственный арбитраж. Во многих регионах госарбитражи не были созданы. Неизбежно возникала конкуренция по применению норм хозяйственного права и арбитражного процесса между ведомственными и государственными арбитражами, поскольку в отличие от арбитражных комиссий Госарбитраж СССР не имел право отмены или изменения решений ведомственных арбитражей.

Все органы Госарбитража были подчинены непосредственно исполнительным органам, при которых они состояли: в союзных – Советам наркоматов, а в регионах – исполнительным комитетам Советов депутатов трудящихся, которые осуществляли непосредственное руководство деятельностью Госарбитражей, в том числе назначали арбитров, утверждали сметы Госарбитражей и т.д.

Правовая природа Государственного арбитража порождает в науке многочисленные споры. Мы полагаем, что Государственный арбитраж – это государственный орган, осуществляющий регулирование хозяйственной деятельности между учреждениями, предприятиями и организациями путем разрешения споров как судебный и исполнительный орган посредством судебных и административных процедур.

Пристатейный библиографический список

1. *Андреева Е.С.* Становление и развитие арбитражных судов в России в период с 1922 г. по 1993 г. : историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
2. *Богатырев Е.В.* Конституционно-правовые основы осуществления правосудия арбитражными судами Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2012.
3. *Воронин Д.В.* Развитие института государственного арбитража и его влияние на советскую экономику: союзно-республиканский и региональный аспекты (1922–1991 гг.) : дис. ... докт. ист. наук. Кемерово, 2016.
4. *Григорьева Т. А.* Проблемы арбитражной юрисдикции в России : история возникновения и пути решения на современном этапе : дис. ... докт. ист. наук. Саратов, 2002.
5. *Григорьева Т. А.* К вопросу о становлении арбитражной юрисдикции в России // *Гражданское право и процесс*. 2019. № 1.
6. *Клеандров М. И.* Экономическое правосудие в России : прошлое, настоящее, будущее. М. : Волтерс Клувер, 2006.

7. *Машкова А. С.* Правовая природа государственного арбитража в СССР // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. № 3.
8. *Рассказов В. Л.* Экономическое правосудие в российском государстве : историко-правовое исследование (вторая половина XVII – конец XX вв.) : дис. ... докт. ист. наук. Белгород, 2023.
9. *Судолова Л. А.* Судебная система и проблемы разрешения экономических споров в эволюции государства и права России с IX по XX вв. : историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008.
10. *Токарева С. Н.* Организация государственного арбитража в начале 1930-х годов : союзное и республиканское законодательство // Историко-правовые проблемы : новый ракурс. 2022. № 3.
11. *Туганов Ю. Н., Аулов В. К.* Генезис арбитража и проблемы периодизации : 1924–1931 гг. // Военное право. 2020. № 3 (61).
12. *Упоров И. В.* Реформа советского арбитража 1931 года : содержание и значение в сфере разрешения экономических споров // Электронный научный журнал «Дневник науки». 2021. № 3 (51).
13. *Усманова Л. М.* Правовой механизм разрешения экономических споров в России : историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
14. СУ РСФСР. 1921. № 1. Ст. 3.
15. Декреты Советской власти. Т. XVI : Июнь 1921 г. М. : РОССПЭН, 2004.
16. СУ РСФСР. 1922. № 60. Ст. 769.
17. СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.
18. СУ РСФСР. 1923. № 25. Ст. 292.
19. СЗ СССР. 1924. № 23. Ст. 203.
20. СУ РСФСР. 1924. № 62. Ст. 618.
21. СЗ СССР. 1926. № 13. Ст. 90.
22. СУ РСФСР. 1925. № 6. Ст. 46.
23. СУ РСФСР. 1926. № 2. Ст. 5; № 50. Ст. 376.
24. СУ РСФСР. 1926. № 85. Ст. 624.
25. Арбитраж в советском хозяйстве : сборник законов, указов, постановлений и инструкций : с вводной статьей «Арбитраж и арбитражное рассмотрение споров» / сост. В. Н. Можейко, З. И. Шкундин. 4-е изд. М. : Юрид. изд-во, 1948.
26. *Добровольский А. А.* Исковая форма защиты права // Арбитраж в СССР / под ред. А. Ф. Клеймана. М. : МГУ, 1960.
27. *Гойхбарг А. Г.* Курс гражданского процесса : научно-политической секцией Государственного ученого совета допущено в качестве учебного пособия для вузов. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928.
28. СЗ СССР. 1930. № 6. Ст. 60.
29. СЗ СССР. 1930. № 10. Ст. 120.
30. СЗ СССР. 1931. № 14. Ст. 135.
31. СЗ СССР. 1931. № 18. Ст. 166.
32. СЗ СССР. 1931. № 26. Ст. 203.
33. СЗ СССР. 1931. № 75. Ст. 504.
34. СП СССР. 1961. № 11. Ст. 87.

35. СП РСФСР. 1961. № 24. Ст. 109.
36. СУ РСФСР. 1931. № 28. Ст. 254.
37. СЗ СССР. 1931. № 70. Ст. 470.
38. СЗ СССР. 1931. № 10. Ст. 109.
39. СУ РСФСР. 1933. № 35. Ст. 127.
40. СЗ СССР. 1933. № 73. Ст. 445.
41. *Можейко В. Н.* Хозяйственный договор в СССР : в 2 т. : дис. ... докт. юрид. наук. М., 1965.
42. СУ РСФСР. 1935. № 23. Ст. 226.
43. СУ РСФСР. 1936. № 14. Ст. 95.
44. *Вышинский А. Я.* Судостроительство в СССР : учебник. 3-е изд. М. : Советское законодательство, 1936.
45. СУ РСФСР. 1923. № 81. Ст. 782.
46. Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. 6 дек. № 283.
47. *Можейко В.Н.* Арбитраж в СССР: дис. ... канд. юрид. наук. М. 1948.

References

1. *Andreeva E. S.* Opinion and Development Arbitral Pengh Sudov in Russia in the Period with 1922 in 1993: Historical and Legal Aspect: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2002. (In Russ.)
2. *Bogatyrev E. V.* Constitutional and Legal Foundations of the Administration of Justice by Arbitration Courts of the Russian Federation: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Tyumen, 2012. (In Russ.)
3. *Voronin D. V.* Development of the Institute of State Arbitration and Its Impact on the Soviet Economy: Union-Republican and Regional Aspects (1922–1991): Thesis for a Candidate Degree in Historical Sciences. Kemerovo, 2016. (In Russ.)
4. *Grigorieva T.A.* Problems of Arbitration Jurisdiction in Russia: The History of the Origin and Solutions at the Present Stage: Thesis for a Doctor Degree in Historical Sciences. Saratov, 2002. (In Russ.)
5. *Grigorieva T. A.* On the Formation of Arbitration Jurisdiction in Russia. *Civil Law: Law and Procedure*, 2019, no. 1. (In Russ.)
6. *Kleandrov M. I.* Economic Justice in Russia: Past, Present, Future. Moscow: Walters Kluwer, 2006. (In Russ.)
7. *Mashkova A. S.* The Legal Nature of State Arbitration in the USSR. *Historical and Legal Problems: A New Perspective*, 2017, no. 3. (In Russ.)
8. *Rasskazov V. L.* Apostille Law in the Russian State: Historical and Legal Investigation (the Second Half of the Apostille – Thread XXV): Thesis for a Doctor Degree in Historical Sciences. Belgorod, 2023. (In Russ.)
9. *Sudolova L. A.* The Judicial System and the Problems of Resolving Economic Disputes in the Evolution of the State and Law of Russia From the IX to the XX Centuries: Historical and Legal Aspect: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. St. Petersburg, 2008. (In Russ.)
10. *Tokareva S.N.* Organization of State Arbitration in the Early 1930s: Union and Republican Legislation. *Historical and Legal Problems: A New Perspective*, 2022, no. 3. (In Russ.)

11. *Tuganov Iu. N., Aulov V. K.* The Genesis of Arbitration and the Problems of Periodization: 1924–1931. *Military Law*, 2020, no. 3 (61). (In Russ.)
12. *Uporov I. V.* Reform of Soviet Arbitration in 1931: Content and Significance in the Field of Economic Dispute Resolution. *Diary of Science*, 2021, no. 3 (51). (In Russ.)
13. *Usmanova L. M.* The Legal Mechanism for Resolving Economic Disputes in Russia: Historical and Legal Research: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2012. (In Russ.)
14. SU RSFSR, 1921, no. 1, art. 3. (In Russ.)
15. Decree of the Soviet Authorities. Vol. XVI: June 1921. Moscow: ROSSPARMAN, 2004. (In Russ.)
16. SU RSFSR, 1922, no. 60, art. 769. (In Russ.)
17. SU RSFSR, 1922, no. 69, art. 902. (In Russ.)
18. SU RSFSR, 1923, no. 25, art. 292. (In Russ.)
19. SZ USSR, 1924, no. 23, art. 203. (In Russ.)
20. SU RSFSR, 1924, no. 62, art. 618. (In Russ.)
21. SZ USSR, 1926, no. 13, art. 90. (In Russ.)
22. SU RSFSR, 1925, no. 6, art. 46. (In Russ.)
23. SU RSFSR, 1926, no. 2, art. 5 and no. 50, art. 376. (In Russ.)
24. SU RSFSR, 1926, no. 85, art. 624. (In Russ.)
25. *Mozheiko V. N., Shkundin Z. I. (comp.)*. Arbitration in the Soviet Economy: Collection of Laws, Decrees, Resolutions and Instructions: With an Introductory Article "Arbitration and Arbitration of Disputes". 4th ed. Moscow: Legal Publishing House, 1948. (In Russ.)
26. *Dobrovolskii A. A.* The Form of Claim for the Protection of Law. In *Kleiman A. F. (ed.)*. Arbitration in the USSR. Moscow: Moscow State University, 1960. (In Russ.)
27. *Goikhbarg A. G.* Course of Civil Procedure: The Scientific and Political Section of the State Academic Council Has Been Approved as a Textbook for Universities. Moscow; Leningrad: State Publishing House, 1928. (In Russ.)
28. SZ USSR, 1930, no. 6, art. 60. (In Russ.)
29. SZ USSR, 1930, no. 10, art. 120. (In Russ.)
30. SZ USSR, 1931, no. 14, art. 135. (In Russ.)
31. SZ USSR, 1931, no. 18, art. 166. (In Russ.)
32. SZ USSR, 1931, no. 26, art. 203. (In Russ.)
33. SZ USSR, 1931, no. 75, art. 504. (In Russ.)
34. SP USSR, 1961, no. 11, art. 87. (In Russ.)
35. SP RSFSR, 1961, no. 24, art. 109. (In Russ.)
36. SU RSFSR, 1931, no. 28, art. 254. (In Russ.)
37. SZ USSR, 1931, no. 70, art. 470. (In Russ.)
38. SZ USSR, 1931, no. 10, art. 109. (In Russ.)
39. SU RSFSR, 1933, no. 35, art. 127. (In Russ.)
40. SZ USSR, 1933, no. 73, art. 445. (In Russ.)
41. *Mozheiko V. N.* Economic Contract in the USSR: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. In 2 vols. Moscow, 1965. (In Russ.)
42. SU RSFSR, 1935, no. 23, art. 226. (In Russ.)
43. SU RSFSR, 1936, no. 14, art. 95. (In Russ.)

44. *Vyshinskii A. Ia.* The Judicial System in the USSR: Textbook. 3rd ed. Moscow: Soviet Legislation, 1936. (In Russ.)

45. SU RSFSR, 1923, no. 81, art. 782. (In Russ.)

46. News of the Central Executive Committee of the USSR and the Central Executive Committee, 6 December 1936, no. 283. (In Russ.)

47. *Mozheiko V. N.* Arbitration in the USSR: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 1948. (In Russ.)

Сведения об авторе:

В. Н. Васильченко – помощник адвоката.

Information about the author:

V. N. Vasilchenko – Lawyer's Assistant.

Статья поступила в редакцию 29.01.2024; одобрена после рецензирования 07.03.2024; принята к публикации 21.03.2024.

The article was submitted to the editorial office 29.01.2024; approved after reviewing 07.03.2024; accepted for publication 21.03.2024.

Научная статья

УДК 34.01

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-37-52>

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ

Александр Васильевич Малько¹

Вячеслав Владимирович Гурьев²

Виктор Александрович Затонский³

^{1,2,3} Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 410003, Россия, г. Саратов, ул. Радищева, д. 55

¹ nauka@sarrpa.ru

² sarrpa@rambler.ru

³ zatonsky-va@yandex.ru

Аннотация

Актуальность темы обусловлена необходимостью наращивания научного поиска в сфере государства и права, потребностью в развитии теоретико-правовой науки, наполнении более совершенными, приближенными к современным условиям знаниями, методологическими подходами, соответствующим инструментарием. Особую ценность для науки и практики имеет правильное понимание категории «государственно-правовая жизнь», дающей возможность в комплексе рассматривать разнообразные явления и процессы государственно-правовой реальности. Цель работы заключается в исследовании процесса возникновения и становления концепции государственно-правовой жизни, определении ее статуса в современной юридической науке. Используются методы: общенаучные (диалектический, анализ, синтез, сравнение, аналогия, системный, функциональный и др.) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой). Новизна статьи состоит в теоретическом анализе недостаточно исследованного феномена государственно-правовой жизни, уточнении объекта теоретико-правовой науки. Сформулированы выводы о том, что понятие «государственно-правовая жизнь» как отражение новой теории следует ввести в категориальный аппарат юридичес-

кой науки; именно данная категория в полной мере отражает объективную государственно-правовую реальность и выступает объектом как общей теории государства и права, так и юридической науки в целом.

Ключевые слова: государство; право; правовая система; правовая жизнь; государственно-правовая система; государственно-правовая жизнь; юридическая наука; научная категория; объект юридической науки.

Для цитирования: *Малько А. В., Гурьев В. В., Затонский В. А.* Государственно-правовая жизнь общества: проблема становления и актуальные вопросы общей теории // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 37–52. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-37-52>

Research Article

STATE AND LEGAL LIFE OF THE SOCIETY: THE PROBLEM OF FORMATION AND RELEVANT ISSUES OF GENERAL THEORY

Aleksandr V. Malko¹

Vyacheslav V. Guriev²

Viktor A. Zatonsky³

^{1,2,3} Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, 55 Radishcheva St., Saratov, 410003, Russia.

¹ nauka@sarrpa.ru

² sarrpa@rambler.ru

³ zatonsky-va@yandex.ru

Abstract

The relevance of the present paper is served by the need to enlarge the sphere of academic research in the field of state and law as well as the need to develop theoretical juridical doctrine, to fill it with appropriate knowledge, relative to current conditions, methodological approaches, and corresponding terms. The authors believe that the right position towards the category of “state and legal life” is especially valuable for theory and practice, as it provides the possibility to view diverse phenomena and processes of state-legal reality in complex. The work is aimed to study the processes of emergence and formation of the conception of state and legal life, and to determine its status in existing juridical doctrine. The authors apply: general scientific methods (which are dialectical

method, analysis, synthesis, comparison, analogy, systemic, functional method, etc.) and specific scientific methods (formal legal, comparative legal ones). The newness component is realized through the authors' theoretical analysis of the state-legal life phenomenon, which suffers the lack of study, and clarification of the object of theoretical and juridical science. The authors come to conclusion that the notion "state and legal life" as the reflection of the new theory should be implemented in categorical apparatus of juridical science, because this particular category fully reflects objective state-legal reality and acts as the object of state and law theory and legal doctrine in general.

Keywords: state; law; legal system; legal life; state and legal system; state and legal life; juridical science; scientific category; object of legal science.

For citation: Malko A. V., Guriev V. V., Zatonsky V. A. State and Legal Life of the Society: The Problem of Formation and Relevant Issues of General Theory. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 2, pp. 37–52. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-37-52>

Введение

Прошедшие два десятилетия XXI в. стали временем существенных изменений в состоянии российской государственности как в глобальном, межгосударственном измерении, так и внутреннем, национальном контексте. Эти подвижки не могли не затронуть и науку, которая все более и более подтверждает свою роль как непосредственной силы прогрессивного преобразования общества. Данное свойство науки присуще не только естествознанию. Оно ничуть не в меньшей степени имеет отношение к общественным наукам. И если вести речь о государственности, то ведущую роль в ее совершенствовании юридической науки вряд ли можно приуменьшить. Кроме того, развитие материального мира и науки, изучающей этот мир, – диалектически взаимосвязанные и взаимообусловленные процессы: наука создает условия, возможности, средства для технического и общественного прогресса, а сама необходимость подобного совершенствования становится стимулом, запускающим активизацию научных изысканий.

Ситуация, сложившаяся в мире в целом и в России (вокруг России) в частности, стала мощным стимулом, пусковым механизмом для наращивания научного поиска в сфере государства и права. Результатом данных усилий на сегодняшний день стало появление нового, более объемного знания, стремление исследователей упорядочить его, выразить в форме научных теорий, системы понятий, категорий, законов.

Юридическая наука, так же как и другие обществоведческие дисциплины, стала прирастать свежими теориями, концепциями, новым категориальным ресурсом. При этом речь вовсе не идет об отказе от тех или иных существующих концепций и соответствующих знаний. Происходит их развитие, наполнение более совершенными, приближенными к современным условиям знаниями, методологическими подходами, соответствующим инструментарием.

1. Правовая политика, правовая система, правовая жизнь: соотношение и содержание как отражение развивающейся теории

В теоретико-правовой науке такими знаниями стали теории, выраженные категориями «правовая политика» [1–3] и «правовая жизнь» [4–7]. Примечательно, что они были введены в категориальный аппарат теории права практически одновременно. И это вполне обоснованно. Ведь одна без другой данные категории (и социальные реалии) существовать не могут; отрицание одной из них лишает всякого смысла другую. Правовая жизнь – объект правовой политики [8].

Теория, выраженная категорией «правовая жизнь», существенно повышает познавательные возможности научного юридического сообщества, позволяет выйти за привычные, укоренившиеся в сознании многих ученых представления о правовых явлениях как сугубо позитивных, упорядоченных, правомерных, весь комплекс которых обозначается категорией «правовая система». Между тем, в научной литературе уже приведены достаточно убедительные доводы в пользу признания подобного толкования неточным, не соответствующим современным реалиям [3, с. 69–85; 9, с. 14–23; 10, с. 342–349]. Почему?

Во-первых, признание того или иного явления, процесса правовым вовсе не означает, что это явление или процесс правомерный, положительный, упорядоченный. Негативные, рассогласованные, неупорядоченные проявления социальной жизни, в том числе преступления и иные правонарушения – тоже правовые, безразличные праву, т.е. правовые, но со знаком «минус» [11, с. 3, 231–232]. Еще раз подчеркнем: негативные, противоправные, но все же правовые, относящиеся к тем общественным отношениям, на которые, главным образом, и направлено регулирующее и охранительное воздействие правовых норм.

Во-вторых, такая социальная реальность и прочно закрепившаяся в науке категория, как «правовая система», уже не отвечает отведенному ей в прежние времена статусу самой широкой, объемной научной юридической категории. Она вовсе не является «вместилищем, средоточием» всех юридических явлений [12, с. 197, 276–277; 13, с. 47; 14, с. 26], оставляя за своими рамками множество правовых (но не правомерных, со знаком «минус») отношений.

Данный вывод может быть обоснован, по сути, точно так же, как это сделали в середине 1980-х гг. авторы первой главы фундаментальной монографии «Правовая система социализма» В. Н. Кудрявцев, А. М. Васильев, В. П. Казимирчук, объясняя необходимость введения в науку категории «правовая система». Они отметили, что к тому времени «в юридической науке сложилась ситуация, когда аналитические разработки в праве перешагнули через наличные теории (ведь понятие, по существу, есть развивающаяся теория). Поскольку же наличный аналитический материал уже не укладывается в существующие теории, потребность синтеза необходимо ведет к новой теории (понятию), более адекватно обобщающей данные анализа». С их точки зрения, решению такой задачи как раз и отвечала в тот период идея правовой системы [15, с. 32].

В современной отечественной юридической науке сложилась аналогичная ситуация. Теперь уже правовая система не в состоянии охватить «наличный аналитический материал», что вызывает потребность в новой теории, выраженной

соответствующей научной категорией – «правовая жизнь» [16, с. 5–13]. Данная категория, в отличие от правовой системы, отражает иной, более высокий уровень исследования в направлении «право – правовая система – правовая жизнь». Как социальная реальность правовая жизнь представляет собой «форму социальной жизни, выражающуюся преимущественно в правовых актах и правоотношениях, характеризующую специфику и уровень правового развития данного общества, отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов» [2, с. 48]. Главное ее призвание как научной не просто юридической, а, скорее, междисциплинарной категории – отразить абсолютно все пространство бытия права, включая как позитивные, так и негативные его проявления.

Конечно же указанные проявления (такие, например, как правомерное и противоправное поведение) различаются по своей природе, содержанию и направленности. Тем не менее главное в них то, что по характеру они правовые и включены в качестве компонентов юридического пространства, выступают сегментами правового поля. Ведь называем же мы, скажем, незаконные акты правовыми. И делаем это вполне обоснованно. Так почему же нельзя считать правовым (но не правомерным, противоречащим действующему законодательству) противоправное поведение, как полагают некоторые ученые. Например, характеризуя такое явление, как теневое право, В. М. Баранов признает его наличие в жизни общества (ведь не может же оно существовать за пределами общества), но упорно отказывается позиционировать его в рамках правовой жизни этого самого общества на том основании, что «теневое право... активно противостоит» правовой жизни, «...разрушает ее в силу своей антиобщественной природы... Теневое право – жизнь, но... не правовая» [17, с. 9]. Кто же спорит с тем, что теневое право (как и любое другое негативное, противоправное явление, то или иное проявление неправомерного, правонарушающего поведения) вредит правовой жизни, препятствует обеспечению ее высокого качественного уровня, разрушает ее? Это действительно так. Но как можно вывести весь теневой сегмент правовой жизни общества за пределы данного общества только на том основании, что он имеет «антиобщественную природу»? Разве не может он оказывать свое разрушающее воздействие изнутри общества, его правовой жизни?

Нелишне будет заметить, что в учебной литературе по теории государства и права, криминологии как правомерное поведение, так и правонарушения, включая преступления, рассматриваются как виды правового поведения. В. Н. Кудрявцев, в частности, подчеркивает, что «преступность – социальна», что она выступает «как явление, существующее в обществе, связанное (и обусловленное) с другими социальными явлениями...», «преступная деятельность людей... является особым видом социальной деятельности (со знаком минус)». Он выступает против тенденции «выводить» преступность за пределы общества, призывает не забывать «о том, что преступность не просто социальное явление, а социальное явление, «включенное» в правовые границы», рассматривает отдельные преступления и преступность в целом как «социально-правовое явление, нарушающее нормальное функционирование общественного организма» [5, с. 38–39; 18, с. 6–7, 9–12].

Завершая данную часть нашего исследования, считаем важным указать на то, что негативный, теневой сегмент правовой жизни в отечественной юридической

литературе рассматривается не только с сугубо отрицательной стороны. Многие исследователи допускают возможность определенного положительного, стимулирующего воздействия теневого права на развитие правовой системы [19, с. 32–40; 20, с. 42–43].

Таким образом, имеются достаточные основания для придания правовой жизни статуса научной категории, закрепления ее в категориальном аппарате юридической науки, прежде всего общей теории государства и права.

2. Правовая жизнь общества и государство

Безусловно, никакая общественная жизнь без государства невозможна: ни экономическая, ни культурная, ни, тем более, политическая и правовая. Государство – наиболее важный и действенный субъект правовой сферы, всей общественной организации, оно формирует условия для эволюции правовой жизни, поскольку само нуждается именно в такой организации своего бытия. Именно такой статус государства в наибольшей мере отвечает той повышенной роли, которая отведена ему современными вызовами, порожденными внутригосударственными и мировыми процессами, дестабилизирующими жизнь общества. Подобного рода процессы и явления четко обозначены в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утв. указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. Внутри страны это, например, «высокий уровень преступности в отдельных сферах, экстремистские проявления, угрозы, связанные с возникновением чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (изменения климата, лесные пожары, наводнения и паводки, износ инженерно-технической и транспортной инфраструктуры, занос и распространение опасных инфекционных заболеваний)» и др. [21]. Но особо опасный комплекс угроз, как отмечено в указанном документе, исходит извне. «Нарастает геополитическая напряженность, изменяется структура мирового порядка, формируются новые архитектура, правила и принципы мироустройства. Как следствие, нарастает стремление стран Запада сохранить свою гегемонию, усиливается нестабильность в мире, растут радикальные и экстремистские настроения, возникает возможность попыток разрешить нарастающие межгосударственные противоречия за счет поиска внутренних и внешних врагов, что может привести к разрушению экономики, традиционных ценностей, игнорированию основных прав и свобод человека» [21].

Основное бремя решения современных угроз ложится именно на государство. Ведь абсолютно все подобные процессы негативным образом влияют именно на государство и национальную правовую систему. Не случайно в указанной Стратегии подчеркивается «стремление транснациональных корпораций ограничить роль государств», которое влечет за собой «обострение внутриполитических проблем, усиление межгосударственных противоречий, ослабление влияния международных институтов и снижение эффективности системы национальной безопасности» [21].

Следовательно, государство – особенный, уникальный субъект правовой жизни, непосредственно воздействующий на все ее стороны путем выработки и применения управленческого инструментария, закрепляемого в правовых актах. В более

широком контексте государство выступает организатором, изначальным «движителем» всей правовой жизни общества.

Государство в правовой жизни выступает как особый ее участник. Оно само по себе функционирует в механизме правовой жизни, «живет» в правовой сфере общества. Именно в правовой жизни государства прежде всего отражается весьма сложно развивающаяся и противоречивая юридическая действительность, неразрывная связь многообразных правовых явлений со всеми другими сферами жизнедеятельности общества – политической, экономической, духовной, религиозной, нравственной и т.п. [22, с. 42].

Получается, что правовая жизнь государства и его органов проявляется, в конечном счете, в обеспечении эффективного функционирования как самого государственного механизма, так и всех других субъектов, системы отечественной государственности в целом. Государство – институт политической власти, изначально призванный обеспечить управление обществом, выстраивающий для этого правовую систему, а жизнь социума – это то пространство, в котором происходят соответствующие процессы, реализуется главный из этих процессов – властвование, управление.

При этом государство и право как активно действующие, ведущие субъекты стремительно развивающейся и противоречивой жизни современного общества должны рассматриваться диалектически, в разнообразном взаимодействии и взаимовлиянии как между собой, так и с обществом, объединениями граждан. Поэтому, как справедливо отмечается в научной литературе, наряду с правовой жизнью, – достаточно устоявшейся категорией, – необходимо использовать и понятие государственно-правовой жизни [4, с. 217–254; 7, с. 87–107; 8, с. 44–48].

3. Государственно-правовая жизнь общества: понятие и признаки

Государственно-правовая жизнь общества – это относительно самостоятельный сегмент социальной жизни, выражающийся преимущественно в правовых актах, правообразующих и правореализационных отношениях, в непосредственном управлении, характеризующий специфику и уровень государственной и правовой организации данного общества, отношение субъектов к праву и государству, а также степень обеспеченности прав, свобод и законных интересов граждан.

Наиболее характерные сущностные и ценностные черты государственно-правовой жизни как социальной реалии и научной категории могут быть выражены следующим образом:

1) ее главное предназначение – отражение юридической действительности со всеми ее проблемами, сложностями и противоречиями, взаимоотношения всего спектра государственных и правовых явлений с общественными явлениями иной направленности (экономическими, культурно-этическими, нравственными, профессиональными и др.);

2) данная категория позволяет оценивать в обобщенной форме состояние государственно-правовой сферы общества в сложившихся на данный момент времени условиях, в том числе и прежде всего – поведение граждан, их объединений, социальных слоев, групп и т.п.;

3) государственно-правовая жизнь есть сфера, в которой, с одной стороны, реализуется властная воля государства, а с другой – действует регулятивно-охранительная сила права, воплощается его упорядочивающая роль, разворачивается весь комплекс разнообразных форм деятельности участников соответствующих отношений (как правомерной, так и противоправной, как патриотически направленной, так и антигосударственной);

4) государственно-правовая жизнь – вместилище всей совокупности явлений и процессов, имеющих место в ее пространстве, как позитивных, так и негативных. Именно это обстоятельство, в принципе говоря, и обуславливает прежде всего введение в понятийный аппарат юридической науки рассматриваемой категории.

Немалый интерес вызывает вопрос о том, используется ли понятие «государственно-правовая жизнь» в научной литературе. Наиболее раннее на сегодняшний день упоминание определения «государственная» в сочетании со словом «жизнь» обнаруживается в монографии шведского социолога и политолога, автора термина «геополитика» Рудольфа Челлена «Государство как форма жизни» (1916). Он, в частности, пишет: «Жизнь государства бьет ключом, перемещаясь от одной границы к другой, колеблясь вместе с государствами в такт истории» [23, с. 145], «...государство – это своего рода жизнь...» [23, с. 259]. Рассуждая о задачах политической науки, автор пишет, что «политика включает в себя в самом широком смысле всю историю настолько широко, насколько считают историю наукой о законах развития государственной жизни» [23, с. 293], указывает на требования, предъявляемые к ученым, «исследующим государственную жизнь» [23, с. 294]. Подводя итоги своего исследования, Р. Челлен отмечает: «Государство... не является только правовой организацией, собранием законов и системой управления.... Этот факт по своей сути есть... жизнь, движущаяся, действующая, работающая во внутрь и во вне... Он неослабно стремится к реализации... возможностей развития... входит в неослабное соприкосновение с другими сферами деятельности государства, его житья-бытья в добре или зле. Он... поставлен в условия борьбы за существование, которая занимает большую часть его сил и вызывает постоянные... трения с окружением» [23, с. 298].

Многочисленные примеры использования понятия «государственная (государственно-правовая) жизнь» и близких, родственных по смыслу понятий встречаются в современной юридической литературе. Так, Ю. А. Гуторов в одной из своих статей рассматривает «взгляды евразийцев на проблему устройства государственно-правовой жизни общества» [24, с. 381]. В. В. Трофимов наряду с понятием политико-правовой системы использует категорию «государственно-правовая жизнь» [25, с. 9]. В. И. Червонюк и Е. Ю. Зинченко применяют понятие «конституционно-правовая жизнь» [26, с. 185]. Рассматриваемую категорию можно встретить в работах других российских ученых-юристов [27, с. 291; 28, с. 110; 29, с. 149; 30, с. 27], а также зарубежных авторов [31, с. 7].

Таким образом, понятие «государственно-правовая жизнь» вторгается в категориальный аппарат юридической науки вовсе не спонтанно, не по чьему-то незадуманному наитию, а во многом обоснованно, закономерно, как адекватный ответ на сложившиеся в современном мире и в каждой стране реалии.

4. Объект юридической науки: государственно-правовая система или государственно-правовая жизнь?

Изложенные выше размышления и промежуточные выводы с неизбежностью требуют ответа на вопросы: зачем мы продвигаем в юридическую науку категорию «государственно-правовая жизнь», какой статус она должна обрести, будучи все-таки общетеоретической, более того, междисциплинарной, в теории государства и права?

На эти вопросы нельзя ответить однозначно. Дело в том, что в современной научной и учебной литературе четко обозначены две существенно отличающиеся друг от друга позиции, каждая из которых предлагает комплексное явление и соответствующую категорию, которой предлагает придать статус объекта общей теории государства и права. Обе эти позиции весьма интересны, заслуживают изучения и обстоятельного осмысления.

Р. А. Ромашов и его сторонники (соавторы коллективной монографии [32]) в качестве объекта теоретико-правовой науки продвигают комплексное явление, выраженное категорией «государственно-правовая система». При этом они формулируют свою позицию не двусмысленно, вполне определенно: «Основным центром теоретического осмысления этой науки должен стать феномен государственно-правовой системы.... Только наука, центр познания которой – государственно-правовая система, может считаться наукой наивысшего теоретического осмысления государственно-правовой реальности» [32, с. 22–23].

Не можем признать подобную претензию по поводу категориального статуса государственно-правовой системы оправданной в силу нескольких вполне очевидных обстоятельств.

Во-первых, такие социальные явления и понятия, как «государственно-правовая система» и «государственно-правовая реальность» совершенно разные по своему объему, содержательному наполнению. Первое значительно уже второго. Государственно-правовая система – только часть государственно-правовой реальности. Да, авторский коллектив рассматриваемой монографии довольно широко трактует ее (системы) объем, который можно выразить формулой «все правовое плюс все государственное» в данном обществе. В то же время пространство, охватываемое данной категорией, оказывается усеченным (в сравнении с реальностью), поскольку как правовыми, так и государственными признаются лишь позитивные, правомерные, полезные, приемлемые для государства и общества явления, процессы, поведенческие проявления. И это правильно. Только подобные явления и процессы может включать в себя как правовая, так и государственно-правовая система. Государственно-правовая реальность же намного шире, многообразнее соответствующей системы, представлена как позитивными явлениями, так и негативными.

Таким образом, Р. А. Ромашов и его коллеги призывают «центром познания» теоретико-правовой науки в целях «наивысшего теоретического осмысления государственно-правовой реальности» считать явление, которое по своему объему не соответствует этой самой реальности. Парадоксально, но именно так, а не иначе. Кроме того, вызывает некоторое недоумение то, что они почему-то используют не обычное понятие «объект науки», а непонятное и расплывчатое (во всяком

случае, не истолкованное авторами) словосочетание «центр познания». Поэтому мы воспринимаем «центр» и «объект» как синонимы.

Конечно же теория, выраженная категорией «государственно-правовая система», не может быть отвергнута, определенная и немалая научная и прикладная ценность в ней, безусловно, есть. Ее разработку необходимо продолжать. Однако признание государственно-правовой системы объектом общей теории государства и права было бы опрометчивым. Данная система – лишь часть, пусть основная, «центральная», но только часть государственно-правовой реальности, а следовательно, всего лишь часть объекта теоретико-правовой науки.

Однако прежде чем перейти к характеристике другого, более приемлемого, на наш взгляд, подхода к определению объекта теории государства и права, да и юридической науки в целом, необходимо остановиться еще на одном сюжете монографии авторского коллектива под руководством Р. А. Ромашова [32]. Речь идет о трактовке субъектного состава государственно-правовой системы. Государственно-правовая система рассматривается как «комплексная категория, включающая в качестве структурно-функциональных элементов государственно-правовые институты, субъектов государственно-правовых отношений, а также их (отношений) содержание, в рамках которого происходит реализация субъективных прав и обязанностей» [32, с. 8].

В качестве же субъектов государственно-правовых отношений Р. А. Ромашов в одной из своих статей указывает на государственные органы и должностные лица (бюрократическую элиту), само государство, административно-территориальные образования (субъекты федеративных государств), негосударственные формирования (политические партии, профсоюзы, религиозные конфессии и др.), отдельных граждан [33, с. 40].

Кстати, подобный беспредельный, безграничный подход к структуре правовой системы существует уже давно. Это подход, в соответствии с которым в качестве составных элементов выделяются субъекты права. Не юридически значимая деятельность участников правоотношений, не субъективные права и юридические обязанности, а необъятное число их носителей, т.е. «именно человек (гражданин, иностранный гражданин, лицо без гражданства) и его объединения (общественные организации и движения, акционерные общества, другие коммерческие и некоммерческие организации и государство в целом)... выступают реальными элементами правовой системы» [34, с. 463–464, 483]. Аналогичную трактовку субъектного состава осуществляют авторы рассматриваемой монографии применительно к государственно-правовой системе.

Что можно сказать? Только то, что данный подход вряд ли можно признать правильным. Как в правовую, так и в государственно-правовую систему входят права, свободы и обязанности (субъективное право) но не их носители – физические и юридические лица. Все они – субъекты права, но «включение самих субъектов права в правовую систему, тем более в качестве «ядра», «главного компонента» правовой системы, лишает последнюю качеств «правовой» и «системы», превращая понятие правовой системы в бессодержательную, лишённую здравого смысла абстракцию» [35, с. 325]. Человек как носитель прав и обязанностей – центр право-

вой жизни [36, с. 166], но не правовой системы. Данная оценка в полной мере применима и к рассматриваемой концепции государственно-правовой системы.

Итак, как следует из сказанного, второй подход к определению объекта теоретико-правовой науки исходит из того, что таковым является государственно-правовая жизнь общества. Данное положение находит признание в трудах В. М. Сырых [37, с. 43–97, 104–115], М. Н. Марченко [38, с. 6–24] и др. Основные положения, обосновывающие указанный вывод, могут быть сведены к следующим позициям.

Объект науки нельзя рассматривать в отрыве от ее предмета. Если предмет теории государства и права, его «непосредственное содержание» образуют «закономерности функционирования и развития» государственно-правовых явлений, то объектом данной науки выступает «форма проявления этих закономерностей в реальной жизни, конкретно-исторические процессы возникновения, развития и современного существования государства и права» [37, с. 44–45]. По мнению М. Н. Марченко основное различие предмета теоретико-правовой науки и ее объекта «заключается... в том, что если объект... – это сама... реальная государственно-правовая жизнь, то предмет... это выявленные и выявляемые благодаря интеллектуальной деятельности субъекта познания и отражаемые в его сознании глубинные связи, или срезы этой жизни» [38, с. 19].

Категория «объект» в философской литературе рассматривается как отражение того, «что противостоит субъекту в его предметно-практической и познавательной деятельности», и в качестве такового объекта для познающего индивида выступает «объективная реальность, существующая независимо от человека и его сознания...» [39, с. 924]. Такой реальностью и является объективно существующая государственно-правовая жизнь.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, считаем необходимым отметить, что теория, выраженная категорией «государственно-правовая жизнь», появляется не спонтанно, не на пустом месте и в то же время не создает никаких пустот. Имеется в виду то, что данная теория и выражающая ее категория не «съедает», не ликвидирует те концепции, которые выражаются категориями «правовая система», «государственно-правовая система» и на которые до последнего времени ориентировалась теоретико-правовая наука, а в определенной степени пока еще продолжает ориентироваться.

Речь идет о том, что эти ставшие традиционными категории и соответствующие теории интегрируются в новые, более широкие, можно сказать предельно широкие концепции: теория правовой системы становится частью более комплексной теории, выраженной категорией «правовая жизнь», а государственно-правовая система включается в государственно-правовую жизнь в качестве центральной составной части соответствующей теории.

При этом как социальные реалии правовая жизнь общества и его государственно-правовая жизнь должны изучаться и анализироваться как самостоятельные феномены, подобно тому, как могут в отдельности исследоваться право и государство. Ведь это явления, хотя и теснейшим образом взаимосвязанные, взаимно

обусловленные, взаимозависимые и взаимодействующие, но тем не менее самостоятельные. Такой подход, как представляется, наиболее приемлем в целях эффективного научного обеспечения, с одной стороны, общественных отношений, связанных с правом и его функционированием в обществе, а с другой стороны, тех социальных процессов, которые обусловлены исполнением государственных функций, управлением обществом, его интеграцией.

Именно государственно-правовая жизнь является объектом общей теории государства и права, да и всей юридической науки. Теоретико-правовая наука сосредотачивается на общей теории и методологии, вырабатывая базу, фундамент осмысления государственно-правовой реальности, а другие юридические научные дисциплины (отраслевые, межотраслевые, прикладные и др.) акцентируются на тех или иных сегментах объективной государственно-правовой жизни общества. При этом ни в коем случае не следует «...отрывать государственно-правовую жизнь и изучающие ее научные дисциплины, включая теорию государства и права, от реальной... жизни» [37, с. 8].

И вовсе не государственно-правовая система, а государственно-правовая жизнь позволяет обеспечить наиболее высокий уровень обобщения политико-правовой реальности.

Пристатейный библиографический список

1. *Рудковский В. А.* Правовая политика и осуществление права : монография / под ред. Н. Н. Вопленко. Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2009.
2. *Малько А. В.* Теория правовой политики : монография. М.: Юрлитинформ, 2012.
3. Правовая политика как способ модернизации правовой системы общества : монография / под ред. А. В. Малько. М. : Институт государства и права РАН, 2019.
4. Правовая жизнь современного российского общества : уровни, срезы, сегменты : монография / под ред. А. В. Малько. М. : Проспект, 2016.
5. Правовая жизнь общества : проблемы теории и практики : монография / под ред. А. В. Малько. М. : Проспект, 2016.
6. Правовая жизнь современного общества : негатив и позитив : коллективная монография / под ред. А. В. Малько, В. В. Трофимова. Тамбов : ИД «Державинский», 2021.
7. Правовая жизнь общества и единое правовое пространство в Российской Федерации : монография / под ред. А. В. Малько. М. : Юстиция, 2023.
8. *Малько А. В., Трофимов В. В.* Правовая жизнь общества как объект правовой политики в условиях глобализации и регионализации : монография М. : Юстиция, 2020.
9. *Малько А. В., Затонский В. А.* Правовая система – ключевой компонент государственности, качественная основа правовой жизни общества // Российский юридический журнал. 2007. № 2.
10. *Затонский В. А.* Концепция правовой жизни как фактор достижения определенности в трактовке элементного состава правовой системы общества // Госу-

дарственно-правовые исследования : научно-образовательный ежегодник. Вып. 4. 2021 (2020/2021 учебный год). Тамбов : ИД «Державинский», 2021.

11. *Кудрявцев В. Н.* Правовое поведение : норма и патология. М. : Наука, 1982.
12. *Карбонье Ж.* Юридическая социология / пер. с фр. В. А. Туманов. М. : Прогресс, 1986.
13. *Алексеев С. С.* Право : азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999.
14. *Матузов Н. И.* Правовая система и личность. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1987.
15. Правовая система социализма : в 2 кн. Кн. 1 : Понятие, структура, социальные связи / отв. ред. А. М. Васильев. М. : Юрид. лит., 1986.
16. *Малько А. В.* Категория «правовая жизнь» : проблемы становления // Государство и право. 2001. № 5.
17. *Баранов В. М.* Теневое право как антиюридическая жизнь // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4 (28).
18. Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 1999.
19. *Трикоз Е. Н.* «Теневое право» : миф или реальность // Законодательство и экономика. 2005. № 1.
20. *Калинин А. Ю., Кириллов С. И.* Теневое право : понятие и основные подходы к рассмотрению // Вестник юридического факультета Коломенского института (филиала) ГОУ ВПО МГОУ им. В. С. Черномырдина. 2011. № 6.
21. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. 2). Ст. 5351.
22. Правовая жизнь в современной России : теоретико-методологический аспект : монография / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов : Изд-во СГАП, 2005.
23. *Челлен Р.* Государство как форма жизни / пер. с швед. и примеч. М. А. Исаева ; предисл. и примеч. М. В. Ильина. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.
24. *Гуторов Ю. А.* Государство правды как средство утверждения истинной идеологии в учении евразийцев // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2018. № 16.
25. *Трофимов В. В.* Идея верховенства права в государстве и социально-властный диалог в правотворческой плоскости как фактор ее осуществления // Право и государство : теория и практика. 2023. № 2.
26. *Червонюк В. И., Зинченко Е. Ю.* Сущность конституционного строя и его нормативные основания // Право и государство : теория и практика. 2021. № 9 (201).
27. *Мамычев А. Ю.* Основы российской государственности: теоретико-правовой анализ // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2010. № 52.
28. *Плетников В. С.* Проект конституции периода «оттепели» : участие общественности в обсуждении // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2020. № 3 (17).
29. *Паронян К. М.* Пределы и ограничения использования искусственного интеллекта в государственно-правовой жизни // Право и практика. 2021. № 4.

30. Сулейманова О.Л. Правоведение – направления развития // Право и государство : теория и практика. 2020. № 1 (181).
31. Шарофзода Р.Ш., Шокиров Г.А. Информация как объект юридического научного познания и правового воздействия // Правовая жизнь. 2021. № 3 (35).
32. Государственно-правовые системы современности : монография / под ред. Р. А. Ромашова. СПб. : Алетейя, 2023.
33. Ромашов Р.А. Государственно-правовые системы современности // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 3 (61).
34. Теория государства и права : учебник / отв. ред. В. М. Корельский, В. Д. Перевалов. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1996.
35. Российское государство и правовая система : современное развитие, проблемы, перспективы : монография / под ред. Ю. Н. Старилова. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999.
36. Байтин М.И. Сущность права: (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов : Изд-во СГАП, 2001.
37. Сырых В.М. Логические основания общей теории права : в 2 т. Т. 1 : Элементный состав. М. : Юстицинформ, 2000.
38. Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права: учебник : в 2 т. Т. 1 : Государство. М. : Проспект, 2015.
39. Советский энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1980.

References

1. Rudkovskii V. A.; Voplenko N. N. (ed.). Legal Policy and Implementation of Law: Monograph. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. (In Russ.)
2. Malko A. V. Theory of Legal Policy: Monograph. Moscow: Iurlitinform, 2012. (In Russ.)
3. Malko A. V. (ed.). Legal Policy as a Way to Modernize the Legal System of Society: Monograph. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019. (In Russ.)
4. Malko A. V. (ed.). Legal Life of Modern Russian Society: Levels, Sections, Segments: Monograph. Moscow: Prospekt, 2016. (In Russ.)
5. Malko A. V. (ed.). Legal Life of Society: Problems of Theory and Practice: Monograph. Moscow: Prospekt, 2016. (In Russ.)
6. Malko A. V., Trofimov V. V. (eds.). Legal Life of Modern Society: Negative and Positive: Collective Monograph. Tambov: Derzhavinskii, 2021. (In Russ.)
7. Malko A. V. (ed.). Legal Life of Society and a Single Legal Space in the Russian Federation: Monograph. Group of Authors. Moscow: Justice, 2023. (In Russ.)
8. Malko A. V., Trofimov V. V. Legal Life of Society as an Object of Legal Policy in the Context of Globalization and Regionalization: Monograph. Moscow: Justice, 2020. (In Russ.)
9. Malko A. V., Zatonskii V. A. The Legal System Is a Key Component of Statehood, the Qualitative Basis of the Legal Life of Society. *Russian Legal Journal*, 2007, no. 2. (In Russ.)
10. Zatonskii V. A. The Concept of Legal Life as a Factor in Achieving Certainty in the Interpretation of the Elemental Composition of the Legal System of Society. In State

Legal Studies: Scientific and Educational Yearbook. Issue 4. 2021 (2020/2021 Academic Year). Tambov: Derzhavinskii, 2021. (In Russ.)

11. *Kudriavtsev V. N.* Legal Behavior: Norm and Pathology. Moscow: Nauka, 1982. (In Russ.)

12. *Carbonier J.; Tumanov V. A. (ed.)*. Legal Sociology. Moscow: Progress, 1986. (In Russ.)

13. *Alekseev S. S.* Law: ABC – Theory – Philosophy. Experience of Complex Research. Moscow: Statut, 1999. (In Russ.)

14. *Matuzov N. I.* Legal System and Personality. Saratov: Saratov University Publishing House, 1987. (In Russ.)

15. *Vasiliev A. M. (ed.)*. Legal System of Socialism. In 2 books. Book 1: Concept, Structure, Social Connections. Moscow: Iuridicheskaiia literatura, 1986. (In Russ.)

16. *Malko A. V.* Category of “Legal Life”: Issues of Formation. *State and Law*, 2001, no. 5. (In Russ.)

17. *Baranov V. M.* Shadow Law as Anti-Legal Life. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 4 (28). (In Russ.)

18. *Kudrlyavtsev V. N., Eminov V. E. (eds.)*. Criminology: Textbook. 2nd ed. Moscow: Iurist, 1999. (In Russ.)

19. *Trikoz E. N.* “Shadow Law”: Myth or Reality. *Legislation and Economics*, 2005, no. 1. (In Russ.)

20. *Kalinin A. Iu., Kirillov S. I.* Shadow Law: Concept and Main Approaches to Consideration. *Bulletin of the Faculty of Law of the Kolomna Institute (Branch) of the MGOLu named after V. S. Chernomyrdin*, 2011, no. 6. (In Russ.)

21. Decree of the President of the Russian Federation of 2 July 2021 No. 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 27 (part 2), art. 5351. (In Russ.)

22. *Matuzov N. I., Malko A. V. (eds.)*. Legal Life in Modern Russia: Theoretical and Methodological Aspect: Monograph. Saratov: Saratov State Academy of Law Publ., 2005. (In Russ.)

23. *Challen R.; Ilyin M. V. (trans.)*. The State as a Form of Life. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2008. (In Russ.)

24. *Gutorov Iu. A.* The State of Truth as a Means of Establishing True Ideology in the Teachings of the Eurasians. *Proceedings of the Nizhny Novgorod Theological Seminary*, 2018, no. 16. (In Russ.)

25. *Trofimov V. V.* The Idea of the Rule of Law in the State and Social-Power Dialogue in the Law-Making Plane as a Factor in its Implementation. *Law and State: Theory and Practice*, 2023, no. 2. (In Russ.)

26. *Chervoniuk V. I., Zinchenko E. Iu.* The Essence of the Constitutional System and its Normative Foundations. *Law and State: Theory and Practice*, 2021, no. 9 (201). (In Russ.)

27. *Mamychev A. Iu.* Fundamentals of Russian Statehood: Theoretical and Legal Analysis. *Bulletin of the Taganrog State Pedagogical Institute*, 2010, no. 52. (In Russ.)

28. *Pletnikov V. S.* Draft Constitution of the “Thaw” Period: Public Participation in the Discussion. *Socio-Economic and Humanitarian Journal*, 2020, no. 3 (17). (In Russ.)

29. *Paronian K. M.* Limits and Limitations of the Use of Artificial Intelligence in State and Legal Life. *Law and Practice*, 2021, no. 4. (In Russ.)

30. *Suleimanova O. L.* Jurisprudence – Directions of Development. *Law and State: Theory and Practice*, 2020, no. 1 (181). (In Russ.)
31. *Sharofzoda R. Sh., Shokirov G. A.* Information as an Object of Legal Scientific Knowledge and Legal Influence. *Legal Life*, 2021, no. 3 (35). (In Russ.)
32. *Romashov R. A. (ed.)*. State Legal Systems of our Time: Monograph. St. Petersburg: Aletheya, 2023. (In Russ.)
33. *Romashov R. A.* State Legal Systems of Our Time. *Leningrad Legal Journal*, 2020, no. 3 (61). (In Russ.)
34. *Theory of State and Law: Textbook*. Yekaterinburg: Ural State Law Academy, 1996. (In Russ.)
35. *Starilov Iu. N. (ed.)*. Russian State and Legal System: Modern Development, Problems, Prospects: Monograph. Voronezh: Voronezh State University Publishing House, 1999. (In Russ.)
36. *Baitin M. I.* The Essence of Law: (Modern Normative Legal Understanding on the Verge of Two Centuries). Saratov: Saratov State Law Academy Publishing House, 2001. (In Russ.)
37. *Syrykh V. M.* Logical Foundations of the General Theory of Law. In 2 vols. Vol. 1: Elemental Composition. Moscow: Iustitsinform, 2000. (In Russ.)
38. *Marchenko M. N.* General Theoretical Issues of State and Law: Textbook. In 2 vols. Vol. 1: State. Moscow: Prospekt, 2015. (In Russ.)
39. *Soviet Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1980. (In Russ.)

Сведения об авторах:

А. В. Малько – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ.

В. В. Гурьев – кандидат экономических наук, доцент.

В. А. Затонский – кандидат исторических наук.

Information about the authors:

A. V. Malko – Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation.

V. V. Guriev – PhD in Economics, Associate Professor.

V. A. Zatonsky – PhD in History.

Статья поступила в редакцию 22.12.2023; одобрена после рецензирования 12.02.2024; принята к публикации 04.03.2024.

The article was submitted to the editorial office 22.12.2023; approved after reviewing 12.02.2024; accepted for publication 04.03.2024.

Научная статья

УДК 340.15

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-53-63>

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ АКСИОЛОГИИ

Дмитрий Александрович Авдеев

Тюменский государственный университет, 625003, Россия, г. Тюмень,

ул. Володарского, д. 6

ronner@mail.ru

Аннотация

В статье автор анализирует современные подходы к определению понятия «конституционная ценность», выявляет сущностные признаки данной правовой категории, на основе чего предлагает собственное видение по некоторым вопросам отечественной конституционной аксиологии. В частности, формулируется понятие конституционной ценности, говорится о соотношении конституционных ценностей между собой, о возможности их универсализации. Обосновывается вывод, что конституционными ценностями являются правовая свобода личности, отношения собственности, общественная безопасность (правопорядок), государственная идентичность и народовластие.

Ключевые слова: правовая аксиология; конституционные ценности; правовая свобода; собственность; народовластие; общественный порядок; государственная идентичность.

Для цитирования: Авдеев Д. А. Некоторые теоретические проблемы отечественной конституционной аксиологии // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 53–63. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-53-63>

Research Article

SOME THEORETICAL PROBLEMS OF DOMESTIC CONSTITUTIONAL AXIOLOGY

Dmitriy A. Avdeev

Tyumen State University, 6 Volodarskii St., Tyumen, 625003, Russia
ronner@mail.ru

Abstract

In the article, the author analyzes modern approaches to defining the concept of “constitutional value”, identifies the essential features of this legal category, on the basis of which he offers his own vision on some issues of domestic constitutional axiology. In particular, the concept of constitutional value is formulated, the relationship between constitutional values and the possibility of their universalization is discussed. The conclusion is substantiated that constitutional values are: legal freedom of the individual, property relations, public safety (law and order), state identity and democracy.

Keywords: legal axiology; constitutional values; legal freedom; property; democracy; public order; state identity.

For citation: Avdeev D. A. Some Theoretical Problems of Domestic Constitutional Axiology. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 2, pp. 53–63. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-53-63>

Введение

В период политико-правовой модернизации и социально-экономической трансформации актуализируются вопросы юридической аксиологии, возрастает роль и значение конституционных ценностей. Сами по себе ценностные ориентиры общественного и государственного свойства становятся основой последующего развития общественных отношений, а потому приобретают нормативно-правовой характер их регламентирования.

Конституционные ценности в последние годы вновь стали предметом научных полемик на различных конференциях и обсуждениях в юридической литературе. При этом дискуссии ведутся, как правило, вокруг нескольких основных вопросов: что необходимо понимать под конституционной ценностью? Что следует относить к конституционным ценностям? Допустима ли иерархия конституционных ценностей? Существует ли универсализация конституционных ценностей? Ответы на эти и другие вопросы, несмотря на полемичность и неоднозначность самой категории конституционных ценностей, позволят выработать относительно общий подход,

или же найти компромисс, в понимании их правовой природы. В свою очередь исследование сущностных свойств и характеристик конституционных ценностей прояснит ряд моментов теоретического и практического свойства, что позволит выявить роль и назначение конституционных ценностей как в повседневной жизни граждан, так и в процессе функционирования органов публичной власти. В рамках данной статьи попробуем ответить на вышеуказанные вопросы и дать собственное видение тех или иных аспектов рассматриваемой проблематики.

1. Что же следует считать конституционной ценностью?

Как показывает анализ существующих мнений и позиций, относительно правовой природы конституционных ценностей, в целом наблюдается единый подход к выявляемым их сущностным свойствам и признакам, несмотря на то, что «конституционные ценности – это сложная конституционно-доктринальная, юридическая и нормативная конструкция, возникающая как результат реализации аксиологической функции конституции» [1, с. 2–5], в процессе которой происходит своеобразный отбор устойчивых социальных ценностей-идеалов с их последующим закреплением в виде конституционных провозглашений: норм-принципов, норм-целей, норм-задач [2, с. 151].

Приведем, в качестве примера, некоторые мнения, которые отражают подходы к определению конституционных ценностей. Так, О. Снежко под конституционными ценностями понимает основополагающие, предельно обобщенные принципы (цели, установки), лежащие в основе российской государственности [3, с. 13]. Е. И. Ключко предлагает относить к конституционным ценностям «идеи, идеалы, ориентиры, имеющие положительную значимость для всего народа и являющиеся основой всей правовой системы, общественного и государственного развития. Они могут быть выражены как в абстрактных, неформализованных конституционных принципах, так и закреплены в Конституции при помощи конкретных конституционных норм, которые в данном случае будут являться завершающим элементом, конечной правовой формой выражения конституционных ценностей, пронизывающих все содержание Конституции» [4, с. 121].

Представляет интерес позиция А. А. Кондрашева, который считает, что конституционные ценности «представляют собой общесоциальные принципы (догматы) с правовой коннотацией, закрепленные в конституции или вытекающие из системного толкования нескольких конституционных предписаний, а также выявляемые в ходе интерпретационной деятельности органов конституционного правосудия, которые имеют целью обеспечить достижение такого соотношения интересов личности, общества и государства, где в приоритете высшая ценность личных прав человека в рамках возникших в ходе цивилизационного развития морально-нравственных, общесоциальных, этических, правовых, культурных и иных фундаментальных основ человеческого бытия» [5, с. 22]. Е. В. Ереклинцева также рассматривает конституционные ценности как универсальные приоритетные социальные принципы (цели, установки), формализованные в конституции и (или) исходящие из результата конституционно-оценочной деятельности судебных органов конституционного контроля, обеспечивающие оптимальное развитие лич-

ности, общества и государства на основе баланса частных и публичных интересов, опирающегося на принцип справедливости [6, с. 23].

В коллективной монографии «Конституционные ценности: современный опыт России и зарубежных стран» обосновывается, что в обычном понимании конституционные ценности рассматриваются как основополагающие правовые устои общественной и государственной жизни, нашедшие прямое закрепление в тексте Конституции РФ или вытекающие из ее общих начал и смысла. В более широком понимании под конституционными ценностями следует понимать совокупность универсальных и приоритетных принципов и целей, формализованных в Основном законе и (или) исходящих из результата конституционно-оценочной деятельности судебных органов конституционного контроля, обеспечивающих наиболее оптимальное развитие личности, общества и государства на основе баланса частных и публичных интересов [7, с. 5].

Вышеприведенные позиции позволяют прийти к следующим выводам. Во-первых, то, что в основе жизнедеятельности любого социума лежат общественно значимые социально ориентированные, признаваемые большинством граждан идеи или обстоятельства, которые появляются (складываются, формируются) под воздействием различного рода факторов и условий, выступающие в качестве приоритетного направления, своего рода, ориентиром в развитии общественных отношений, которые и являются, собственно, ценностями. Во-вторых, данные ценности определяют вектор развития как государственно-правовых, так и общественно-социальных институтов. Они оказывают влияние на поведенческую модель личности, способствуют выработке органами публичной власти наиболее оптимальных решений нормативного свойства при регулировании общественных отношений. Таким образом, человеческое сообщество не может обходиться, не может даже существовать, без определенной системы ценностей, которые выступают движущей силой социума. Следовательно, конституционными ценностями выступают идеи, явления или социально значимые обстоятельства, закрепляемые в последующем в конституции (или же приравниваемых к ней иных правовых документах), выступающие в качестве ориентирующих положений, определяющих содержание норм текущего законодательства, в основе которого лежит приоритет конституционных ценностей при регулировании общественных отношений [8, с. 76]. Конституционные ценности являются ядром правовых ценностей, которые получает свое законодательное оформление, определяя тем самым вектор эволюционного развития общества и государства в целом.

2. Что следует относить к конституционным ценностям?

Прежде всего следует различать общественно значимые ценности правового и неправового свойства. Правовыми, ценности, становятся в случае их нормативно-правового закрепления, что предполагает возможность в последующем применять различные способы и средства их юридического обеспечения. Так, к конституционным ценностям следует относить те, которые находят свое отражение в тексте Конституции. Говоря о юридической природе конституционных ценностей, Н. С. Бондарь считает, что таковыми они становятся в силу отражения соци-

альных ценностей в Конституции, посредством которой они «трансформируются в конституционные идеи-принципы и обретают формально-юридическую нормативность» [9, с. 20]. Таким образом, общественно социально значимые, одобряемые большинством граждан ценности, получают своеобразный юридико-правовой статус – конституционный.

Формулируя дефиницию конституционных ценностей А. А. Суханова относит к ним «права и свободы человека и гражданина, правовую государственность, социальную государственность, единство экономического пространства и свободу экономической деятельности, равную защиту форм собственности, идеологический и политический плюрализм, гражданство, демократию и народный суверенитет, государственный суверенитет Российской Федерации, федерализм, республиканскую форму правления, разделение властей на законодательную, исполнительную, судебную, светский характер государства, разграничение государственной власти и местного самоуправления» [10, с. 53]. Однако, по нашему мнению, не все принципы и положения, устанавливающие, в частности, общественное и государственное устройство следует рассматривать как конституционные ценности. К примеру, принципы и способы организации публичной власти к которым относится форма правления, разделение властей, политическое многообразие, форма государственно-территориального устройства, политический режим, в том числе методы централизации или же децентрализации государственного управления не являются правовыми ценностями, а выступает скорее всего средствами и способами осуществления государственной власти. Так, считаем, выглядит несколько странным рассматривать форму государственно-территориального устройства, например, федерацию как конституционную ценность. Скорее всего ценностью является не сама форма территориального устройства государства – федерация, а децентрализации государственного правления, которая предполагает сбалансированное разграничение компетенционных полномочий между федеральным центром и субъектами федерации, гармоничное распределение финансово-бюджетных средств, что находит свое отражение в реализации принципа федерализма. Иными словами, ценностью является идея (принцип) федерализма, но не сама федерация как форма территориального устройства государства. Унитарную форму государственно-территориального устройства также следует рассматривать как один из вариантов территориальной организации государственной власти, которая может являться оптимальным способом организации публичной власти.

Разделение властей, выступает лишь одним из способов децентрализации и децентрализации государственно властных полномочий, используемый во избежание излишнего их сосредоточения в одном политическом центре управления. Опыт отечественного советского государственного строительства показал, что государство может обходиться без принципа разделения властей, используя иную концепцию организации государственных власти – сосредоточение законодательных и исполнительно-распорядительных полномочий и функций в одном органе. Таким образом, перечисляемые в ст. 1 Конституции характеристики Российской Федерации представляют собой, конституционные параметры государства, которые являются лишь внешними атрибутами, отражающие те или иные особен-

ности публичной власти организации. Конституционные ценности выступают, по верному замечанию И. Г. Дудко, отражением идеально-духовного, выработанного посредством социокультурных связей и отношений; они «генетически» связаны с Конституцией, но, вместе с тем, не сводятся к «нормативному содержанию конституционных положений» [11, с. 340].

По нашему мнению, конституционной ценностью следует считать *народовластие*. Народовластие является основой функционирования любого современного цивилизованного государства. Подавляющее большинство государств в своих конституциях закрепляет, что источником власти является народ, а организация и деятельность органов публичной власти осуществляется на принципах демократизма и легитимности. Следовательно, народовластие, представляет собой важную составляющую политического управления, которое предполагает сколько не только участие граждан в управлении делами государства через институт непосредственной демократии, сколько осуществлении публичной власти в интересах подавляющего большинства граждан конкретной страны. Таким образом, народовластие представляет собой конституционную ценность, которая обеспечивается различными способами и средствами осуществления публичной власти, речь о которых шла выше.

В юридической литературе часто отдельные субъективные права и свободы предлагают рассматривать как конституционную ценность. В частности, появление в результате поправок 2020 г. в конституционном тексте нормы «уважение человека труда», позволяет некоторым исследователям говорить о новой конституционной ценности [12, с. 262–265]. Однако, на наш взгляд, излишнее дробление конституционных ценностей может привести к девальвации их как таковых. Считаем, что видеть в каждой конституционной норме ту или иную ценность ошибочно. Поэтому, следует отличать, а точнее, понимать – что является конституционной ценностью, а что является лишь ее составной частью. Так, по нашему мнению, конкретные субъективные права и свободы не являются сами по себе ценностями, а в своей совокупности представляют *правовую свободу личности*, которая и является конституционной ценностью. Важно уметь выявить именно ту социально значимую и признаваемую большинством граждан ценность, которая представляет собой своеобразный ориентир поведенческой модели граждан и функционирования органов публичной власти.

К числу иных конституционных ценностей следует отнести *отношение собственности*. Собственность как отношение между различными субъектами права, выступает конституционной ценностью как таковая и представляет собой социально значимую ценность для всех, ибо собственность (прежде всего в юридическом смысле) является важным элементом социально-экономических связей, в связи с чем предполагает правовое признание и, соответственно, защиту. Собственность в различных ее формах и видах является основой полноценного функционирования гражданского общества, она позволяет, например, формировать собственника – полноценного гражданина, который может реализовывать свою правовую свободу. Развитие института собственности это основа построения правового государства. Поэтому собственность как юридические отношения является конституционной ценностью.

Общественная безопасность (правопорядок), безусловно, является залогом нормальной жизнедеятельности общества. Гражданин заинтересован в обеспечении общественного порядка и в существовании условий безопасности, которые позволяют реализовывать свою правовую свободу, а также гарантируют ему невмешательство со стороны третьих лиц. В этом смысле общественная безопасность (правопорядок) выступает условием гармоничной жизнедеятельности социума и органов публичной власти. Общественная безопасность (правопорядок) позволяет бесперебойно функционировать органам публичной власти, реализовывая возложенные на них функции задачи [13, с. 26].

Государственную идентичность, по нашему мнению, в особенности в свете последних международных событий, надлежит рассматривать как конституционную ценность общегосударственного свойства. Государственная идентичность представляется важной конституционной ценностью, а ее сохранение и обеспечение одной из приоритетных задач общества и государства. Так, согласно п. 4 и 5 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утв. Указом Президента от 9 ноября 2020 г. [14], традиционные ценности как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляют гражданское единство, находят свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России. В соответствии с п. 7 традиционные ценности как основа российского общества, позволяют защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала. Подчеркивается, что государственная политика по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей представляет собой совокупность скоординированных мер, осуществляемых Президентом Российской Федерации и иными органами публичной власти при участии институтов гражданского общества для противодействия социокультурным угрозам национальной безопасности Российской Федерации в части, касающейся защиты традиционных ценностей.

2 июля 2021 г. Президент РФ принял указ № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [15] в соответствии с которой подчеркивается, что происходящие в современном мире изменения затрагивают не только межгосударственные отношения, но и общечеловеческие ценности. Нельзя не согласиться с мнением Е.А. Отставновой, что «только совместные усилия помогут оградить российское общество от деструктивного влияния западных ценностей и сохранить единство и целостность Российского государства» [16, с. 52]. Таким образом, конституционные ценности представляют собой объективированную системную совокупность, выступающей в качестве высшей цели конституционного развития, они есть то, чему должна соответствовать социально-духовная среда общества и целеустройство государства» [11, с. 340].

Таким образом, к конституционным ценностям, имеющие универсальный характер и относящиеся к числу общечеловеческих, получившие закрепление в по-

давляющем большинстве конституций в том или ином виде, относятся: *народовластие, правовая свобода личности, отношение собственности, общественная безопасность (правопорядок) и государственная идентичность*. Именно эти социально значимые явления составляют каркас правовых ценностей, носящих универсальный характер. Иные же ценности, которые порой выделяются, считаем, уже являются частью одной из вышеуказанных конституционных ценностей.

3. Допустима ли иерархия конституционных ценностей?

Как верно отмечает С. Э. Несмеянова, «необходимо внимательно отнестись к вопросу их соотношения, внутренней иерархии, взаимодействия, определения приоритета одних ценностей над другими» [17, с. 74]. По нашему мнению, признание того или иного явления или же идеи (принципа) конституционной ценностью предполагает их равную юридическую характеристику и, соответственно, защиту. В силу формальной логики ценности, закрепляемые в Конституции, не могут иметь разноплановую правовую природу и отличаться между собой по степени значимости, важности или же первостепенности, а тем более быть выстроены в определенную иерархию. Тем не менее в литературе высказываются мнения, что для конституционных ценностей присуще иерархическое расположение [18, с. 107].

В этой связи, однако, вполне закономерен вопрос: как быть, когда сталкиваются или же противопоставляются две конституционные ценности? Какой из них отдать преимущество в случае разрешения того или иного конфликта при разбирательстве какого-либо спора. Полагаем, что в подобных случаях немаловажную роль играют судебные органы, которые в процессе судопроизводства при рассмотрении каких-либо дел сопоставляют те или иные правовые ценности, отдавая приоритет той или иной из них. Таким образом, складывается правоприменительная практика и формируется юридическая иерархия правовых ценностей. Так, будучи судьей Конституционного Суда РФ, Н. С. Бондарь писал, что одним из результатов конституционной аксиологии должна стать «разработка практической конституционной судебной аксиологии» [9, с. 13].

4. Возможна ли универсализация конституционных ценностей?

Данный вопрос, несмотря на, казалось бы, его риторичность, является не простым. Действительно, можно ли говорить об универсализации конституционных ценностей в условиях сложившегося многообразия государств, в основе которых лежит собственная правовая культура, менталитет, культурно-духовные истоки, образующие национальную идентичность? Так, по справедливому замечанию В.В. Невинского «через призму причин, форм и пределов универсализации конституционных ценностей в различных странах нетрудно обнаружить и мощный пласт «национальных конституционных ценностей», опирающихся на «генетическое древо» многовековой культуры, традиций, удовлетворяющее интересы народа внутригосударственное и международное положение» [18, с. 110].

Однако, как нам кажется, несмотря на различия и особенности государств, которые отличаются теми или иными характерными признаками, можно говорить об универсализации приведенных нами выше конституционных ценностей, так как

они обладают свойством общей социальной значимостью и соответствуют правовой системе любого государства, которое позиционирует себя как правовое и цивилизованное. Безусловно, можно говорить о тенденциях универсализации правовых ценностей вообще и, конституционных в частности. С момента появления международных документов о правах человека, которые стали закреплять универсальные (общие) для всех государств основы правового положения личности, можно говорить о формировании универсальной нормативно-правовой концепции конституционно-правового статуса человека и гражданина.

Заключение

В заключение отметим, что мы попытались ответить на основные вопросы отечественной конституционной аксиологии. Проблематика конституционных ценностей продолжает оставаться предметом юридических дискуссий и требует своего дальнейшего научного осмысления. Полагаем, что сформулированные в данной статье авторские выводы станут поводом для научной дискуссии и дальнейшему исследованию проблематики юридической аксиологии.

Пристатейный библиографический список

1. *Таева Н. Е.* Нормы Конституции Российской Федерации как форма выражения социальных ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 5.
2. *Каштанова Е. А.* К вопросу о конституционных ценностях как аксиологической и юридической категории // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 1.
3. *Снежко О.* Правовая природа конституционных ценностей современной России // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 2 (51).
4. *Клочко Е. И.* Подходы к определению понятия «конституционные ценности» в теории конституционного права России и зарубежных стран // Вестник РУДН. Серия : Юридические науки. 2015. № 2.
5. *Кондрашев А. А.* Конфликт конституционных ценностей в теории и практике конституционного правосудия в России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4 (33).
6. *Ереклинцева Е. В.* Суверенитет и демократия как конституционные ценности современной России : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010.
7. *Казанцева О. Л., Рудт Ю. А., Воробьева М. Н.* Конституционные ценности : современный опыт России и зарубежных стран : монография / науч. ред. Е. С. Аничкин. Барнаул, 2013.
8. *Авдеев Д. А.* Конституционно-правовые ценности : понятие, виды и иерархия // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6. № 2 (22).
9. *Бондарь Н. С.* Аксиология судебного конституционализма : конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. М. : Юрист, 2013.
10. *Суханова А. А.* Конституционные ценности современной России : иерархия и конкуренция // Вестник Челябинского университета. Право. 2015. № 23 (378). Вып. 44.

11. Дудко И. Г. О конституционных ценностях // Права человека и политика права в XXI в.: перспективы и вызовы : сборник научных трудов по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Саратов, 2022.
12. Раздъяконова Е. В. Уважение человека труда как конституционная ценность // Конституционализм : универсальное и национальные измерения: монография / под ред. Т. А. Васильевой, Н. В. Варламовой. М. : ИГП РАН, 2022.
13. Безруков А. В. Обеспечение правопорядка органами публичной власти в Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 4 (36).
14. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.
15. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. 2). Ст. 5351.
16. Отставнова Е. А. Конституционные основы традиционных ценностей российского общества // 30 лет Конституции Российской Федерации : конституционный диалог 5 лет спустя / под общ. ред. В. С. Хижняк. Саратов : Изд-во СГЮА, 2023.
17. Несмеянова С. Э. К вопросу об иерархии конституционных ценностей // Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 4.
18. Невинский В. В. Сущность и универсализация конституционных ценностей в современном обществе // Lex Russica. 2018. № 11 (144).

References

1. Taeva N. E. Norms of the Constitution of the Russian Federation as a Form of Expression of Social Values. *Constitutional and Municipal Law*, 2009, no. 5. (In Russ.)
2. Kashtanova E. A. On Constitutional Values as an Axiological and Legal Category. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 1. (In Russ.)
3. Snezhko O. Legal Nature of Constitutional Values of Modern Russia. *Comparative Constitutional Review*, 2005, no. 2 (51). (In Russ.)
4. Klochko E. I. Approaches to the Definition of the Concept of “Constitutional Values” in the Theory of Constitutional Law in Russia and Foreign Countries. *Bulletin of RUDN University. Series: Legal Sciences*, 2015, no. 2. (In Russ.)
5. Kondrashev A. A. Conflict of Constitutional Values in the Theory and Practice of Constitutional Justice in Russia. *Bulletin of the Siberian Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 4 (33). (In Russ.)
6. Ereklintseva E. V. Sovereignty and Democracy as Constitutional Values of Modern Russia: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Chelyabinsk, 2010. (In Russ.)
7. Kazantseva O. L., Rudt Iu. A., Vorobieva M. N.; Anichkin E. S. (ed.). Constitutional Values: Modern Experience of Russia and Foreign Countries: Monograph. Barnaul, 2013. (In Russ.)
8. Avdeev D. A. Constitutional and Legal Values: Concept, Types and Hierarchy. *Bulletin of Tyumen State University. Socio-Economic and Legal Research*, 2020, vol. 6, no. 2 (22). (In Russ.)

9. Bondar N. S. *Axiology of Judicial Constitutionalism: Constitutional Values in the Theory and Practice of Constitutional Justice*. Moscow: Iurist, 2013. (In Russ.)
10. Sukhanova A. A. Constitutional Values of Modern Russia: Hierarchy and Competition. *Bulletin of Chelyabinsk University. Law*, 2015, no. 23 (378), iss. 44. (In Russ.)
11. Dudko I. G. On Constitutional Values. In *Human Rights and Legal Policy in the 21st Century: Prospects and Challenges: Collection of Scientific Papers Based on the Results of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation*. Saratov, 2022. (In Russ.)
12. Razdiakonova E. V. Respect for the Working Person as a Constitutional Value. In *Vasilieva T. A., Varlamova N. V. (eds.). Constitutionalism: Universal and National Dimensions: Monograph*. Moscow: IGP RAS, 2022. (In Russ.)
13. Bezrukov A. V. Ensuring Law and Order by Public Authorities in the Russian Federation. *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 4 (36). (In Russ.)
14. Decree of the President of the Russian Federation of 9 November 2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2022, no. 46, art. 7977. (In Russ.)
15. Decree of the President of the Russian Federation of 2 July 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 27 (part 2), art. 5351. (In Russ.)
16. Otstavnova E. A. Constitutional Foundations of Traditional Values of Russian Society. In *Khizhniak V. S. (ed.). 30 Years of the Constitution of the Russian Federation: Constitutional Dialogue 5 Years Later*. Saratov: Saratov State Law Academy Publishing House, 2023. (In Russ.)
17. Nesmeianova S. E. On the Hierarchy of Constitutional Values. *Legal Paradigm*, 2017, vol. 16, no. 4. (In Russ.)
18. Nevinskii V. V. Essence and Universalization of Constitutional Values in Modern Society. *Lex Russica*, 2018, no. 11 (144). (In Russ.)

Сведения об авторе:

Д. А. Авдеев – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

D. A. Avdeev – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.02.2024; одобрена после рецензирования 27.04.2024; принята к публикации 27.04.2024.

The article was submitted to the editorial office 13.02.2024; approved after reviewing 27.04.2024; accepted for publication 27.04.2024.

Научная статья

УДК 327.7

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-64-75>

МЕСТО И РОЛЬ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ В СИСТЕМЕ ГЛАВНЫХ ОРГАНОВ ООН: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Евгений Валентинович Годованик

Севастопольский государственный университет, 299053, Россия, г. Севастополь,
ул. Университетская, д. 33

evgodovanik@mail.sevsu.ru

Аннотация

Актуальность настоящего исследования заключается в необходимости всестороннего рассмотрения институциональных и функциональных аспектов места и роли Совета безопасности в системе главных органов ООН в контексте дискуссии об оптимальных направлениях его реформирования и международно-правового обеспечения эффективной деятельности. При этом ключевым фактором успешности проводимых изменений представляется построение целостной и системной модели функционирования Совета безопасности ООН в условиях многополярности и полноценной реализации принципа суверенного равенства как альтернативной основы современного международного правопорядка. С этой целью установлены основы взаимодействия Совета безопасности с другими главными органами ООН, поскольку именно организация в целом является носителем международной правосубъектности, делегированной ей суверенными государствами через согласование их политических позиций. В результате проведенного исследования сформулировано авторское понимание институциональной архитектуры ООН, определено концептуальное расположение в ней Совета безопасности как главного органа ООН, обладающего исключительными полномочиями в сфере поддержания международного мира и безопасности.

Ключевые слова: Совет безопасности ООН; главные органы ООН; международная межправительственная организация; Генеральная ассамблея ООН; международная безопасность; Устав ООН.

Для цитирования: Годованик Е. В. Место и роль Совета безопасности в системе главных органов ООН: институциональные и функциональные аспекты // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 64–75. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-64-75>

Research Article

THE PLACE AND ROLE OF THE SECURITY COUNCIL IN THE SYSTEM OF MAIN UN BODIES: INSTITUTIONAL AND FUNCTIONAL ASPECTS

Evgeny V. Godovanik

Sevastopol State University, 33 Universitetskaia St., Sevastopol, 299053, Russia
evgodovanik@mail.sevsu.ru

Abstract

The relevance of this study lies in the need for a comprehensive consideration of the institutional and functional aspects of the place and role of the Security Council in the system of main UN bodies in the context of a discussion about the optimal directions for its reform and international legal support for effective activities. At the same time, the key factor in the success of the changes being carried out seems to be the construction of a holistic and systemic model of the functioning of the UN Security Council in conditions of multipolarity and the full implementation of the principle of sovereign equality as the non-alternative basis of the modern international legal order. To this end, the basis for interaction of the Security Council with other main UN bodies has been established, since it is the organization as a whole that is the bearer of international legal personality, delegated to it by sovereign states through the coordination of their political positions. As a result of the study, the author's understanding of the institutional architecture of the UN was formulated and the conceptual location of the Security Council in it was determined as the main UN body with exclusive powers in the field of maintaining international peace and security.

Keywords: UN Security Council; main organs of the UN; international intergovernmental organization; UN General Assembly; international security; UN Charter.

For citation: Godovanik E. V. The Place and Role of the Security Council in the System of Main UN Bodies: Institutional and Functional Aspects. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 2, pp. 64–75. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-64-75>

Введение

Совет безопасности ООН (далее – СБ ООН) является уникальным органом в современной архитектуре международного правопорядка, обладая исключительными полномочиями в сфере поддержания мира и безопасности по принятию юридически обязательных решений для государств – членов ООН, включая применение санкций как без применения вооруженных сил (ст. 41 Устава ООН), так и с их применением (ст. 42) [1]. Юридический механизм принятия таких решений, оформляемых в форме резолюций, стал результатом всеобщего компромисса, достигнутого государствами-победителями (СССР, США, Великобритания) в ходе специальных конференций, проведенных во время Второй мировой войны, и поддержанных остальными государствами – основателями единственной в мире универсальной международной организации общей компетенции.

Вместе с тем современные международные отношения характеризуются высокой степенью конфликтности, провоцируемой односторонними действиями целого ряда государств так называемого коллективного Запада во главе с США, осуществляемыми вопреки основным принципам и общепризнанным нормам международного права, с игнорированием либо непосредственным ущербом для государственного суверенитета, политической независимости, жизненно важных национальных интересов других государств и мирового сообщества в целом.

Примером такой контрпродуктивной политики западных государств является комплекс односторонних ограничительных мер, введенных против России, которые часто принято обозначать как «санкции». На наш взгляд, такое понятие является не вполне верным с теоретико-методологической точки зрения, поскольку санкцию как меру ответственности за нарушение международно-правовых норм правомочен применять исключительно СБ ООН, а в отношении Российской Федерации подобных фактов ни в одной резолюции СБ ООН не устанавливалось и никаких санкций не принималось. Соответственно, в данном случае правомерно говорить именно о политически мотивированных односторонних ограничительных мерах, применяемых отдельными государствами для нанесения определенных негативных последствий другому государству, что даже в своей основе грубо противоречит принципу международного сотрудничества, который в сфере поддержания международного мира и безопасности следует рассматривать не просто как право, а как обязанность государств, исходя из провозглашаемых целей ООН (п. 1 ст. 1 Устава ООН).

С другой стороны, на современном этапе все чаще звучат призывы к реформированию СБ ООН, в частности, его состава, структуры, юридического механизма принятия решений [2; 3]. Соглашаясь в целом с популярным тезисом о необходимости совершенствования функциональных основ деятельности СБ ООН и обеспечения более справедливого представительства в нем государств так называемого Глобального Юга (например, целый континент Африка вообще не имеет представительства в категории постоянных членов СБ), в то же время абсолютно правильной представляется взвешенная и обоснованная официальная позиция Российской Федерации, в соответствии с которой прерогативы нынешних постоянных членов, прежде всего – право вето, безусловно, должны быть сохранены,

исходя из фундаментального значения принципа единогласия постоянных членов СБ ООН (так называемая ялтинская формула) в современном международном правопорядке, сформированном по результатам победы над нацизмом во Второй мировой войне [4].

В то же время Россия поддерживает предоставление постоянного членства в СБ целому ряду государств, заслуживающих такой статус по совокупности политических, экономических и прочих факторов. Как заявил во время пленарной сессии в международном дискуссионном клубе «Валдай» 5 октября 2023 г. Президент РФ В. В. Путин, «надо идти к изменениям в международном праве в соответствии с реалиями сегодняшнего дня. В этом смысле в Совбезе ООН должны быть страны, которые имеют вес. Это, например, Индия – это мировой гигант, мощная страна. Или Бразилия, ее рост влияния колоссальный, ЮАР. Ну как же не учитывать их влияние в мире?» [5].

Приведенные аргументы детерминируют своевременность и актуальность определения ключевых основ места и роли СБ в системе главных органов ООН, что дает возможность выявить направления совершенствования его деятельности при обеспечении наиболее рационального взаимодействия с другими институциональными элементами на исключительной основе положений, предусмотренных Уставом ООН.

1. Система главных органов ООН: институциональные контуры

Анализируя место и роль СБ в системе главных органов ООН, прежде всего следует обратить внимание на отсутствие идентичности используемых в международно-правовой литературе понятий: «система ООН», «система органов ООН», «система главных органов ООН».

Между указанными терминами, как справедливо отмечает Р. Ш. Ильязов, «имеют место существенные разногласия, определяемые, прежде всего, внутренним содержанием каждой системы и характером выполняемых ею функций» [6, с. 6].

Система ООН является совокупностью собственно ООН и международных межправительственных (межгосударственных) организаций, действующих в специальных отраслях, самостоятельных в рамках выполнения своей специальной компетенции, но поставленных в определенную юридическую связь с ООН на основании соглашений о связи, сотрудничестве и координации действий. Т. Н. Нешатаева в этой связи подчеркивает, что в политическом и правовом смысле система ООН – это «устойчивое понятие, предусматривающее, что в современных международных отношениях ООН выступает во взаимосвязи и взаимозависимости с другими межправительственными организациями, составляющими систему Организации Объединенных Наций» [7, с. 4].

Исходя из подобного понимания системы ООН, можно последовательно выделить отдельные элементы (уровни) такой системы: 1) собственно ООН, т.е. главные органы ООН и вспомогательные органы ООН, в частности, органы *sui generis* (букв. перевод с лат. – «особого рода») и другие возможные организационные формы деятельности ООН, созданные непосредственно в соответствии с Уставом ООН; 2) международные межправительственные организации, в статусе которых в дейс-

твующем механизме деятельности ООН выступают специализированные учреждения ООН, а также МАГАТЭ, действующее под эгидой ООН¹.

Для выполнения своих функций ООН создает систему собственных органов, возлагая на них определенные функции и предоставляя соответствующие полномочия, составляющие компетенцию таких органов. Устав ООН при этом разделяет органы ООН на главные и вспомогательные (п. 2 ст. 7).

Органы ООН могут создаваться международным договором или путем соглашения, достигнутого уже в рамках существующего органа ООН, и получают свои полномочия как производные от согласованной воли государств – членов ООН, что регламентировано ее конституирующим актом – Уставом.

По объему компетенции органы ООН делятся на органы общей компетенции, что фактически совпадает с компетенцией ООН в целом (Генеральная ассамблея ООН) и органы специальной компетенции, ограниченные рассмотрением определенного круга вопросов в определенной сфере.

Компетенция органов ООН осуществляется строго в соответствии с уставными целями и принципами ООН, а превышение органом ООН своей компетенции следует квалифицировать как нарушение Устава и считать решения, принятые с подобным нарушением, не имеющими юридической силы, поскольку лишены необходимой правовой основы.

Исключительно важное место в системе органов ООН занимают главные органы, к которым п. 1 ст. 7 Устава относит следующие: Генеральную ассамблею (далее – ГА), СБ, Экономический и социальный совет (далее – ЭКОСОС), Совет по опеке (фактически бездействующий, но по-прежнему предусмотренный положениями Устава ООН, а потому – юридически существующий), Международный суд, Секретариат.

По выражению А. Янкова, главные органы «по сути образуют организационный скелет Организации как международной институции» [8]. Под главным органом ООН следует понимать составную часть единого механизма ООН, созданную в соответствии с установленным Уставом порядком, предназначенной для осуществления функций, целей и задач ООН, и которому для этого предоставлены полномочия, регламентированные Уставом ООН и Уставом Международного суда (который, согласно примечанию к Уставу ООН, является его составной частью). Совокупность таких полномочий, в свою очередь, формирует компетенцию главного органа ООН как комплексный феномен, определяющий функциональное содержание его повседневной деятельности.

Анализ фактически возникающих правоотношений между главными органами ООН показывает, что при реализации своей компетенции они вступают между собой в сложные и многообразные связи, основанные на разных принципах. Так, правоотношения ГА с ЭКОСОС, Советом по Опеке и Секретариатом формируются на принципе субординации, во всех остальных случаях – на принципе сотрудничества и координации действий. Такая разница в подходах объясняется в первую очередь особенностями компетенции, присущей только тому или иному конкрет-

---

¹ Связь МАГАТЭ с ООН регулируется Соглашением, заключенным с Генеральной ассамблеей ООН 14 ноября 1957 г.

ному главному органу и спецификой задач, выполнение которых возлагается на соответствующий главный орган Уставом ООН и Уставом Международного суда.

Таким образом, можно прийти к промежуточному выводу теоретико-методологического характера о том, что СБ одновременно функционирует в плоскости нескольких систем: системы ООН; системы органов ООН; системы основных органов ООН. При этом наиболее актуальным предметом исследования в контексте реально складывающейся мировой повестки дня представляется взаимодействие СБ с другими системными элементами именно в пределах системы главных органов ООН.

Важной особенностью юридического механизма функционирования системы главных органов ООН является существенное отличие основных принципов ее организации и деятельности от аналогичных организационно-правовых черт институциональных систем других международных межправительственных организаций, среди которых в качестве предмета сравнительного анализа целесообразно отметить региональные международные организации общей компетенции (ведь ООН на современном этапе развития международного права и международных отношений являются единственной универсальной международной организацией общей компетенции, что приближает ее организационную структуру к аналогичным институциональным структурам региональных политических организаций).

2. Взаимодействие СБ с другими главными органами ООН: теория и практика

Если анализировать основы взаимодействия СБ с отдельными главными органами ООН, безусловно, следует отметить ключевой характер его институционального и функционального взаимодействия с ГА, которое имеет несколько сущностных характеристик и формально-юридических особенностей.

Во-первых, в Уставе ООН четко регламентируется отсутствие юридических возможностей у ГА для принятия обязательных решений об осуществлении каких-либо действий, а поскольку компетенция органов международной организации является функциональной и детерминированной ее производной уставной правосубъектностью.

Исходя из подобной аргументации, следует констатировать отсутствие у ГА полномочий по принятию юридически обязывающих решений для государств-членов, кроме внутренних вопросов организации деятельности самой ООН, что как раз принципиально отличает ГА от СБ, являющийся единственным органом, которому ГА должна передавать вопросы по поддержанию международного мира и безопасности, требующие, по мнению ГА, принятия действий.

В этой связи можно согласиться с Л. Гудрич и Э. Хамбро, которые определяют ГА как «орган обсуждения» (англ. *organ for discussion*), а СБ – как «орган действия» (англ. *organ for action*) [9, с. 98], причем при таком подходе следует указать на тот факт, что определенный нормами Устава объем компетенции является императивным предписанием всем органам ООН.

Таким образом, любые резолюции Генеральной ассамблеи имеют исключительно рекомендационный, морально-политический характер, и не могут быть источником юридической оценки действий государств, поскольку в принципе, исходя из положений Устава ООН, не являются юридическими актами.

Во-вторых, как представляется, наиболее важным полномочием ГА по поддержанию международного мира и безопасности (непосредственная сфера пересечения компетенции СБ и ГА) является право обращать внимание СБ на ситуации, которые могли бы угрожать международному миру и безопасности, а принятие юридического решения по таким ситуациям, в свою очередь, уже является исключительным полномочием СБ.

В-третьих, в п. 4 подчеркивается основополагающий характер ст. 10 Устава ООН о правоотношениях между ГА и СБ, из которого следует принцип координации, сотрудничества и разграничения компетенции по поддержанию международного мира и безопасности между указанными главными органами ООН.

Итак, в целом, можно согласиться с В. В. Ермошиным, рассматривающим ГА и СБ как «самостоятельные и независимые органы ООН, в достаточной степени наделенные необходимыми (причем, разными, не совпадающими по своему объему и характеру) полномочиями для успешного решения задач по поддержанию мира и развитию дружеских отношений между народами» [10, с. 16]. Стоит подчеркнуть тот факт, что СБ и ГА функционируют в рамках одной системы главных органов ООН, а потому верно также мнение В. Н. Федорова о том, что эффективная деятельность ООН в целом «невозможна без тесной связи и сотрудничества Совета Безопасности с другими органами ООН» [11, с. 13].

В то же время, преимущественно в западной международно-правовой литературе, в разное время существовали и несколько иные взгляды на правовую природу взаимоотношений главных органов ООН. Так, Г. Шварценбергер и Л. Гудрич полагали, что СБ и ГА расположены не «рядом», а «напротив» друг друга [12, с. 503; 13, с. 27].

С такой позицией сложно согласиться, поскольку все главные органы ООН: а) функционируют в пределах одной целостной системы; б) созданы для выполнения одинаковых задач и достижения целей, поставленных перед организацией в целом в пределах общих для различных органов направлений деятельности; в) не являются самостоятельными субъектами международного права, пользуясь производной правосубъектностью организации в целом в пределах своей функциональной компетенции, определенной нормативно уставными положениями; г) имеют разный юридический инструментарий и место в системе главных органов ООН для наиболее эффективного решения задач, связанных с поддержанием международного мира и безопасности (если предположить, что в указанной сфере ГА прежде всего является органом обсуждения, а СБ – органом действия, то при таком понимании нормативно отсутствуют прямо конкурирующие полномочия этих органов, как об этом заявляют отдельные представители западной науки, стремящиеся размыть компетенцию СБ и переложить некоторые полномочия на ГА, в том числе через обоснование теории о так называемых дискреционных полномочиях, неким образом подразумеваемых, но не отображенных в учредительном документе организации).

На подобных принципах координации, независимости и сотрудничества основываются правоотношения СБ и с другими элементами системы главных органов ООН, что следует из анализа правоотношений, возникающих между такими органами на основании Устава ООН, поскольку уставные нормы следует считать

единственным нормативным основанием для их возникновения, исходя из ограниченного функциональной компетенции основных органов, обусловленной производной правосубъектностью ООН.

Следовательно, в рамках международно-правового исследования целесообразно рассматривать исключительно те правоотношения, которые прямо предусмотрены соответствующими главами и статьями Устава и в силу этого являются международно-правовыми, а не попытки подмены формально определенных правовых подходов политическими, имманентно присущими на современном этапе США и ряду других государств «коллективного Запада» [14, с. 332].

Так, международно-правовые отношения между СБ и ЭКОСОС регламентируются ст. 65 Устава, из содержания которой следует два возможных случая взаимодействия указанных главных органов ООН:

а) предоставление ЭКОСОС информации СБ (причем следует обратить внимание на использование термина «информация», а не «отчет», подчеркивающий независимость и разграничение сфер деятельности двух органов, а кроме того – означает отсутствие у СБ полномочий по правовой оценке содержания такой информации, что может иметь определенные юридические последствия, а потому указанное положение направлено исключительно на осведомленность и организацию сотрудничества между ЭКОСОС и СБ по решению важнейших глобальных проблем);

б) обязательство ЭКОСОС по предложению СБ оказывать ему помощь (как представляется, в данной норме не совсем удачно используется определение «обязуется», ведь, во-первых, это в значительной степени диссонирует с определением «предложение РБ», не являющееся обязательным для исполнения запросом) или указанием, а потому ее исполнение может носить характер исключительно акта доброй воли ЭКОСОС, поскольку неоказание помощи и содействия по предложению СБ не влечет никаких юридических последствий). Следовательно, можно констатировать исключительную важность сотрудничества между СБ и ЭКОСОС, на реализацию которого направлены положения ст. 65, но в то же время такое сотрудничество не создает субординационных правоотношений и зависит от взаимной воли этих органов совместно решать каждый конкретный вопрос, который может нуждаться в помощи ЭКОСОС.

Значительную специфику имеют правоотношения между СБ и Советом по опеке ООН, международно-правовой статус которого регламентируется гл. XI «Декларация в отношении самоуправляющихся территорий» (ст. 73, 74), гл. XII «Международная система опеки» (ст. 75–85), гл. XIII «Совет по опеке» (ст. 86–91).

Следует отметить, что Совет по опеке был создан для оказания помощи ГА в осуществлении международной системы опеки. Согласно ст. 86, в ее состав должны входить: а) государства, управляющие территориями на попечении; б) постоянные члены СБ, не имеющие территорий на попечении; в) члены Совета по опеке, избираемые ГА на три года. Особенность международной системы опеки состоит в том, что не самоуправляющиеся территории делятся на две группы: а) стратегические районы; б) другие районы, не относящиеся к стратегическим (стратегические районы получают соответствующий статус согласно соглашению об опеке, заключаемому на основании ст. 82 Устава).

Согласно п. 1 ст. 83, все функции ООН в отношении стратегических районов, в том числе – утверждение условий соглашений об опеке и их изменениях или поправок к ним, осуществляются СБ, для чего она «соблюдая условия соглашения об опеке и не повреждая требования безопасности, пользуется помощью Совета по опеке для осуществления тех функций Организации Объединенных Наций, в соответствии с системой опеки, относящимися к политическим, экономическим и социальным вопросам, а также вопросам в сфере образования в стратегических районах» (п. 3 ст. 83).

В целом комплексный системно-структурный и формально-юридический анализ уставных норм по системе опеки ООН позволяет сделать вывод о наличии достаточно весомых полномочий СБ в этой сфере, создающих субординационное правоотношение между СБ и управляющими администрациями стратегических районов территорий под опекой.

В то же время, возникающие при этом правоотношения не касаются взаимодействия СБ и Совета по опеке в рамках системы главных органов ООН, ведь: а) указанные органы выполняют функции ООН по опеке в отношении различных объектов опеки (РБ – по стратегическим районам, Совет по опеке – по районам, не относящимся к стратегическим); б) Совет по опеке действует под руководством ГА и фактически является его исполнительным органом в части специальной компетенции и определенного объектного состава, т.е. Устав прямо указывает на подчиненность Совета по опеке исключительно ГА.

Фактически, единственным случаем прямого взаимодействия СБ с Советом по опеке в отношении совпадающего объекта опеки является процитированное положение п. 3 ст. 83 о помощи, которой пользуется СБ со стороны Совета по опеке, но, как представляется, указанная норма реализует принцип сотрудничества между двумя главными органами ООН, поскольку, аналогично особенностям правоотношений СБ и ЭКОСОС, неоказание такой помощи не создает никаких юридических последствий, а потому никакой субординации во взаимодействии между СБ и Советом по опеке не заложено (в отличие от взаимодействия Совета по опеке и ГА).

Правоотношения СБ с Секретариатом в системе главных органов ООН имеют несколько измерений, регламентируемых гл. XV «Секретариат» (ст. 97–101): а) Генеральный секретарь (по Уставу, главное административное лицо ООН) назначается ГА по рекомендации СБ (ст. 97); б) Генеральный секретарь действует в этом качестве на всех заседаниях СБ и выполняет другие функции, возлагаемые на него СБ (ст. 98) (например, назначение Генерального секретаря докладчиком по какому-либо конкретному вопросу, что фактически является реализацией СБ подготовки к предотвращению или устранению конкретных споров или ситуаций); в) Генеральный секретарь имеет право доводить до сведения РБ любые вопросы, которые, по его мнению, могут угрожать поддержанию международного мира и безопасности (ст. 99), что фактически выводит эту должность за традиционные пределы чисто административного статуса и определение Генерального секретаря ООН как высшего лица в системе ООН вообще, а не только в административном смысле этого понятия.

Таким образом, следует отметить элемент субординации в отношениях между РБ и Генеральным секретарем, выражающийся в полномочии СБ возлагать на ука-

занное должностное лицо выполнение определенных «других» функций, не указанных прямо в тексте Устава, что не создает субординационных правоотношений между РБ и Секретариатом как главный орган ООН, ведь предписание ст. 98 Устава адресовано исключительно Генеральному секретарю.

Необходимой составляющей международно-правового исследования места и роли СБ в системе главных органов ООН также анализ ее взаимоотношений с главным судебным органом ООН, которым согласно ст. 92 Устава есть Международный суд, статус которого регулируется главой XIV «Международный суд» (ст. 92–96) и Уставом Международного суда, из нормативного содержания которых можно отметить следующие правоотношения, которые могут возникать между СБ и Международным судом: а) рекомендация СБ Генеральной ассамблее условий, на которых государство, не являющееся членом ООН, может стать участником Устава Международного суда (п. 2 ст. 93); б) голосование СБ за кандидатуры судей на своем заседании наряду с ГА (п. 1 ст. 4 Устава Международного суда); в) полномочия СБ вынести рекомендации или принять меры по приведению в исполнение решения Международного суда в случае, если одна из сторон по делу не выполнит обязательства, возложенного на нее решением Суда, а другая обратится в СБ (п. 2 ст. 94); г) право СБ (так же как и ГА) запрашивать у Международного суда консультативные заключения по любому юридическому вопросу (п. 1 ст. 96).

Заключение

В результате проведенного исследования институциональных и функциональных особенностей места и роли Совета безопасности в системе главных органов можно сделать следующие важнейшие выводы и обобщения.

Прежде всего избранный ракурс исследования позволяет структурировать и выделить важнейшие институциональные характеристики (признаки) СБ ООН, к которым следует отнести следующие:

1. СБ по международно-правовой природе является постоянно действующим органом международной организации, который при исполнении своих обязанностей выступает от имени членов ООН.

2. СБ является неотъемлемым составным элементом ООН и пользуется ее производной международной правосубъектностью в объеме, определенном соответствующими уставными нормами, из чего следует необходимость уставной регламентации любых потенциально возможных изменений международно-правового статуса СБ, без чего такие изменения не могут считаться легитимными.

3. СБ одновременно функционирует как элемент нескольких систем: системы ООН; системы органов ООН; системы основных органов ООН.

4. СБ является главным органом ООН специальной компетенции, ограничивающимся сферой поддержания международного мира и безопасности, а потому не может рассматриваться как исполнительный орган ООН по аналогии с конституционным принципом разделения властей.

5. Правоотношения СБ с другими главными органами ООН основываются на принципах координации, независимости и сотрудничества.

Таким образом, на основании нормативного анализа положений Устава ООН и изучения существующих научных позиций относительно места и роли СБ в сис-

теме главных органов ООН, его можно определить как постоянно действующий главный орган ООН специальной компетенции в сфере поддержания международного мира и безопасности, пользующийся производной международной правосубъектностью Организации Объединенных Наций в объеме, определенном Уставом, действующий от имени членов ООН и взаимодействующий с другими главными органами на основе принципов координации, независимости и сотрудничества для достижения целей и задач ООН.

Пристатейный библиографический список

1. Устав ООН от 26 июня 1945 г. // United Nations : сайт. URL: <http://www.un.org/russian/document/basicdoc/charter.htm> (дата обращения: 13.02.2024).
2. *Алиева М. Н., Галиева С. Р.* Совет Безопасности ООН и его реформа // Евразийский юридический журнал. 2018. № 12.
3. *Сергеев В. Е.* Реформа Совета безопасности ООН : позиция России и зарубежных стран // Россия : общество, политика, история. 2022. № 1.
4. *Годованик Е. В., Квач С. С., Федулов И. Н.* Проблемные вопросы деятельности Совета Безопасности ООН по поддержанию международного мира и безопасности : методологические подходы и перспективы решения // International Law Journal. 2023. Т. 6. № 4.
5. Путин призвал включить в состав Совбеза ООН Индию, Бразилию и ЮАР // Известия : сайт. URL: <https://iz.ru/1584771/2023-10-05/putin-prizval-vkliuchit-v-sostav-sovbeza-oon-indiiu-braziliiu-i-iuar> (дата обращения: 13.02.2024).
6. *Ильязов Р. Ш.* Система Организации Объединенных Наций (международно-правовые аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1972.
7. *Нешатаева Т. Н.* Санкции системы ООН (международно-правовой аспект). Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1992.
8. *Мировой океан и международное право. Основы современного правопорядка в Мировом океане.* М. : Наука, 1986.
9. *Goodrich L. M., Hambro E.* Charter of the United Nations. Boston : World Peace Foundation, 1946.
10. *Ермошин В. В.* Некоторые международные вопросы взаимоотношений Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1974.
11. *Федоров В. Н.* Совет Безопасности ООН. М. : ИМО, 1965.
12. *Schwarzenberger G.* Power Politics. L. : Stevens & Sons, 1951.
13. *Goodrich L.* The United Nations. N.Y. : T.Y. Crowell, 1959.
14. *Савенков А. Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М. : Проспект, 2020.

References

1. UN Charter of 26 June 1945. URL: <http://www.un.org/russian/document/basicdoc/charter.htm> (date of the application: 13.02.2024). (In Russ.)

2. *Alieva M. N., Galieva S. R.* UN Security Council and its Reform. *Eurasian Legal Journal*, 2018, no. 12. (In Russ.)
3. *Sergeev V. E.* Reform of the UN Security Council: The Position of Russia and Foreign Countries. *Russia: Society, Politics, History*, 2022, no. 1. (In Russ.)
4. *Godovanik E. V., Kvach S. S., Fedulov I. N.* Problematic Issues of the Activities of the Un Security Council in Maintaining International Peace and Security: Methodological Approaches and Prospects for Solutions. *International Law Journal*, 2023, vol. 6, no. 4. (In Russ.)
5. Putin called for the inclusion of India, Brazil and South Africa in the UN Security Council. URL: <https://iz.ru/1584771/2023-10-05/putin-prizval-vkliuchit-v-sostav-sovbeza-oon-indiiu-braziliuu-i-iuar> (date of the application: 13.02.2024). (In Russ.)
6. *Ilyazov R. Sh.* United Nations System (International Legal Aspects): Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Kyiv, 1972. (In Russ.)
7. *Neshataeva T. N.* Sanctions of the UN System (International Legal Aspect). Irkutsk: Irkutsk University Publishing House, 1992. (In Russ.)
8. The Oceans and International Law. Fundamentals of Modern Law and Order in the World Ocean. Moscow: Nauka, 1986. (In Russ.)
9. *Goodrich L. M., Hambro E.* Charter of the United Nations. Boston: World Peace Foundation, 1946.
10. *Ermoshin V. V.* Some International Issues of Relations Between the Security Council and the UN General Assembly: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 1974. (In Russ.)
11. *Fedorov V. N.* UN Security Council. Moscow: IMO, 1965. (In Russ.)
12. *Schwarzenberger G.* Power Politics. London: Stevens & Sons, 1951.
13. *Goodrich L.* The United Nations. New York: T.Y. Crowell, 1959.
14. *Savenkov A. N.* State and Law During the Crisis of Modern Civilization. Moscow: Prospekt, 2020. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Е. В. Годованик – доктор юридических наук, доцент.

Information about the author:

E. V. Godovanik – Doctor of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.02.2024; одобрена после рецензирования 21.02.2024; принята к публикации 23.04.2024.

The article was submitted to the editorial office 13.02.2024; approved after reviewing 21.02.2024; accepted for publication 23.04.2024.

Научная статья
УДК 342; 343.1
<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-76-87>

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАНК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Земфира Мухарбиевна Казачкова¹

Борис Вульфович Россинский²

¹ Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

² Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 123242, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 1

¹ zem7900@yandex.ru

² boris.rossinskiy@gmail.com

Аннотация

Актуальность статьи обусловлена необходимостью обновления концепции юридического лица публичного права в парадигме триады «собственность – независимость – ответственность» (на примере Банка России). Целью работы является тестирование правового статуса Банка России для выявления скрытых проблемных зон законодательства, влияющих на принятие системных управленческих решений, в том числе обеспечивающих эффективное управление золотовалютными резервами. Применены методы формальной и диалектической логики, статистический подход, синергия для синтеза полученных результатов.

Ключевые слова: центральный банк; юридическое лицо публичного права; независимость; имущество; иное имущество; золотовалютные резервы; государственное управление; ответственность юридического лица публичного права; денежно-кредитная политика.

Для цитирования: *Казачкова З. М., Россинский Б. В.* Центральный банк Российской Федерации как юридическое лицо публичного права // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 76–87. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-76-87>

Research Article

THE CENTRAL BANK OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A LEGAL ENTITY OF PUBLIC LAW

Zemfira M. Kazachkova¹

Boris V. Rossinsky²

¹ All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

² Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 9, Bldg 1 Sadovaia-Kudrinskaia St., Moscow, 123242, Russia

¹ zem7900@yandex.ru

² boris.rossinskiy@gmail.com

Abstract

The relevance of the article is due to the need to update the concept of a legal entity of public law in the paradigm of the triad “ownership – independence – responsibility (using the example of the Bank of Russia). The purpose of the work is to test the legal status of the Bank of Russia to identify hidden problem areas of legislation that affect the adoption of systemic management decisions, including ensuring the effective management of gold and foreign exchange reserves. Methods of formal and dialectical logic, a statistical approach, and synergy were used to synthesize the results obtained.

Keywords: central bank; legal entity of public law; independence; property; other property; gold and foreign exchange reserves; public administration; liability of a legal entity of public law; monetary policy.

For citation: *Kazachkova Z. M., Rossinsky B. V. The Central Bank of the Russian Federation as a Legal Entity of Public Law. Herald of the Russian Law Academy, 2024, no. 2, pp. 76–87. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-76-87>

Введение

Особое место в структуре управления государственными финансами занимают органы, не входящие в систему исполнительной власти и наделенные управленческими полномочиями в финансово-бюджетной сфере. К ним относится Центральный банк РФ (ЦБ), обладающий конституционно-правовым статусом, продолжительной институциональной историей.

Более двадцати лет в российской юридической литературе продолжают дискуссии относительно статуса Банка России, которые достигали пиковых значений в связи с крупными юридическими мероприятиями. Так, с 2011 г. ЦБ наделен функциями по осуществлению надзора и наблюдения в национальной платежной сис-

теме в связи с новой целью обеспечения стабильности и развития национальной платежной системы [1].

В 2013 г. произошло знаковое расширение полномочий ЦБ в связи с передачей ему полномочий в сфере финансовых рынков.

В Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики Банк России ежегодно раскрывает цели и методы реализации денежно-кредитной политики, оценки и прогнозы регулятора. Однако, что отмечено и исследователями, в документах такого рода «настораживает упоминание об ухудшении управленческой ситуации в силу «непредвиденных факторов» [1], в то время как укрепление рубля и обеспечение финансовой стабильности – это конституционно установленные задачи [2, с. 37]. Так, в Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2024 год и период 2025 и 2026 годов позиция ЦБ выражена следующим образом: «Решения по денежно-кредитной политике всегда принимаются в условиях неполной определенности. Поэтому Банк России большое внимание уделяет взвешенности принимаемых решений. Для этого используются широкий модельный инструментарий и набор прогнозных сценариев макроэкономического развития» [3]. Представляется, что расширение полномочий при одновременном нарастании факторов неопределенности предопределяет необходимость постановки более общих вопросов, лежащих в плоскости базисных основ приобретения и реализации статуса центральных банков.

1. Собственность, независимость и ответственность центральных банков: эволюция триады в сравнительно-правовом ключе

Вопрос о собственности центральных банков является важной темой, к которой вновь и вновь обращаются исследователи во всем мире, ибо именно от его решения зависят ответы на вопрос о пределах независимости центральных банков при принятии управленческих решений, в том числе не только по вопросам количественных параметров резервов, ключевой ставки, но и в связи с качеством управления золотовалютными резервами.

Мировая практика продемонстрировала в основном две модели собственности центральных банков. Первая модель, когда имущество центрального банка полностью принадлежит государству (правительству), вторая модель, когда собственность центральных банков консолидируется у акционеров, т.е. условно их можно назвать публичной и частной моделью.

В истории были случаи национализации центральных банков, но и этих случаях при наступлении новых экономических циклов, другой комбинации взаимодействия политико-экономических и политико-правовых факторов происходили процессы денационализации [4, р. 7–9]. Смена парадигмы собственности, как показывает мировой опыт, не самоцель, гораздо важнее рабочее взаимодействие центральных банков и правительств, достижение согласованности, предоставление операционной независимости при условии эффективной антиинфляционной, долговой и фискальной политики для достижения финансовой стабильности.

2. Иммунитет и ответственность центральных банков

Большинство законов о центральных банках, содержащих механизмы ответственности, так или иначе стремятся нивелировать ответственность, используя механизм иммунитета центрального банка, являющегося одним из ключевых механизмов юридической защиты самих центральных банков.

По данным МВФ, в 43 из 76 стран, в которых действуют законы о центральных банках со ссылками на ответственность центрального банка, имеются четкие договоренности о частичном исключении ответственности по сравнению с 33 из 76, которые не имеют таких механизмов иммунитета, или где закон не определяет, существуют ли такие механизмы иммунитета в той или иной форме. Отмечено, что в значительном количестве отчетов о технической помощи МВФ отмечаются проблемы, связанные с ответственностью и иммунитетом. В базе данных 17 отчетов о конфиденциальной технической помощи содержится 230 ссылок (10 процентов) на вопросы ответственности центрального банка и/или надзорного органа [5, р. 17–21].

Вопросы ответственности банков возникают в более острой форме в периоды финансовых кризисов, в связи с оценкой эффективности финансового надзора и принимаемых управленческих решений. Некоторые случаи связаны с борьбой с отмытием денег. В истории были исключительные случаи в связи с соглашениями об ответственности в части управления Фондом национального благосостояния [5].

3. Управление золотовалютными резервами в парадигме обеспечения финансовой стабильности и эффективности

Последний период институциональной истории Банка России (2022–2024 гг.) актуализировал проблемы управления золотовалютными резервами, стабилизации и укрепления национальной валюты и финансовых рынков в условиях санкционного давления [6]. Не секрет, что двумя странами, которые больше всего увеличили свою долю золота за последние два десятилетия, были Китай и Россия, что позволило нашим противникам не только упрекнуть в агрессивных покупках, но и подчеркнуть опасное, с их точки зрения, потенциальное дистанцирование от ослабляющейся денежно-кредитной системы США, тем более на фоне того, что доллар США недавно обогнал золото по проценту российских резервов, хотя и упал до 25-летнего минимума в мировых валютных резервах центральных банков [7, с. 101].

В этой связи значительный исследовательский интерес вызывает проблемы управления золотовалютными резервами, как особого вида государственной деятельности по формированию, хранению и использованию золотовалютных резервов, осуществляемый Минфином России и Банком России [8].

В соответствии со ст. 4 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» Банк России осуществляет эффективное управление золотовалютными резервами Банка России. Какова логика законодателя при легитимации золотовалютных резервов? Этот вопрос редко затрагивается в специальных исследованиях, однако в нынешних условиях санкционного давления, данный вопрос требует более обстоятельного обоснования. Общеизвестно положение закона о том, что ЦБ является юридическим лицом, уставный капитал (3 млрд руб.) и иное имущество Банка России являются федеральной собственностью.

В этом пункте привлекает внимание понятие без какой-либо детализации, понятие «иное имущества». Однако далее читаем, «Банк России осуществляет *полномочия по владению, пользованию и распоряжению имуществом Банка России, включая золотовалютные резервы Банка России*. Изъятие и обременение обязательствами указанного имущества без согласия Банка России не допускаются, если иное не предусмотрено федеральным законом [выделено нами. – З.К., Б.Р.]» [9].

Таким образом, формально-юридический анализ показывает, что «иное имущество» и есть золотовалютные резервы, которые являются собственностью государства, но ЦБ РФ ими не только владеет, пользуется, но и распоряжается! Нет ли в этой конструкции противоречия, какова цена ошибки при недостаточно просчитанном в долговременной перспективе распоряжении золотовалютными резервами? Представляется, что цена может быть в определенные, чаще турбулентные периоды истории, слишком высока, может резонировать в течение жизни нескольких поколений граждан и юридических лиц. Тем более в условиях иммунитета ответственности, заложенного в законе, и независимой управленческой политики ЦБ.

4. Юридические лица публичного права

В административно-правовой науке такие организации получили название юридических лиц публичного права [10–12], хотя в законодательстве Российской Федерации это понятие отсутствует. Выделяются разные виды юридических лиц публичного права [10, с. 101–128; 13, с. 40]. Отдельные из них реализуют внешние властно-распорядительные полномочия по правовому регулированию, осуществлению контроля и надзора в определенных областях государственного управления.

Однако, как утверждает О. А. Ястребов, внешние властные полномочия присущи не очень большому числу юридических лиц публичного права, несмотря на то, что в принципе юридических лиц публичного права достаточно много [13, с. 38]. Организации же, осуществляющие определенную внешнюю властную деятельность и фактически являющиеся управленческими субъектами административно-правовой системы государства, являются специфическими юридическими лицами публичного права, ибо наделены отдельными государственно-властными полномочиями.

К подобным организациям следует отнести: государственные корпорации (Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», Государственная корпорация развития «ВЭБ. РФ»¹, Государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос», Государственная корпорация по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех» и др.); публично-правовые компании (Военно-строительная компания, Российский экологический оператор); государственные внебюджетные фонды (Социальный фонд России², Федеральный фонд обязательного медицинского страхования); государственные компании (Аэрофлот, Газпром, Роснефть, Ростелеком и др.).

---

¹ Ранее – Внешэкономбанк.

² Объединивший существовавшие ранее Пенсионный фонд РФ и Фонд социального страхования РФ.

К юридическим лицам публичного права, наделенным государственно-властными, причем даже юрисдикционными, полномочиями¹, относится и Центральный банк РФ.

Правда, постоянно возникает вопрос, не является ли Банк России органом государственного управления? Ведь с прекращением отождествления органов государственного управления исключительно с органами исполнительной власти (с исполнительными и распорядительными органами, как они назывались до принятия Конституции РФ)² органы государственного управления начали рассматриваться в широком понимании. К ним стали причислять не только законодательные и судебные органы, но и ряд органов, не входящих в конституционную триаду органов государственной власти, а получивших название *иные государственные органы* (Прокуратура РФ, Счетная палата РФ, Государственный Совет РФ, Совет Безопасности РФ, Центральная избирательная комиссия РФ и др.). Причем в качестве органов государственного, а теперь уже и публичного управления «иные государственные органы» рассматриваются не только учеными-административистами [14–17], но и законодательством³.

В этой связи к государственным органам, осуществляющим публичное управление, нередко причисляют и Центральный банк РФ [18, с. 119–121; 17, с. 18]. Действительно, в соответствии с ч. 2 ст. 75 Конституции РФ он осуществляет свою основную функцию – защиту и обеспечение устойчивости рубля – независимо от *других органов государственной власти* [19]. Слово «*других*» в этой конституционной норме косвенно свидетельствует о статусе Банка России как государственного органа. В ст. 1 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [9] также говорится о том, что свои функции и полномочия, предусмотренные Конституцией РФ и указанным ФЗ, Банк России осуществляет независимо от *других федеральных органов государственной власти*, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления. Помимо этого, кандидатуру для назначения на должность Председателя Центрального банка РФ представляет Государственной Думе Президент РФ, он же ставит перед Государственной Думой вопрос об освобождении Председателя Банка России от этой должности.

Центральный банк РФ участвует в разработке экономической политики Правительства РФ, а Председатель Банка России (или один из его заместителей) участвует в заседаниях Правительства РФ. При этом Банк России и Правительство РФ постоянно информируют друг друга о предполагаемых действиях, имеющих общегосударственное значение, координируют свою политику, проводят регуляр-

---

¹ Банк России является субъектом административной юрисдикции, рассматривая в соответствии со ст. 23.74 КоАП РФ дела об административных правонарушениях.

² Известно, что в советских конституциях только исполнительные и распорядительные государственные органы признавались органами государственного управления.

³ Например, в ст. 2 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» (СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. 3). Ст. 8039) дается понятие единой системы публичной власти, где в качестве ее составных частей помимо органов государственной власти и органов местного самоуправления определяются также «иные государственные органы».

ные взаимные консультации (ст. 21 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»).

Исполняя свои функции, Банк России: монопольно осуществляет эмиссию наличных денег и организует наличное денежное обращение; устанавливает правила осуществления расчетов в Российской Федерации; осуществляет надзор и наблюдение в национальной платежной системе; устанавливает правила проведения банковских операций; принимает решение о государственной регистрации кредитных организаций, выдает кредитным организациям лицензии на осуществление банковских операций, приостанавливает их действие и отзывает их; принимает решения о государственной регистрации негосударственных пенсионных фондов; осуществляет надзор за деятельностью кредитных организаций и банковских групп; осуществляет регулирование, контроль и надзор за деятельностью некредитных финансовых организаций; осуществляет контроль и надзор за соблюдением эмитентами требований законодательства Российской Федерации об акционерных обществах и ценных бумагах; организует и осуществляет валютное регулирование и валютный контроль; осуществляет контроль за соблюдением требований законодательства Российской Федерации о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, реализует иные аналогичные мероприятия (ст. 4 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»). Все это является фактически государственными функциями, которые в принципе свойственны исполнительной власти.

Согласно ст. 9 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [20] Центральный банк РФ является участником стратегического планирования на федеральном уровне. Причем при перечислении других участников стратегического планирования законодатель поставил Банк России даже выше федеральных органов исполнительной власти. И хотя в ст. 10 данного ФЗ говорится, что Банк России осуществляет полномочия в сфере стратегического планирования в соответствии с ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», а в последнем не содержится прямых указаний на такие полномочия, тем не менее им предусмотрена разработка Банком России во взаимодействии с Правительством РФ ряда актов, имеющих важное значение для определения стратегических целей государства.

Отметим также, что Банк России по вопросам, отнесенным к его компетенции, издает нормативные правовые акты (указания, положения и инструкции), *обязательные для федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, всех юридических и физических лиц*, причем правила их подготовки устанавливаются им самостоятельно (ст. 7 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»).

Но при всем этом законодатель одновременно признает Банк России юридическим лицом, целью деятельности которого не является получение прибыли. Государство не отвечает по обязательствам Банка России, а он не отвечает по обязательствам государства (если только они не приняли на себя такие взаимные обязанности). Банк России осуществляет свои расходы за счет собственных доходов (ст. 1, 2, 3 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»).

Также сотрудники Банка России не являются государственными служащими. Условия их найма, увольнения, оплаты труда, служебные обязанности и права, система дисциплинарных взысканий определяются не законодательством о государственной службе, а Советом директоров Банка России (ст. 88 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»), хотя на них распространяется ряд ограничений государственных служащих.

Таким образом, Центральный банк РФ имеет двойственную природу, но в целом, повторяем, является не государственным органом, а некоммерческой организацией, которая выполняет многие публичные общественно значимые функции, реализует при этом властно-распорядительные полномочия, в том числе по правовому регулированию. В этой связи не случайно, что его относят не просто к юридическим лицам, а к юридическим лицам публичного права.

Зачем же в системе государственного управления иметь такой крайне сложный субъект двойственной природы? Не лучше ли сделать Банк России чисто государственным органом, конечно, не входящим в структуру федеральных органов исполнительной власти, как, например, Минфин России, а самостоятельным, независимым от Правительства РФ субъектом государственного управления?

Чтобы ответить на эти вопросы, рассмотрим некоторые закономерности функционирования системы государственного управления.

Известно, что управление вообще, и государственное управление в частности, имеют системно-информационную природу, а эффективность управленческих процессов определяется прежде всего хорошо проработанной архитектурой каналов прямой и обратной связи между субъектами и объектами управления. Для больших систем, к которым относится система государственного управления, характерно наличие как относительно простых каналов прямой связи и обратной связи, так и их комбинаций, имеющих различную, нередко весьма сложную конфигурацию. Причем, для организации эффективного управления необходимо сочетание в системах управления всех возможных вариантов таких связей, без какого-либо исключения [21–25].

Не рассматривая в настоящей статье сущность и особенности каналов прямой связи и иных каналов обратной связи, отметим лишь, что своеобразной конструкцией является так называемая собственная обратная связь. Она во всех системах, главное в социальных, вызывает много вопросов, ибо не направлена, как все другие обратные связи, от объектов к субъектам управления, а является связью между выходным и входным сигналами одного и того же субъекта.

Эта обратная связь, во-первых, обеспечивает возможность субъекта управления (в данном случае Банка России) принимать управленческие решения без ориентации на другие субъекты управления, в основном с учетом результатов ретроспективного анализа лишь своих, ранее принятых аналогичных решений. Во-вторых, отличительной чертой каналов собственной обратной связи является минимальность в них информационных потерь и искажения информации, так называемых информационных шумов [26; 27]. В иных случаях при передаче информации из центров в нижестоящие субъекты управления и наоборот, от субъектов управления к объектам, а от них по каналам обратной связи к субъектам, наконец,

из головной системы управления в ее подсистемы и обратно информация значительно теряется, искажается, уменьшается степень ее достоверности. В этой связи чистота информации, прошедшей по каналам собственной обратной связи Банка России, как правило, выше, чем информации, прошедшей по более сложным каналам, соединяющим одновременно несколько субъектов государственного управления, включая сам Банк.

Заключение

Указанные обстоятельства обуславливают необходимость обязательного наличия в больших системах управления субъектов, имеющих каналы собственной обратной связи, что повышает эффективность управленческого процесса. Этим, собственно, и объясняется появление помимо государственных органов в системе государственного управления организаций, наделенных публичными общественно значимыми функциями и соответствующими государственно-властными полномочиями. У них всех в управленческие системы включены каналы собственной обратной связи. Кроме Банка России к таким субъектам, как уже писали, относятся государственные корпорации, государственные внебюджетные фонды, государственные компании и другие юридические лица публичного права.

Конечно, подобные юридические лица, которым в силу их определенной децентрализации при осуществлении управления свойственны более оперативные и гибкие организационные решения, чем государственным органам, обладают к тому же иными, чем бюджетные структуры, финансовыми возможностями для достижения стоящих перед ними целей. Все сказанное обуславливает необходимость включения в систему государственного управления юридических лиц публичного права, в частности Центрального банка РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Глушко Е. К. Управление государственными финансами. М. : ТЕИС. 2015.
3. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2024 год и период 2025 и 2026 годов // Банк России : сайт. URL: https://cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2024_2026/ (дата обращения: 10.10.2023).
4. Goodhart Ch. The Bank of England, 1694–2017 Book section (accepted version).
5. Khan A. Legal Protection : Liability and Immunity Arrangements of Central Banks and Financial Supervisors. International Monetary Fund, 2018.
6. Львова М. И. Золотовалютные резервы России : проблемы формирования и использования // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2014. № 3 (28).
7. Арзуманова Л. Л., Логвенчева А. О. Управление золотовалютными резервами : к вопросу о понятии // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 11.
8. Conte N. Visualizing Two Decades of Central Bank Gold Reserve // Insights – Augmont : сайт. URL: <https://insights.augmont.com/visualizing-two-decades-of-central-bank-gold-reserve-changes> (дата обращения: 10.10.2023).

9. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».
10. Чиркин В. Е. Юридическое лицо публичного права. М. : НОРМА, 2007.
11. Чиркин В. Е. Публично-правовое образование. М. : НОРМА, 2011.
12. Ястребов О. А. Юридическое лицо публичного права. Вопросы теории. М. : Наука, 2010.
13. Ястребов О. А. Юридическое лицо публичного права: сравнительно-правовое исследование: автореф... дис. докт. юрид. наук. М., 2010.
14. Чиркин В. Е. Государственное управление. М. : Юристъ, 2001.
15. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления. М. : ОМЕГА-Л, 2004.
16. Тихомиров Ю. А. Государство. М. : НОРМА, 2013.
17. Попов Л. Л. Сущность государственного управления // Ренессанс государственного управления в России. Избранное. М. : НОРМА, 2015.
18. Агапов А. Б. Административное право. М. : Юрайт, 2011.
19. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
20. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. 1). Ст. 3378.
21. Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. 2-е изд. М. : Советское радио, 1968.
22. Винер Н. Кибернетика и общество. М. : Тайдекс Ко, 2002.
23. Кравченко Р. Г., Скрипка А. Г. Основы кибернетики. М. : Экономика, 1974.
24. Россинский Б. В. Проблемы государственного управления с позиций теории систем. М. : НОРМА, 2021.
25. Россинский Б. В. Исполнительная власть в системе государственного управления. М. : НОРМА, 2023.
26. Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом. М. : ЛИБРОКОМ, 2013.
27. Ларин М. В. Информационное обеспечение управления. М. : РГГУ, 2018.

References

1. Federal Law of 27 June 2011 No. 161-FZ “On the National Payment System” (latest edition) (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)
2. Glushko E. K. Public Finance Management. Moscow: THEIS, 2015. (In Russ.)
3. The main directions of the unified state monetary policy for 2024 and the period 2025 and 2026. URL: https://cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2024_2026/ (date of the application: 10.10.2023). (In Russ.)
4. Goodhart Ch. The Bank of England, 1694–2017 Book section (accepted version).
5. Khan A. Legal Protection: Liability and Immunity Arrangements of Central Banks and Financial Supervisors. International Monetary Fund, 2018.
6. Lvova M. I. Gold and Foreign Exchange Reserves of Russia: Problems of Formation and Use. *Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law*, 2014, no. 3 (28). (In Russ.)

7. *Arzumanova L. L., Logvencheva A. O.* Management of Gold and Foreign Exchange Reserves: To the Question of the Concept. *Actual Problems of Russian Law*, 2020, vol. 15, no. 11. (In Russ.)
8. *Conte N.* Visualizing Two Decades of Central Bank Gold Reserve. URL: <https://insights.augmont.com/visualizing-two-decades-of-central-bank-gold-reserve-changes> (date of the application: 10.10.2023).
9. Federal Law of 10 October 2002 No. 86-FZ "On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)" (latest edition) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.) (In Russ.)
10. *Chirkin V. E.* A Legal Entity of Public Law. Moscow: Norma, 2007. (In Russ.)
11. *Chirkin V. E.* Public Law Education. Moscow: Norma, 2011. (In Russ.)
12. *Iastrebov O. A.* A Legal Entity of Public Law. Issues of Theory. Moscow: Nauka, 2010. (In Russ.)
13. *Iastrebov O. A.* A Legal Entity of Public Law: Comparative Legal Research: Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2010. (In Russ.)
14. *Chirkin V. E.* Public Administration. Moscow: Iurist, 2001. (In Russ.)
15. *Atamanchuk G. V.* Theory of Public Administration. Moscow: OMEGA-L, 2004. (In Russ.)
16. *Tikhomirov Iu. A.* State. Moscow: Norm, 2013. (In Russ.)
17. *Popov L. L.* The Essence of Public Administration. In *The Renaissance of Public Administration in Russia. Favorites*. Moscow: Norma, 2015. (In Russ.)
18. *Agapov A. B.* Administrative Law. Moscow: Iurait, 2011. (In Russ.)
19. Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of 14 March 2020 No. 1-FKZ "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Power". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 11, art. 1416. (In Russ.)
20. Federal Law of 28 June 2014 No. 172-FZ "On Strategic Planning in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2014, no. 26 (part 1), art. 3378. (In Russ.)
21. *Viner N.* Cybernetics or Control and Communication in an Animal and a Machine. 2nd ed. Moscow: Sovetskoe radio, 1968. (In Russ.)
22. *Wiener N.* Cybernetics and Society. Moscow: Tydex Co., 2002. (In Russ.)
23. *Kravchenko R. G., Skripka A. G.* Fundamentals of Cybernetics. Moscow: Ekonomika, 1974. (In Russ.)
24. *Rossinskii B. V.* Problems of Public Administration From the Standpoint of the Theory of Systems. Moscow: Norma, 2021. (In Russ.)
25. *Rossinskii B. V.* Executive Power in the System of Public Administration. Moscow: Norma, 2023. (In Russ.)
26. *Afanasiev V. G.* Social Information and Management of Society. Moscow: LIBRO-COM, 2013. (In Russ.)
27. *Larin M. V.* Information Support of Management. Moscow: RSUH, 2018. (In Russ.)

Сведения об авторах:

З. М. Казачкова – доктор юридических наук, профессор.

Б. В. Россинский – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ.

Information about the authors:

Z. M. Kazachkova – Doctor of Law, Professor.

B. V. Rossinsky – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 26.02.2024; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 06.05.2024.

The article was submitted to the editorial office 26.02.2024; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 06.05.2024.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-88-97>

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Наталья Владимировна Кравченко¹

Мария Игоревна Крюкова²

^{1,2} Юго-Западный государственный университет, 305040, Россия, г. Курск,
ул. 50 лет октября, д. 94

¹ kravchenko-nv46@yandex.ru

² mari.kryukova.2002@mail.ru

Аннотация

Субъектами правоотношений в сфере оказания медицинской помощи и медицинских услуг наряду с пациентами являются медицинские организации и медицинские работники. И если правам пациентов в научных кругах уделяется пристальное внимание, особенно в условиях активного внедрения инновационных медицинских технологий, правовая регламентация защиты прав врачей оставляет желать лучшего. Такой дисбаланс и отсутствие доктринальных подходов к формированию института защиты их прав обусловил выбор указанной тематики и целеполаганием для исследования. В рамках статьи рассмотрено понятие «пациентский экстремизм», формы его реализации и последствия. Данное явление отражается на профессиональной деятельности медработников, приводит к снижению престижа профессии врача и, как следствие, влияет на мотивацию достижения высокого уровня оказываемой медицинской помощи. Методологическую основу настоящего исследования составил ряд общенаучных методов, в частности метод диалектики, анализа, синтеза, сравнения и аналогии, а также частнонаучные методы: догматико-юридический, системно-правовой, которые позволили комплексно подойти к постановке проблемы и сформировать предложения по совершенствованию законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: защита прав; медицинские работники; пациентский экстремизм; система здравоохранения; гражданско-правовые отношения; медицинская помощь.

Для цитирования: *Кравченко Н. В., Крюкова М. И.* Актуальные проблемы защиты прав медицинских работников // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 88–97. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-88-97>

Research Article

ACTUAL PROBLEMS OF PROTECTION OF THE RIGHTS OF MEDICAL WORKERS

Natalia V. Kravchenko¹

Maria I. Kryukova²

^{1,2} Southwest State University, 94, 50 Let Oktiabria St., Kursk, 305040, Russia

¹ kravchenko-nv46@yandex.ru

² mari.kryukova.2002@mail.ru

Abstract

The subjects of legal relations in the sphere of medical care and medical services, along with patients, are medical organisations and medical workers. And if the rights of patients are given close attention in scientific circles, especially in the conditions of active introduction of innovative medical technologies, the legal regulation of the protection of doctors' rights leaves much to be desired. Such an imbalance and lack of doctrinal approaches to the formation of the institute for the protection of their rights determined the choice of the specified topic and the purpose of the study. The article considers the concept of "patient extremism", forms of its realisation and consequences. This phenomenon affects the professional activity of medical workers, leads to a decrease in the prestige of the medical profession and, as a consequence, affects the motivation to achieve a high level of medical care. The methodological basis of this study was formed by a number of general scientific methods, in particular, the method of dialectics, analysis, synthesis, comparison and analogy, as well as private-scientific methods: dogmatic-legal, system-legal, which allowed to comprehensively approach the problem statement and to formulate proposals for improving the legislation in this area.

Keywords: protection of rights; health care workers; patient extremism; health care system; civil law relations; medical care.

For citation: *Kravchenko N. V., Kryukova M. I.* Actual Problems of Protection of the Rights of Medical Workers. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 2, pp. 88–97. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-88-97>

Введение

Актуальность темы обусловлена необходимостью формирования адекватных защитных механизмов прав субъектов медицинской деятельности, поскольку существующий на сегодняшний день правопорядок вызывает ряд трудностей в правоприменительной практике. И если правам пациентов и их защите в доктрине уделяется пристальное внимание, отчасти ввиду устоявшегося восприятия пациента как «слабой» стороны правоотношений по оказанию медицинских услуг, то разработка правового положения медицинских работников через призму соблюдения их прав оставляет желать лучшего [1; 2].

1. Анализ степени правовой защищенности медицинских работников в современных реалиях

В последнее время в юридических и медицинских сообществах все чаще встречаются дискуссии относительно становления и развития в нашей стране такого явления как «пациентский экстремизм» [3]. Под таковым понимаются такие действия граждан, которые осуществляют гражданские права, в данном случае в сфере оказания медицинских услуг, направленные на необоснованное извлечение выгоды [4, с. 64].

Несмотря на отсутствие полноценных доктринальных разработок указанного понятия, как разновидности «потребительского экстремизма», в связи с увеличением предпринимательского сектора в медицине, говорить об отсутствии правовых предпосылок для его развития не приходится.

К основным законодательным актам, которые регулируют взаимоотношения по оказанию медицинской помощи, предоставлению медицинских услуг, относятся Конституция РФ, Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ об охране здоровья), Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», постановление Правительства РФ от 4 октября 2012 г. № 1006 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг». В рамках национального законодательства в вопросе регулирования положения врачей усматривается перевес императивных начал.

Так, в силу ст. 1 основополагающего ФЗ об охране здоровья предметом его регулирования являются как права и обязанности человека и гражданина, гарантии реализации этих прав, так и права и обязанности медицинских организаций, иных организаций, индивидуальных предпринимателей при осуществлении деятельности в сфере охраны здоровья. В развитие этих постулатов в данном нормативном акте закреплены принципы, среди которых обращает на себя тот факт, что основа регулирования правоотношений по оказанию медицинской помощи зиждется на приоритете интересов пациента и ответственности органов государственной власти и органов местного самоуправления, должностных лиц организаций за обеспечение прав граждан в сфере охраны здоровья (п. 2, 7 ст. 4).

Статьи гл. 4 ФЗ об охране здоровья посвящены правам и обязанностям пациента, десять из которых относятся к правам и одна – к обязанностям. В гл. 9 Закона зафиксированы нормы о правах и обязанностях медицинских организаций, меди-

цинских и фармацевтических работников, где уже просматривается другое соотношение правового регулирования. Нормы об ответственности не занимают доминирующего положения, вместе с тем в статьях довольно-таки часто встречается слово «обязан», ряд статей отражает императивность поведения медработников. Глава 13 ФЗ об охране здоровья содержит ст. 98, как самостоятельную норму, дополнительно определяющую ответственность органов государственной власти, органов местного самоуправления, медицинских организаций, медицинских и фармацевтических работников в сфере охраны здоровья. Статья носит отсылочный характер и, в случае нарушения прав граждан, виновные подлежат гражданской, административной и уголовной ответственности, установленной соответствующим законодательством. Наряду с этим предусмотренные ФЗ об охране здоровья обязанности пациента не получили дальнейшей регуляторики и не предполагают какой-либо ответственности за их неисполнение.

Такое положение, детерминированное ранее сложившимся патерналистским подходом в отечественной системе здравоохранения, не способствует формированию у пациента партисипативного поведения и ответственного отношения к своему здоровью, а обуславливает возможность «списать» на недобросовестность и некомпетентность врача негативные последствия оказания медицинской помощи или медицинской услуги (даже в том случае если медицинский работник не знал о неисполнении, ненадлежащем исполнении пациентом медицинских предписаний и рекомендаций).

В современных реалиях положение врачей крайне уязвимо, на практике случаи реализации «пациентского экстремизма» встречаются все чаще. В пассивной форме он выражается в необоснованных судебных исках (в основе которых чаще всего лежит не качество, а погрешности в оформлении медицинских услуг). Активная форма говорит сама за себя и сопряжена с действиями граждан по отношению к медицинскому персоналу (нанесение телесных повреждений, преследование). Она может выражаться в психологической форме, например, в оскорблениях, моральном давлении, угрозах и так далее. Поэтому на сегодняшний день непосредственно сами медицинские работники, а также юристы определяют профессию врача «опасной» [5]. Ведь статистика показывает, что данные высказывания не безосновательны, риски довольно высокие. Депутаты Мосгордумы озвучили неутешительную статистику относительно данного вопроса. Так, за шесть лет в России произошло 1226 таких нападений, в Москве зафиксировано свыше 200 случаев, из которых только по 10% возбуждены уголовные дела [6].

Врачи помимо бесконечной ответственности за свою работу, внутреннего напряжения, вынуждены испытывать стресс от непредсказуемости действий своих же пациентов. Причиной может быть психическое/психологическое состояние самого пациента, его родственников, обусловленное, в том числе, несоответствием результатов лечения ожидаемым прогнозам. В современную эпоху популяризации методов и способов лечения, лекарственных препаратов через программы общественного телевидения, Интернет ресурсы, многие пациенты приходят в клинику уже со сформированным пониманием от чего, как и чем их необходимо лечить. Более того, подерживая свои доводы в Верховном Суде РФ по апелляционной жалобе, гражданин

С. утверждал, что наличие или отсутствие направления от врача, необходимое для проведения диагностического исследования, является лишь формальностью, и при оказании платных медицинских услуг его получение в рамках консультации врача-специалиста является исключительно дополнительным финансовым бременем для пациента. Если последний в данных консультациях не нуждается, то он вправе самостоятельно принять решение о получении конкретной процедуры [7].

При расхождении видения ситуации пациента и рекомендаций врача, первые чаще всего считают себя ущемленными в реализации права на медицинскую помощь и сформированное личное мнение экстраполируют не как единичный случай, а тенденцию в целом, публикуя его на сайтах в виде отзывов. Вместе с тем, как показывает практика Верховного Суда РФ, врачам очень сложно восстанавливать свою репутацию и доказывать недействительность размещенной, чаще всего анонимно, информации [8]. Под угрозой негативных отзывов о врачах пациенты, в нарушение принципа добросовестности, могут требовать уменьшения суммы оплаты, оказания дополнительных медицинских услуг, компенсации морального и материального вреда [9].

Такие «перепады» в правовом аспекте приводят к тому, что по данным Роспотребнадзора в России к 2022 г. количество исков по вопросам защиты прав потребителей медицинских услуг выросло более чем в три раза. Процент рассмотренных дел, которые закончились удовлетворением требований пациентов, увеличился с 58% до 65%. Согласно статистическим данным Следственного комитета РФ, количество обращений граждан по поводу оказанной медпомощи также увеличилось на 25% за последние пять лет, до 6507 случаев в 2022 г. Причем важным фактором является то, что среди них значительная часть не имеет оснований для удовлетворения их судами [10].

С 2019 г. в судебной практике по рассмотрению исков пациентов сформировался подход, согласно которому для взыскания морального вреда достаточно установление факта нарушения прав пациента (формальное нарушение клинических рекомендаций) при отсутствии вреда здоровью. В определении Верховного Суда РФ от 18 февраля 2019 г. № 71-КГ18-12, которое было включено в Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2019), и в последующих решениях судебных инстанций (например, определения Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11 февраля 2021 г. № 88-2042/2021, от 31 марта 2021 г. № 88-6464/2021) указано следующее: «диагностические и тактические дефекты не являлись причиной наступления смерти, а только условием, то есть фактором, не приводящим к наступлению негативного последствия, но и при этом и не препятствующим реализации наступления неблагоприятного исхода...».

При этом остается без внимания, когда пациент в силу отсутствия каких-либо медицинских знаний или пренебрежительного отношения к назначениям врача занимается «самолечением», чем сам усугубляет свое здоровье. Более того, обычно граждане это факт утаивают, что в результате снижает результативность работы доктора.

На практике известно множество случаев предъявления необоснованных гражданских исков. Защитить медицинского работника в ситуациях подобного характе-

ра может только квалифицированный юрист и экспертиза. Например, дело матери ребенка против Волгоградского роддома, которое было рассмотрено Верховным Судом РФ (№ 2-КГ13-4). Решение по существу вынес в 2013 г. Волгоградский областной суд. Он отказал в компенсации морального вреда, поскольку вина сотрудников роддома не подтвердилась. Суд указал, что вакцинация не является сферой повышенной опасности, а врачебная деятельность для того и нужна, чтобы сохранять жизнь и здоровье человека [11].

И даже если медицинские работники осведомлены о том, что кроме обязанностей они обладают и правами, понимание того, как отстаивать свои интересы на практике и защитить себя от неправомерных обвинений в большинстве у них отсутствует. Это предопределяется своего рода общим недостаточным уровнем правовой осведомленности сотрудников сферы здравоохранения, а также негласным правилом «пациент всегда прав». К этому также присоединяется боязнь распространения негативной информации, способной сформировать отрицательное общественное мнение к медицинской организации; снижения количества пациентов; демпинга цен на медицинские услуги.

2. Современные механизмы оказания юридической помощи и защиты прав медицинских работников

Заслуженный юрист России, профессор Ю. Д. Сергеев утверждает, что внедрение и функционирование института обязательного страхования гражданской ответственности врачей будет способствовать реализации их права на защиту в том случае, если оказание медицинской помощи и медицинских услуг соответствуют стандартам и клиническим рекомендациям, но допущены врачебные ошибки в силу различных причин, например, несовершенства медицинской науки или особенностей диагноза. В данном случае действия подобного характера не будут считаться преступными и, следовательно, будут иметь свою специфику в их разрешении [12]. Солидируются с этим подходом и другие ученые России [13, с. 111].

Так, страхование профессиональной ошибки работника медицинского учреждения, которая не сопряжена с небрежным или халатным выполнением профессиональных обязанностей, является крайне важным способом защиты своей репутации от неправомерных обвинений как минимум потому, что пациент в силу своей неквалифицированности не сможет сразу различить халатность и врачебную ошибку. Но при этом не исключено, что в подобном случае дело дойдет до суда и врачу придется столкнуться с неправомерными обвинениями, «очернением» своей репутации. Довольно показательным является дело, по которому суд оправдал врача в смерти пациентки. В таких ситуациях у врача низкая вероятность защиты своих прав и оправдания, так как сам процесс выяснения всех обстоятельств дела и прямой причастности врача к смерти пациента довольно сложный. Так, хирург В. проводил операцию пациентке К. после сложных родов, в результате которой она скончалась. В. обвинялся в постановке неправильного диагноза и в несоблюдении медицинских стандартов обследования при проведении плановых операций. У следствия на этапе проверки была абсолютная уверенность в том, что гибель пациентки, умершей сразу после проведенной операции, произошла

в результате преступных действий врача. Однако стороной защиты было доказано, что В. на основе имеющихся у него данных и должностной инструкции поставил правильный диагноз, врачебная ошибка не имела место быть. Все аргументы свидетельствовали об отсутствии нарушений профессиональных обязанностей и стандартов лечения на дооперационном этапе. В конечном итоге в силу отсутствия состава преступления в действиях обвиняемого, суд вынес оправдательный приговор в отношении В. по предъявленному ему обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ. Вышестоящий суд оставил приговор в отношении В. без изменений [14].

Учитывая увеличение количества жалоб и исков в отношении врачей, в 2012 г. для реализации защиты прав сотрудников здравоохранения Национальная Медицинская Палата (НМП) и Федеральный союз адвокатов России заключили соглашение, согласно которому они будут осуществлять оказание консультативной юридической помощи медработникам. С марта 2021 г. на сайте НМП возобновил работу онлайн-центр консультационной юридической поддержки (nacmedpalata.ru). Данный проект предусматривает оказание бесплатной юридической помощи врачам на досудебном этапе. Также юристы помогают в решении медико-правовых вопросов в различных отраслях права в случае возникновения конфликтных ситуаций [15].

Как положительный момент отметим создание 2016 г. по предложению департамента здравоохранения г. Москвы и столичного профсоюза медицинских работников института уполномоченного по правам медицинских работников, деятельность которого заключается в изучении запросов медицинских работников по вопросам нарушения их прав, анализе рекомендаций, направленных на улучшение условий труда и обеспечении гарантий защиты их правового положения.

Создание подобных информационных площадок и организаций крайне важно, так как способствует разрешению конфликтных ситуаций между пациентами и медицинскими работниками и, как следствие, защите прав последних. Формирование эффективных защитных механизмов прав медицинских работников – залог стабильного функционирования системы здравоохранения [16, с. 492].

Заключение

Так, для сокращения случаев «пациентского экстремизма» необходимо сменить подход к профессии врача и в целом к системе здравоохранения, как на уровне государственного регулирования, так и в рамках общественности. В первую очередь это сектор национальной безопасности, поэтому необходима разработка эффективных государственных мер ее защиты.

Согласимся с мнением Ф. Д. Кадырова о том, что качественная подготовка договора оказания медицинских услуг является одним из способов ограничения действий недобросовестных пациентов [4, с. 65]. И, как представляется, в его основе должна лежать новая система взаимоотношений между врачом и пациентом – когда каждая сторона имеет права и несет свои обязанности. Партнерство и нацеленность на получение результата медицинской услуги, который напрямую зависит не только от назначений доктора, но и от действий самого пациента, должны быть основой правоотношений по оказанию медицинских услуг. Для приведения сто-

рон в равное положение целесообразно ст. 98 ФЗ об охране здоровья дополнить положениями об ответственности пациентов.

Пристатейный библиографический список

1. *Баринов С. А.* Правовое обеспечение защиты прав пациента в случае причинения вреда здоровью при оказании медицинской услуги : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
2. *Гребенюк М. О.* Социальная защита врачей как профессиональной группы : автореф. дис. ... канд. мед. наук. Волгоград, 2010.
3. Круглый стол «Как пройти через «кошмар пациентского экстремизма» // Доктор Питер : сайт. URL: <https://doctorpiter.ru/sp/kak-proyti-cherez-koshmar-patsientsko-go-ekstremizma/> (дата обращения: 16.11.2023).
4. *Кадыров Ф. Н.* Способы противодействия «потребительскому (пациентскому) экстремизму» при оказании платных медицинских услуг // Менеджер здравоохранения. 2017. № 2.
5. «Пациентский экстремизм»: истории врачей из Удмуртии // Информационное агентство «УДМУРТИЯ» : сайт. URL: <https://udmurt.media/rubrics/obshchestvo/477315-patsientskiy-ekstremizm-istorii-vrachey-iz-udmurtii/> (дата обращения: 10.11.2023).
6. *Фалалеев М.* Скорая зовет на помощь // Российская газета : сайт. URL: <https://rg.ru/amp/2017/12/05/za-shest-let-na-vrachey-v-rossii-napadali-1226-raz.html> (дата обращения: 09.03.2023).
7. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 18 августа 2020 г. № АПЛ20-231 «Об оставлении без изменения Решения Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № АКПИ20-199, которым было отказано в удовлетворении заявления о признании частично недействующими пунктов 11, 14 Правил проведения эндоскопических исследований, утв. приказом Минздрава России от 06.12.2017 № 974н» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12 ноября 2019 г. № 14-КГ19-15, 2-2794/18 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26 апреля 2022 г. № 5-КГ22-28-К2 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Медицинские правонарушения с точки зрения экспертов качества медицинской помощи // НП «Национальная Медицинская Палата» : сайт. URL: <https://nasmepalata.ru/?action=show&id=36730> (дата обращения: 10.11.2023).
11. Суды, страховки, выплаты: чего ждать после «побочек» вакцины от коронавируса // ПРАВО.RU : сайт. URL: <https://pravo.ru/story/233171/amp/> (дата обращения: 10.11.2023).
12. *Сергеев Ю.* Современному врачу крайне необходимо иметь ясность в понимании норм права // ГАРАНТ : сайт. URL: <https://www.garant.ru/interview/665091/> (дата обращения: 16.11.2023).
13. *Ярыгин Н. В., Баринов А. Е., Ромодановский П. О., Баринов Е. Х.* Объективный способ защиты медицинского работника – знание своих прав // Судебная медицина. 2019. Т. 5. № 51.

14. *Рамазанов И. П.* Суд оправдал врача, обвиненного в смерти пациента // Уголовный процесс. 2013. № 2. URL: <https://e.ugpr.ru/306037> (дата обращения: 10.11.2023).
15. *Болотова Т.* «Врач в законе», или Что ему надо знать для самозащиты от необоснованных исков? // «Консультант Плюс»: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 10.11.2023).
16. *Андрианова В. В., Асташкина М. А., Шахназарян К. Э.* Некоторые аспекты защиты прав медицинских работников // Право и государство: теория и практика. 2023. № 6 (222).

References

1. *Barinov S. A.* Legal Provision of Protection of the Rights of the Patient in Case of Harm to Health in the Provision of Medical Services: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2012. (In Russ.)
2. *Grebeniuk M. O.* Social Protection of Doctors as a Professional Group: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Medical Sciences. Volgograd, 2010. (In Russ.)
3. Round table “How to Get Through the “Nightmare of Patient Extremism”. URL: <https://doctorpiter.ru/sp/kak-proyti-cherez-koshmar-patsientskogo-ekstremizma/> (date of the application: 16.11.2023). (In Russ.)
4. *Kadyrov F. N.* Ways to Counteract “Consumer (Patient) Extremism” in the Provision of Paid Medical Services. *Health Care Manager*, 2017, no. 2. (In Russ.)
5. “Patient extremism”: stories of doctors from Udmurtia. URL: <https://udmurt.media/rubrics/obshchestvo/477315-patsientskiy-ekstremizm-istorii-vrachey-iz-udmurtii/> (date of the application: 10.11.2023). (In Russ.)
6. *Falaleev M.* The Ambulance Is Calling For Help. URL: <https://rg.ru/amp/2017/12/05/za-shest-let-na-vrachej-v-rossii-napadali-1226-raz.html> (date of the application: 19.03.2023). (In Russ.)
7. Appellate Ruling of the Appellate Board of the Supreme Court of the Russian Federation of 18 August 2020 No. APL20-231 “On Leaving Unchanged the Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 11 June 2020 No. AKPI20-199, Which Was Denied the Application for Recognition in Part Invalid Paragraphs 11, 14 of the Rules for Conducting Endoscopic Examinations, Approved by Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of 6 December 2017 No. 974n” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)
8. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 12 November 2019 No. 14-KG19-15, 2-2794/18 (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)
9. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 26 April 2022 No. 5-KG22-28-K2 (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)
10. Legal Support Center: Medical offenses from the point of view of experts on the quality of medical care. URL: <https://nacmedpalata.ru/?action=show&id=36730> (date of the application: 10.11.2023). (In Russ.)
11. Courts, insurance, payments: what to expect after the “side effects” of the coronavirus vaccine. URL: <https://pravo.ru/story/233171/amp/> (accessed 10.11.2023). (In Russ.)

12. *Sergeev Iu.* It Is Extremely Necessary for a Modern Doctor to Have Clarity in Understanding the Norms of Law. URL: <https://www.garant.ru/interview/665091/> (date of the application: 16.11.2023). (In Russ.)

13. *Iarygin N. V., Barinov A. E., Romodanovskii P. O., Barinov E. Kh.* An Objective Way to Protect a Medical Worker Is to Know Their Rights. *Forensic Medicine*, 2019, vol. 5, no. S1. (In Russ.)

14. *Ramazanov I. R.* The Court Acquitted the Doctor Accused of the Death of the Patient. *Criminal Trial*, 2013, no. 2. URL: <https://e.ugpr.ru/306037> (date of the application: 10.11.2023). (In Russ.)

15. *Bolotova T.* Is a “Doctor in law”, or What does he need to know to protect himself from unfounded lawsuits? URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895 (date of the application: 10.11.2023). (In Russ.)

16. *Andrianova V. V., Astashkina M. A., Shakhnazarian K. E.* Some Aspects of the Protection of the Rights of Medical Workers. *Law and the State: Theory and Practice*, 2023, no. 6 (222). (In Russ.)

Сведения об авторах:

Н. В. Кравченко – преподаватель.

М. И. Крюкова – студентка.

Information about the authors:

N. V. Kravchenko – Lecturer.

M. I. Kryukova – Student.

Статья поступила в редакцию 14.12.2023; одобрена после рецензирования 07.02.2024; принята к публикации 21.03.2024.

The article was submitted to the editorial office 14.12.2023; approved after reviewing 07.02.2024; accepted for publication 21.03.2024.

Научная статья

УДК 338; 351

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-98-108>

СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД НА СОДЕРЖАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Александр Анатольевич Мохов

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

mokhov_alexander@rambler.ru

Аннотация

Актуальность настоящего исследования заключается в необходимости проведения комплексного анализа положений действующей Стратегии национальной безопасности. Документ ставит перед доктриной и законодателем ряд вопросов, требующих оперативного разрешения исходя из реальных и потенциальных угроз и рисков в области национальной безопасности. В результате проведенного исследования Стратегии и национального законодательства, направленного на обеспечение отдельных видов безопасности, представляется авторский взгляд на содержание деятельности по обеспечению национальной безопасности, показана значимость государственно-правового развития важнейшего направления деятельности государственных органов и должностных лиц, а также ближайшие перспективы реализации правотворческой деятельности. Автором предлагается к обсуждению структура нового Федерального закона «О национальной безопасности».

Ключевые слова: национальная безопасность; Стратегия национальной безопасности; отдельные виды безопасности; совершенствование законодательства о национальной безопасности; Закон «О национальной безопасности».

Для цитирования: Мохов А. А. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: правовой взгляд на содержание и перспективы развития законодательства о национальной безопасности // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 98–108. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-98-108>

Research Article

THE NATIONAL SECURITY STRATEGY OF THE RUSSIAN FEDERATION: A LEGAL VIEW ON THE CONTENT AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF NATIONAL SECURITY LEGISLATION

Alexander A. Mokhov

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow,
117638, Russia

mokhov_alexander@rambler.ru

Abstract

The relevance of this study lies in the need for a comprehensive analysis of the provisions of the current National Security Strategy. The document poses a number of issues to the doctrine and the legislator that require prompt resolution based on real and potential threats and risks in the field of national security. As a result of the conducted research of the Strategy and national legislation aimed at ensuring certain types of security, the author's view on the content of national security activities is presented, the importance of state and legal development of the most important area of activity of state bodies and officials, as well as the immediate prospects for the implementation of law-making activities is shown. The author proposes to discuss the structure of the new Federal Law "On National Security".

Keywords: national security; National Security Strategy; certain types of security; improvement of legislation on national security; Law "On National Security".

For citation: Mokhov A. A. The National Security Strategy of the Russian Federation: A Legal View on the Content and Prospects for the Development of National Security Legislation. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 2, pp. 98–108. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-98-108>

Введение

Принятие новой Стратегии национальной безопасности, утв. указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 [1], имеет важное стратегическое, программное и политико-правовое значение.

Являясь документом стратегического планирования, Стратегия закрепляет основные национальные интересы и стратегические национальные приоритеты страны на ближайшую перспективу. К ним помимо собственно оборонных задач,

относятся вопросы науки и технологий, образования, здравоохранения, культуры и др.

Программный характер Стратегии определяется постановкой конкретных задач и достижимых ориентиров. При этом речь идет не только об обеспечении приемлемого уровня безопасности, но также и о развитии, занятии передовых рубежей по ряду направлений критически значимых для страны видов деятельности (в науке и технологиях, отдельных отраслях и секторах экономики, социально-культурной сфере и др.). Безопасность начинает рассматриваться как сложная комплексная задача, решение которой возможно с позиций не только статистики (обеспечение статус-кво), но и динамики (опережающее развитие).

Для юристов интерес в первую очередь представляет политико-правовая характеристика принятого документа, а также его сравнение с ранее действовавшей в России Стратегией. Как известно, анализируемый акт пришел на смену аналогичному по наименованию документу, утв. указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 [2].

Следует также обратить внимание на солидный корпус норм федеральных законов (от самостоятельных законов, предметом которых является обеспечение отдельных видов безопасности, до глав и отдельных норм о безопасности в законах, регулирующих отдельные сферы деятельности). О них подробнее пойдет разговор в настоящей статье ниже.

1. Содержание и сущность Стратегии национальной безопасности

Сущность Стратегии можно определить взаимосвязью и взаимообусловленностью двух направлений деятельности государства: во-первых, собственно обеспечением национальной безопасности или механизмам и правовым средствам противодействия основным угрозам, рискам; во-вторых, реализацией стратегических национальных приоритетов, обеспечивающих как безопасность (в узком ее понимании), так развитие государства и общества (безопасность в широком смысле).

В качестве примера взаимной связи двух составных частей деятельности в области обеспечения национальной безопасности можно привести безопасность биологическую. Ее обеспечение предполагает сочетание: организационных, правовых, научно-технологических и иных мер в совокупности. В настоящее время недостаточно обеспечить приемлемый уровень биологической безопасности только за счет эффективных санитарно-эпидемиологических мер (карантин и проч.). Государство в период пандемии должно в короткий срок на основе имеющихся в его распоряжении технологий получить в достаточном количестве эффективные и безопасные средства профилактики и лечения заболеваний, средства индивидуальной и коллективной защиты. Такие возможности государство имеет лишь случае обладания мощным научно-технологическим и производственным потенциалом.

В утратившей силу Стратегии также звучала мысль о неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости национальной безопасности и социально-экономического развития страны. Однако основной акцент в ней все же делался на угрозах национальной безопасности, условиях и факторах, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам.

В контексте содержания Стратегии также важно обратить внимание на основные направления усилий, предпринимаемых государством для обеспечения национальной безопасности. К ним отнесены: сбережение народа и развитие человеческого потенциала; оборона страны; государственная и общественная безопасность; информационная безопасность; экономическая безопасность; научно-технологическое развитие; экологическая безопасность и рациональное природопользование; защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти; стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество.

В утратившем силу документе можно найти упоминания о многих из перечисленных выше направлений деятельности. Однако некоторые из них были лишь обозначены в качестве отдельных пунктов, частей целого. Как можно убедиться, не только появляются, но и дают о себе знать относительно новые угрозы и риски, требующие адекватного и своевременного реагирования государства на них. Отсюда повышенное внимание политиков, общественных деятелей и законодателей к вопросам обеспечения демографической [3], ментальной (социокультурной) [4] и некоторых других видов безопасности [5].

Один из примеров реагирования – принятие Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» [6].

Пандемия новой коронавирусной инфекции показала наличие как организационных, так и правовых проблем в части обеспечения комплексной безопасности. На начальном этапе развития пандемии наблюдались трудности обеспечения эффективного взаимодействия между отдельными федеральными органами исполнительной власти и регионами. Потребовалось оперативное принятие документов, позволяющих как Правительству РФ, так и главам субъектов РФ оперативно решать текущие управленческие задачи в нетипичных, экстраординарных условиях. Кроме того, разбор «полетов» привел к формированию Межведомственной комиссии Совета Безопасности РФ по противодействию современным угрозам биологической безопасности.

Даже вопросы обеспечения военной безопасности – ключевого вида безопасности, которому государство всегда уделяло и продолжает уделять пристальное внимание, нуждаются в пересмотре. Человечество стоит на пороге создания и апробации новых видов оружия (биологического (в том числе генетического), информационного, климатического, автономных биоинженерных систем), опыта применения которых никогда ранее не имело.

Гибридные войны, применение «нетрадиционного», «нетипичного» оружия обуславливают также учет политических, экономических, социальных и иных рисков. Те же боевые действия на сопредельной территории в средствах массовой информации уже именуют «войной дронов». Иными словами, в имеющиеся военные доктрины и иные документы, действующие в области обеспечения военной безопасности, довольно часто начинают вноситься изменения и дополнения, что не было характерно для прежних лет.

Самостоятельная проблема – обеспечение отдельных видов безопасности в контексте региональной и национальной безопасности, регионального разви-

тия и реализации стратегических национальных приоритетов. Если вопросам стимулирования экономического и пространственного развития регионов последние годы начинает уделяться достаточное внимание, то проблемам обеспечения отдельных видов безопасности на региональном уровне – недостаточное.

2. Стратегия национальной безопасности и федеральные законы о безопасности

В период с 90-х гг. XX в. и по настоящее время принят целый ряд федеральных законов, в той или иной мере опосредующих отношения в области национальной безопасности.

Базовым актом, если следовать формально-юридическому подходу, в области обеспечения национальной безопасности, является Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» [7]. Согласно ст. 1 документа, закон определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства. При этом он прямо указывает на деятельность по обеспечению безопасности государства, общественную и экологическую безопасность. Иные виды безопасности им упоминаются. Даже военная безопасность им прямо не упоминается. В тоже время, согласно Указу Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», обеспечение национальной безопасности реализуется посредством в том числе и военных мер.

Не содержит Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» каких-либо норм, посвященных решению задач по обеспечению биологической безопасности, в то время как в Стратегии, биологические угрозы и риски упоминаются несколько раз. Перечисление таких несоответствий можно продолжить и дальше.

С целью обеспечения отдельных видов безопасности за последние тридцать лет был принят целый ряд федеральных законов. Если следовать их наименованиям, то в России выделяют такие виды безопасности, как: биологическая, информационная, пожарная, транспортная, экологическая безопасность и другие. Организационное и правовое обеспечение безопасности по некоторым видам деятельности сложилось, является адекватным современному состоянию российского государства и общества, по некоторым – нет. Среди угроз, выходящих на первый план, указывают демографическую, ментальную и некоторые другие виды безопасности.

Анализ федеральных законов, а также Стратегии показывает, что расширяется предметное поле деятельности органов власти и управления, должностных лиц в области обеспечения безопасности, происходит дальнейшая дифференциация безопасности по сферам деятельности, угрозам, кругу субъектов и др.

В специальной литературе безопасность все чаще рассматривается как комплексная безопасность. Например, реализация биологических рисков представляет угрозу не только в области обеспечения биологической безопасности, но также может привести недопустимым рискам в сфере обеспечения военной, общественной, продовольственной, экономической, экологической и иных видов безопасности.

При этом нельзя не отметить, что законодательство о национальной безопасности в целом и ее отдельным видам продолжает развиваться ситуативно, хаотично, при отсутствии четкого плана, в отсутствие научно-методического обеспечения правотворческой деятельности. Анализ проектного законодательства свидетельствует о наличии довольно частых дополнений и изменений в законы о безопасности. Предметом постоянной дискуссии стали предложения депутатов, политологов по ужесточению уголовной ответственности в связи с теми или иными чрезвычайными ситуациями природного либо техногенного характера, террористическими актами.

В указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» слово «регион» рассматривается в основном в контексте макрорегиона, а не субъекта РФ. В то же время в документе акцентируется внимание на развитии хозяйственных связей между субъектами РФ, сокращению дифференциации субъектов Российской Федерации по уровню и темпам социально-экономического развития, качеству жизни. Иными словами, в акте вскользь затрагиваются проблемы обеспечения региональной экономической безопасности, а также пространственного развития. Затронутый аспект нуждается в дальнейшем развитии как в документах стратегического планирования, так и в отдельных федеральных законах.

Можно также обратиться к программам, а также опубликованным трудам ученых по итогам трех Всероссийских научно-практических конференций, проведенных в последние годы в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Следует также заметить, что лишь последний год-два ученые, занимающиеся вопросами обеспечения безопасности, начали исследовать не только публично-правовые, но также и частноправовые аспекты комплексной проблематики. Дело в том, что в современных условиях ряд задач по обеспечению безопасности выполняют хозяйствующие субъекты самостоятельно либо во взаимодействии с компетентными государственными органами.

Отмеченные выше обстоятельства приводят к постановке и последующему решению задачи относительно возможных перспектив развития законодательства о национальной безопасности. Полагаю, что даже при сохранении рамочного характера отправного закона о безопасности, в нем должны найти закрепление: организационные и правовые основы обеспечения национальной безопасности в целом и отдельных видов безопасности; основные принципы обеспечения безопасности; основные виды безопасности; каркас системы обеспечения национальной безопасности (ее единство и возможная дифференциация по отдельным видам безопасности); силы и средства национальной системы обеспечения национальной безопасности.

В Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» достаточно большое количество норм посвящено Совету Безопасности РФ, что неудивительно. Этот орган доказал свою значимость, внес существенный вклад в обеспечение национальной безопасности [8].

Однако анализ деятельности данного органа показывает, что и здесь есть чем заняться. Слабым местом выступает организация плановой работы по экспертно-аналитическому обеспечению деятельности Совета Безопасности РФ по всему

спектру решаемых им задач, включая новые [9]. В этой связи в законе желательно иметь несколько статей, посвященных аналитической работе в интересах органа, экспертизам, предоставлению необходимых документов по запросам Совбеза и др.

Несколько слов нужно также сказать и о юридической ответственности в контексте обеспечения национальной безопасности. В одной из монографий отмечается: в Стратегии делается акцент на «...необходимость борьбы с преступностью и иными правонарушениями только в сфере государственной и общественной безопасности. Между тем Стратегия содержит разделы, посвященные: сбережению народа и развитию человеческого потенциала (иными словами, безопасности личности, человека), обороне страны (военной безопасности)...» [10]. Отмеченное свидетельствует о наличии потребности в ревизии законодательства о юридической ответственности в контексте обеспечения комплексной безопасности. Осуществлять эту работу значительно проще, предварительно осуществив систематизацию норм, направленных на обеспечение национальной безопасности в целом, а также отдельных видов безопасности.

3. Перспективы развития законодательства о национальной безопасности

В связи с изложенным выше к обсуждению и развитию научной дискуссии относительно перспектив развития национального законодательства о безопасности может быть предложена рабочая структура проекта федерального закона «О национальной безопасности Российской Федерации»:

ГЛАВА 1. Общие положения.

Статья 1. Предмет регулирования настоящего Федерального закона.

Статья 2. Правовые основы обеспечения национальной безопасности.

Статья 3. Основные национальные интересы и стратегические национальные приоритеты.

Статья 4. Основные угрозы и риски национальной безопасности.

Статья 5. Виды национальной безопасности.

Статья 6. Основные принципы обеспечения национальной безопасности.

Статья 7. Государственная политика в области обеспечения национальной безопасности.

Статья 8. Международное сотрудничество в области обеспечения национальной безопасности.

ГЛАВА 2. Система обеспечения национальной безопасности и ее основные функции. Силы и средства обеспечения национальной безопасности.

Статья 9. Система обеспечения национальной безопасности.

Статья 10. Основные функции системы обеспечения национальной безопасности.

Статья 11. Силы и средства обеспечения национальной безопасности.

ГЛАВА 3. Полномочия федеральных органов государственной власти, функции органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области обеспечения безопасности.

Статья 12. Полномочия Президента Российской Федерации в области обеспечения безопасности.

Статья 13. Полномочия Совета Безопасности Российской Федерации.

Статья 14. Полномочия палат Федерального Собрания Российской Федерации в области обеспечения безопасности.

Статья 15. Полномочия Правительства Российской Федерации в области обеспечения безопасности.

Статья 16. Полномочия федеральных органов исполнительной власти в области обеспечения безопасности.

Статья 17. Функции органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области обеспечения безопасности.

ГЛАВА 4. Совет Безопасности Российской Федерации.

Статья 18. Общие положения о Совете Безопасности.

Статья 19. Основные задачи и функции Совета Безопасности.

Статья 20. Состав Совета Безопасности.

Статья 21. Решения Совета Безопасности.

Статья 22. Секретарь Совета Безопасности.

Статья 23. Организация деятельности Совета Безопасности.

Статья 24. Научное, информационно-аналитическое и экспертное обеспечение деятельности Совета Безопасности.

Статья 25. Федеральное государственное бюджетное учреждение по научному, информационно-аналитическому, экспертному обеспечению деятельности Совета Безопасности.

Статья 26. Общественные советы при Совете Безопасности.

Статья 27. Поручения Совета Безопасности и их исполнение.

Статья 28. Запросы Федерального государственного бюджетного учреждения по научному, информационно-аналитическому, экспертному обеспечению деятельности Совета Безопасности и их исполнение.

ГЛАВА 5. Обеспечение национальной безопасности.

Статья 29. Гарантии прав и свобод человека и гражданина при обеспечении национальной безопасности.

Статья 30. Права и обязанности организаций при обеспечении национальной безопасности.

Статья 31. Меры по обеспечению национальной безопасности.

Статья 32. Обеспечение безопасности в сфере охраны здоровья народа.

Статья 33. Обеспечение безопасности в сфере образования.

Статья 34. Обеспечение биологической безопасности.

Статья 35. Обеспечение военной безопасности.

Статья 36. Обеспечение демографической безопасности.

Статья 37. Обеспечение информационной безопасности.

Статья 38. Обеспечение международной безопасности.

Статья 39. Обеспечение научной и технологической безопасности.

Статья 40. Обеспечение общественной безопасности.

Статья 41. Обеспечение пожарной безопасности.

Статья 42. Обеспечение политической безопасности.

Статья 43. Обеспечение продовольственной безопасности.

Статья 44. Обеспечение социокультурной (ментальной) безопасности.

Статья 45. Обеспечение техногенной безопасности.

Статья 47. Обеспечение транспортной безопасности.

Статья 47. Обеспечение химической безопасности.

Статья 48. Обеспечение экономической безопасности.

Статья 49. Обеспечение экологической безопасности.

Статья 50. Обеспечение энергетической безопасности.

Статья 51. Обеспечение ядерной и радиационной безопасности.

Статья 52. Запасы, резервы, фонды, производственные и иные мощности в области обеспечения национальной безопасности.

Статья 53. Государственная поддержка организаций, реализующих отдельные меры в области обеспечения национальной безопасности.

Статья 54. Оценка (экспертиза) уязвимостей и рисков в области обеспечения национальной безопасности.

Статья 55. Финансирование мероприятий по обеспечению национальной безопасности.

Статья 56. Засекречивание информации в области национальной безопасности.

Статья 57. Контроль (надзор) за соблюдением законности в сфере обеспечения безопасности.

Статья 58. Ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации в области обеспечения безопасности.

ГЛАВА 6. Заключительные положения.

Статья 59. О признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации.

Статья 60. Вступление в силу настоящего Федерального закона.

Заключение

Подводя итоги исследования, представляется возможным сделать следующие выводы.

Во-первых, Стратегия национальной безопасности по своей правовой природе является программным актом стратегического планирования, в соответствии с которым должно формироваться и развиваться законодательство о безопасности. Комплексный характер документа предполагает развитие законодательства о безопасности на основе системного подхода. Наряду со специальными законами, призванными урегулировать отношения в сфере обеспечения отдельных видов безопасности, необходимо формировать корпус общих норм о безопасности (общие нормы-дефиниции; нормы, закрепляющие целеполагание в сфере безопасности и общие задачи; каркас и общие контуры системы обеспечения национальной безопасности; принципы обеспечения национальной безопасности).

Во-вторых, современная Стратегия национальной безопасности построена на обеспечении баланса между видами деятельности, традиционно относящимися к нацеленным на решение задач по обеспечению безопасности (государственной, общественной и некоторых других), так и теми, чья роль и значение до самого последнего времени прямо не учитывались при постановке и решении задач в области обеспечения отдельных видов безопасности.

В-третьих, в правовом государстве эффективное решение задач по обеспечению национальной безопасности в целом, отдельных видов безопасности, предполагает наличие современной системы законодательства о безопасности. Устранение имеющихся лакунов, пробелов, дублирующих норм, предполагает проведение работы по систематизации корпуса норм, опосредующих отношения в области безопасности. Итогом такой деятельности является разработка и принятие нового Федерального закона «О национальной безопасности Российской Федерации». На его основе и через развитие его отдельных положений в дальнейшем будет формироваться законодательство, направленное на обеспечение отдельных видов безопасности (в части, в которой общие нормы не способны обеспечить регулирующее воздействие на обособленную группу правоотношений).

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. 2). Ст. 5351.
2. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. 2). Ст. 212 (документ утратил силу).
3. Путин поручил правительству найти решение по демографической безопасности // РИА Новости. 2023. 25 дек.
4. Ильницкий А. М. Стратегия ментальной безопасности России // Военная мысль. 2022. № 4.
5. Безопасность жизнедеятельности (правовое обеспечение безопасности жизнедеятельности) : учебное пособие / отв. ред. А. А. Мохов. М. : Проспект, 2024.
6. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. 1). Ст. 31.
7. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.
8. Толстых В. В. Совет Безопасности Российской Федерации : правовые основы деятельности // ACADEMY. 2018. № 9.
9. Мохов А. А. Экспертно-аналитическое сопровождение деятельности Совета Безопасности Российской Федерации (организационно-правовой аспект) // Публичное право сегодня. 2022. № 3.
10. Проблемы взаимодействия юридической ответственности и механизма обеспечения национальной безопасности : монография / под ред. Д. А. Липинского. М. : РИОР, 2021.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of 2 July 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 27 (part 2), art. 5351. (In Russ.)
2. Decree of the President of the Russian Federation of 31 December 2015 No. 683 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". *Collection of Legislation of*

the Russian Federation, 2016, no. 1 (part 2), art. 212 (the document has become invalid). (In Russ.)

3. Putin instructed the government to find a solution for demographic security. *RIA Novosti*, 25 December 2023. (In Russ.)

4. *Il'inskiy A. M.* The Strategy of Russia's Mental Security. *Military Thought*, 2022, no. 4. (In Russ.)

5. *Mokhov A. A. (ed.)*. Life Safety (Legal Provision of Life Safety): Textbook. Moscow: Prospekt, 2024. (In Russ.)

6. Federal Law of 30 December 2020 No. 492-FZ "On Biological Safety in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 1 (part 1), art. 31. (In Russ.)

7. Federal Law of 28 December 2010 No. 390-FZ "On Safety". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2011, no. 1, art. 2. (In Russ.)

8. *Tolstykh V. V.* The Security Council of the Russian Federation: Legal Foundations of Activity. *Academy*, 2018, no. 9. (In Russ.)

9. *Mokhov A. A.* Expert and Analytical Support of the Activities of the Security Council of the Russian Federation (Organizational and Legal Aspect). *Public Law Today*, 2022, no. 3. (In Russ.)

10. *Lipinskii D. A. (ed.)*. Problems of Interaction of Legal Responsibility and the Mechanism of Ensuring National Security: Monograph. Moscow: RIOR, 2021. (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. А. Мохов – доктор юридических наук, профессор.

Information about the author:

A. A. Mokhov – Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 25.03.2024; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 06.05.2024.

The article was submitted to the editorial office 25.03.2024; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 06.05.2024.

Научная статья

УДК 347.4

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-109-120>

КОНЦЕССИОННОЕ СОГЛАШЕНИЕ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ГЕНЕЗИС ДОКТРИНАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ПЕРТУРБАЦИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УСЛОВИЙ (ОБЗОР ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КОНЦЕССИОННОГО СОГЛАШЕНИЯ)

Вадим Александрович Катышевцев

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

ylai1980_81@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена обобщению доктринальных представлений о проблемах теории и практики концессионного партнерства, оформленных в рамках диссертационных исследований. Основными используемыми в данной статье методами являются формально-юридический и сравнительно-правовой. Выявлена хронологическая первичность экономических исследований. Произведенный комплексный анализ работ под кодом отрасли наук 12 «Юридические науки» позволил автору системно отразить позиции представителей отечественной правовой науки по обозначенным проблемам. Одновременно с этим автором выявлена актуальность проведения новых монографических исследований в контексте уже изученных элементов концессионного соглашения и новых, ранее не рассмотренных, проблем теории и практики концессионного партнерства.

Ключевые слова: концессионное соглашение; диссертационные исследования; правовая природа договора; телеология.

Для цитирования: *Катышевцев В. А.* Концессионное соглашение в российском праве: генезис доктринальных представлений в контексте пертурбаций социально-экономических и правовых условий (обзор диссертационных исследова-

ний концессионного соглашения) // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 109–120. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-109-120>

Research Article

CONCESSION AGREEMENT IN RUSSIAN LAW: THE GENESIS OF DOCTRINAL IDEAS IN THE CONTEXT OF PERTURBATIONS OF SOCIO-ECONOMIC AND LEGAL CONDITIONS (REVIEW OF DISSERTATION STUDIES OF THE CONCESSION AGREEMENT)

Vadim A. Katyshevtsev

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia
ylai1980_81@mail.ru

Abstract

This work is devoted to the generalization of doctrinal ideas about the problems of the theory and practice of concession partnership, formulated in the framework of dissertation research. The main methods used in this article are formal legal and comparative legal. The chronological primacy of economic research has been revealed. The comprehensive analysis of the works under the branch of sciences code 12 “Legal Sciences” allowed the author to systematically reflect the positions of representatives of domestic legal science on the identified problems. At the same time, the author has identified the relevance of conducting new monographic research in the context of the already studied elements of the concession agreement and new, previously not considered, problems of the theory and practice of concession partnership.

Keywords: concession agreement; dissertation research; legal nature of the contract; teleology.

For citation: *Katyshevtsev V. A. Concession Agreement in Russian Law: The Genesis of Doctrinal Ideas in the Context of Perturbations of Socio-Economic and Legal Conditions (Review of Dissertation Studies of the Concession Agreement). Herald of the Russian Law Academy, 2024, no. 2, pp. 109–120. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-109-120>

Введение

Цикличность течения истории подтверждает, что периоды сверхцентрализации и укорененного огосударствления экономики являются предикатом последующей

вынужденной либерализации. В условиях рыночной экономики сформировались представление о том, что имущество публично-правовых образований используется с большей эффективностью так называемым «частным собственником». Приватизация (даже при учете сомнительных итогов залоговых аукционов), корпоративное участие государства в ключевых хозяйственных обществах энерго-сырьевой отрасли экономики, развитие гражданско-правовых институтов, придавшие импульс к дальнейшему интенсивному экономическому росту, обусловили поиск иных правовых форм передачи полных или сингулярных полномочий по управлению публичной собственностью, неизвестных позднему советскому правопорядку.

Слияние (сращивание) собственности публично-правовых образований и капитала, предпринимательских способностей частных инвесторов в рамках инвестиционных проектов нашли свое отражение, в том числе в рамках концессионного соглашения (далее также – КС). Фундаментальные представления о КС были закреплены в законопроекте № 95050725-1 «О концессионных договорах, заключаемых с российскими и иностранными инвесторами», который после внесения ряда поправок (в том числе изменивших его наименование) воплотился в Федеральном законе от июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (далее – Закон о концессиях) – центральном источнике концессионного законодательства [1].

Изучение теоретических и практических проблем концессионного соглашения стало предметом исследования более 30 диссертаций российских ученых. Справедливо отметить, что теоретические проблемы КС до принятия Закона о концессиях преимущественно рассматривались учеными-экономистами. В данной связи необходимо отметить три ключевых экономических диссертационных исследования.

1. Анализ экономических исследований концессионного соглашения

I. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук «Оценка возможности использования зарубежного опыта концессий в развитии системы водоснабжения России» под авторством Павла Александровича Кулика 2002 г.

Данное исследование рассматривает возможность применения модели концессионного управления системами водоснабжения и водоотведения, принадлежащих публично-правовым образованиям, на основе анализа зарубежного опыта в контексте социально-экономических условий России. Автором сформировано понятие концессии как формы управления государственной собственностью на основе частной инициативы в рамках договорных отношений, а также формы хозяйственной деятельности, основанной на использовании государственной собственности негосударственным субъектом этой деятельности на договорных условиях. Представленное определение можно считать релевантным, полным лишь отчасти. С одной стороны каждое КС как договор требует принятия контрагентом условий сформированных противоположной стороной. Стандартная модель заключения КС: формирование условий КС потенциальным концедентом; участие потенциального концессионера в конкурсе на право заключения КС; подписание КС. В данной связи основой для заключения концессионного соглашения является решение публично-правового образования о необходимости заключе-

ния соответствующего договора. Автором было сформулировано положение, отраженное в Законе о концессиях спустя девять лет с момента принятия данного закона – положение о возможности заключения КС с применением частной концессионной инициативы [2].

II. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук «Концессии в экономических отношениях государства и частного сектора» 2003 г.

Работа Владимира Гавриловича Варнавского представляет собой фундаментальный труд. Системное представление теоретических положений, вопросов государственного регулирования концессий, анализ зарубежного опыта и оценка возможности имплементации механизма КС оформили передовые доктринальные представления российской науки в рамках одного монографического исследования. Владимир Гаврилович указал на то, что публично-частное партнерство обусловлено общественной полезностью институциональных и организационных альянсов между государством и предпринимательским сектором. Автором обосновываются экономические и административные (управленческие) преимущества концессионного соглашения в сравнении с иными формами публично-частного партнерства, в том числе в связи с анализом зарубежной теории и практики [3].

III. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук Юлии Викторовны Зворыкиной «Методологические основы и механизмы управления концессиями в России» 2003 г.

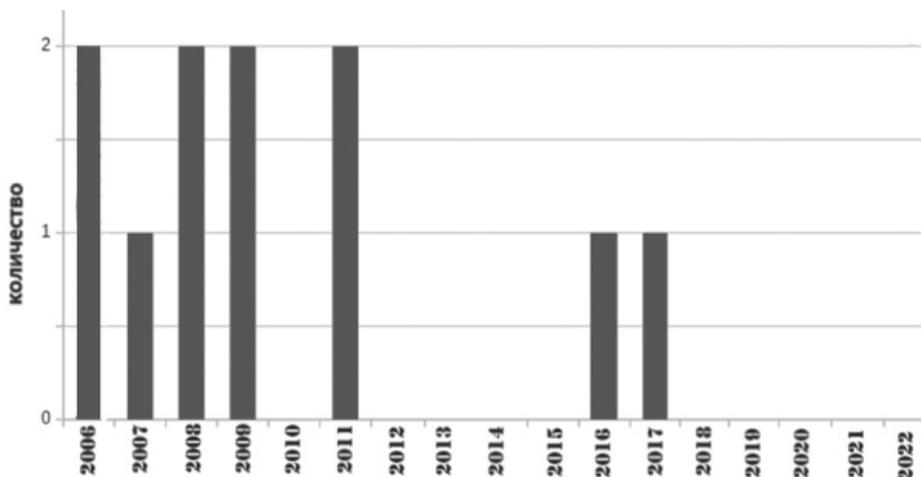
Помимо заключений автора, поднимающих и развивающих вопросы исключительно экономической науки, предлагается создать нормативное правовое поле, охватывающее как разработку и принятие федерального закона о концессионных соглашениях, так и формирование специализированного отраслевого и регионального законодательства. Помимо этого, учитывая комплексность проблемы и установленную ответственность государства за результаты и последствия предоставления концессий, как подчеркивает автор, целесообразно подготовить нормативную базу управления концессиями, включающую методические рекомендации по проведению конкурсных торгов, отбору концессионеров, разработке технико-экономических обоснований концессионного проекта, утверждению регламента взаимодействия участников концессионного процесса в течение всего срока жизни проекта и порядка отчетности концессионера перед концедентом. По существу предложенные Юлией Викторовной правовые новации воплощены в рамках действующего Закона о концессиях [4].

2. Концессионное соглашение в диссертационных работах правового характера

Критически можно отнестись к отсутствию интереса к осуществлению монографических исследований в области проблем теории, систематизации и анализа зарубежного опыта концессионного партнерства со стороны представителей правовой науки. Поэтому действующий Закон о концессиях был принят на фоне исключительно фундаментальных доктринальных экономических исследований. Далее, с 2006 по 2017 г. отечественная наука была обогащена более чем десятью диссертациями, которые освещали проблемы концессионного партнерства, под

кодом отрасли наук 12 «Юридические науки», согласно Общероссийскому классификатору специальностей высшей научной квалификации (см. Приложение А).

Приложение А
Диссертационные исследования под кодом отрасли наук 12
«Юридические науки», посвященные изучению
концессионного соглашения

В рамках диссертационных исследований рассматривались следующие основные проблемы теории и практики концессионного партнерства.

2.1. Правовая природа концессионного договора

Проблема, остающаяся актуальной для российской науки с момента первых исследований законодательства о публично-частном партнерстве иностранных государств и Европейского союза. Ядро теоретической части большинства юридических диссертационных исследований составляют положения, обосновывающие одно из трех доктринальных представлений.

I. Концессионное соглашение – гражданско-правовой договор.

Александр Иванович Попов, приверженец гражданско-правовой природы КС, указывает: «Специфика концессионного соглашения проявляется в использовании преимущественно гражданско-правовых методов регулирования отношений... Ни один гражданско-правовой договор не обладает такими же признаками и свойствами, как концессионное соглашение. Однако конструкция концессионного соглашения целиком и полностью соответствует модели частноправового договора, что позволяет говорить о концессионном соглашении как об отдельном, самостоятельном гражданско-правовом договоре особого рода» [5]. «...отношения в сфере концессионного использования муниципального имущества принадлежат к предмету регулирования гражданского права, поскольку являются отношениями имуществ-

венного характера и субъекты этих отношений обладают обособленным имуществом и организационной автономией. Особая компетенция концедента в концессионных соглашениях, проявляющаяся в ряде односторонних распорядительных и контрольных правомочий в отношении формирования, развития и прекращения концессионного правоотношения, вытекает из особенностей правового положения концедентов как субъектов гражданского права» – заявляет Елена Алексеевна Левицкая [6]. Кроме того, рамках диссертационных работ КС отнесено к разновидности гражданско-правового договора Вероникой Михайловной Савельевой [7], Станиславом Джоновичем Бушневым [8], а также Сергеем Николаевичем Широковым, при том, что последним КС атрибутировано в качестве смешанного гражданско-правового договора [9].

II. Концессионное соглашение – административно-правовой договор.

Обоснование данной позиции Сергей Валерьевич Шорохов связывает с тем, что КС, при всей специфике его моделей, используемых в законодательстве разных стран, характеризуется наличием у концедента определенных административно-контрольных полномочий и иных публичных прерогатив, что дает основания относить его к косвенной форме публичного управления. Стоит отметить и процитировать системно изложенные Сергеем Валерьевичем следующие аргументы административно-правовой природы КС: «...а) оформляют отношения между неравными по статусу субъектами – публично-правовым образованием в лице компетентных органов и частными лицами, что проявляется в ряде обязательных пунктов соглашения; б) заключаются только на объекты публичной собственности, что отличает концессию как форму косвенного управления от гражданско-правового договора коммерческой концессии (франчайзинга); в) подлежат регулированию специальным законодательством, основанным в первую очередь на публично-правовых методах; г) предмет публичного интереса в концессионном соглашении выражается в признании за концедентом определенных односторонних прав; е) публично – правовой характер концессионного соглашения проявляется также в том, что оно может быть заключено только в соответствии с типовыми концессионными соглашениями, утвержденными административным актом концедента» [10].

В свою очередь Анна Николаевна Лукина обосновывает административно-правовую отраслевую принадлежность КС следующим корпусом аргументов: «в его основе лежит административный акт – решение органа исполнительной власти, которое формирует его основные условия; основные условия концессионного соглашения не формируются произвольно, исходя из воли сторон, а нормативно определены; порядок заключения концессионного соглашения определен в основном административно-правовыми нормами; субъектный состав концессионного соглашения нормативно урегулирован и одной из сторон всегда выступает государство или орган местного самоуправления в лице своих органов исполнительной власти; суть концессионного соглашения состоит в осуществлении публичного управления путем возложения обязанностей Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования на договорной основе на частных лиц с передачей им части организационных и управленческих полномочий» [11].

III. Концессионное соглашение – комплексный договор.

Следует различать комплексный договор – т.е. соглашение, регулирование которого осуществляется нормами различных отраслей права и смешанный гражданско-правовой договор – договор, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными гражданско-правовыми актами (п. 3 ст. 421 Гражданского кодекса РФ). В данной связи декларирование Рустэмом Маратовичем Жемалетдиновым «комплексной гражданско-правовой» природы КС представляется зыбким, сформированным под влиянием смешения исключительно частноправовых и теоретических публично-частных юридических категорий [12].

В защиту межотраслевой (метаотраслевой) принадлежности концессионного соглашения Алина Владимировна Багдасарова указывает: «Частноправовыми элементами являются имущественные эквивалентно-возмездные отношения сторон концессионного соглашения. Публично-правовые элементы проявляются в наличии в концессионном соглашении значимого общественного интереса. Об особой роли общественного интереса в основе концессионного соглашения свидетельствуют, в частности, закрепленные в праве многих современных государств следующие положения: 1) обязанность концессионера обеспечивать бесперебойное оказание услуг населению; 2) право концедента в одностороннем порядке изменять концессионное соглашение (в том числе, вводить прямое управление); 3) право концедента отказываться от соглашения. Вышеуказанные права концедент вправе осуществлять только при условии выплаты справедливой компенсации концессионеру». Алина Владимировна пришла к выводу, что концессионное соглашение возможно отнести к нетипичным институтам гражданского права, в которых сочетаются элементы различных отраслей права, регулирование КС следует осуществлять той отраслью права, к которой преимущественно тяготеют данные отношения (гражданским правом), и вместе с тем применять *mutatis mutandis* нормы другой соответствующей отрасли права, которая регулирует аспекты концессии, выходящие за рамки гражданского права [13]. Комплексная правовая природа КС заявлена также в хронологически первой диссертации на соискание степени кандидата юридических наук под авторством Ольги Николаевны Савиновой [14].

2.2. Разделение категорий «концессия» и «концессионное соглашение»

Существо единообразных представлений сводится к определению содержания рассматриваемых категорий и соотношения их объемов. Более широкую «концессию» определяют как передачу государством концессионного имущества (объекта недвижимости и иного, определяемого законодательством имущества) частным субъектам для более эффективного управления. Вторичную (более узкую по своему объему) категорию «концессионное соглашение» определяют как правовую конструкцию, регулируемую Законом о концессиях [Там же]. Представляется, что данный теоретический аспект концессионного партнерства рассмотрен частично. В частности, не представлен анализ категории «концессионный договор», ее признаков и содержания в купе с имеющимися положениями Законопроекта № 95050725-1 «О концессионных договорах, заключаемых с российскими и иностранными инвесторами».

2.3. Телеология концессионного соглашения

Выявление системы целей любого коммерческого договора имеет практическое значение при определении необходимого окончательного результата соглашения сторон. Однако социальный аспект цели КС представлен авторами диссертаций абстрактно. Елена Алексеевна Левицкая обосновывает тезис о том, что во взаимодействии сторон КС органически сочетаются социально значимые интересы концедентов («публичные интересы»), состоящие в обеспечении эффективного использования имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности, и повышении качества товаров, работ, услуг, предоставляемых потребителям, и частные интересы концессионеров, поэтому его можно рассматривать в качестве наиболее эффективной формы управления коммунальным имуществом муниципальных образований [6]. Нельзя не упомянуть научные изыскания Александра Сергеевича Караогланова, сделанные в рамках диссертационного исследования на соискание ученой степени кандидата социологических наук по специальности ВАК 22.00.03 «Экономическая социология и демография». Александр Сергеевич указывает: «...объекты концессии имеют особую социальную значимость, затрагивающую напрямую каждодневные нужды и запросы населения, как конституционного собственника государственного объекта. Разнонаправленность задач концессии принципиально усложняет процесс управления концессионированием, позволяет реализовать его только с использованием принципов системного, комплексного подхода. Двойственная природа концессионного механизма отражается и в ее правовом понимании, относящем концессионное соглашение одновременно к коммерческому и публичному праву» [15].

2.4. Возможность заключения КС на стороне концедента двумя и более публично-правовыми образованиями

Рассматриваемая проблема сведена к упущению законодателя при разработке и принятии Закона о концессиях. Вывод о необходимости закрепления возможности множественности лиц на стороне концедента, сформулированный Александром Ивановичем Поповым, был воплощен в рамках Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 265-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О концессионных соглашениях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Справедливо отметить, что Александр Иванович также указывает на необходимость применения принципа *numerus clausus* при изложении существенных условий КС в рамках специального закона. А. И. Попов предлагает следующее: «подп. 7 п. 1 ст. 10 Закона следует исключить, тем самым ограничить существенные условия...» [5].

Помимо названных работ концессионное соглашение эскизно изучалось в нескольких диссертациях более широкого объекта исследования, посвященных инвестиционной деятельности, договорам в сфере строительства [17–20].

Заключение

Переход государства к рыночной модели организации экономики приобрел детерминирующее значение при возникновении и развитии частноправовых и ком-

плексных институтов. Публично-частное партнерство и его формы, с развитием теоретических представлений и концепций, выразившихся в появлении новых нормативных правовых актов, приобрели значение стратегического инструмента создания, развития, эксплуатации собственности публично-правовых образований частным партнером. Концессионное соглашение стало объектом изучения в рамках более 30 диссертационных изысканий ученых-юристов, экономистов, социологов. Проведенный анализ монографических разработок, с применением иных общенаучных и частнонаучных методов, позволил автору сформулировать следующие выводы:

1. Первичными в изучении фундаментальных положений о КС, в том числе касающихся юридической и параюридической стороны данного отношения, являются изыскания ученых-экономистов. Преимущественно рассматривая КС как метод организации управления собственностью публично-правовых образований, экономические исследования включают в себя анализ и систематизацию иностранного концессионного законодательства, формализацию понятия «концессионное соглашение», предложение концепций Закона о концессионных соглашениях и иные ключевые для правовой науки представления о данном подинституте. Действующий Закон о концессиях был принят на фоне исключительно фундаментальных доктринальных экономических исследований.

2. Пик интереса к исследованию правовых теоретических и практических проблем концессионного партнерства пришелся на период после 2005 года и был связан с принятием действующего Закона о концессиях. Часть обоснованных представителями юридической науки выводов-предложений нашли свое отражение в новациях концессионного законодательства. В последних диссертационных работах, представленных в 2016–2017 гг., отсутствует проработка наиболее актуальной проблематики применения КС в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Тем не менее вопросы процедуры заключения КС, применения норм антимонопольного законодательства к концессионным отношениям, соотношения различных форм публично-частного партнерства и выявление оптимальной правовой конструкции передачи публичной коммунальной инфраструктуры частному партнеру остаются острой гранью практики реализации и выбора вектора развития законодательства.

3. Теоретические представления о телеологии публично-частного партнерства изучены поверхностно. Абстрактность формулировок социального аспекта системы целей КС, в частности, позволяет и, более того, требует, во-первых, систематизации уже сформированных теоретических представлений, в том числе в ходе нормотворческого процесса, и, во-вторых, синтеза аксиологического аспекта телеологии публично-частного партнерства.

4. Вопрос правовой природы КС, на наш взгляд, не получил исчерпывающего обоснования. Анализ сложившихся доктринальных представлений, с учетом предлагаемого разделения позиций в данном вопросе на: 1) воплощенное в рамках действующей правовой системы; 2) оптимальное, предлагаемое к реализации, – позволит объективно представить правовую сущность концессионного соглашения.

Пристатейный библиографический список

1. Законопроект № 95050725-1 // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/95050725-1> (дата обращения: 20.03.2024).
2. Кулик П. А. Оценка возможности использования зарубежного опыта концессий в развитии системы водоснабжения России: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 2002.
3. Варнавский В. Г. Концессии в экономических отношениях государства и частного сектора: автореф. дис. ... докт. эконом. наук. М., 2003.
4. Зворыкина Ю. В. Методологические основы и механизмы управления концессиями в России: автореф. дис. ... докт. эконом. наук. М., 2003.
5. Попов А. И. Концессионные соглашения: гражданско-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
6. Левицкая Е. А. Концессионные соглашения в сфере коммунального имущества муниципальных образований: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008.
7. Савельева В. М. Концессионное соглашение как институт гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
8. Бушнев С. Д. Концессионные соглашения в Российском гражданском праве и законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.
9. Широков С. Н. Правовая сущность концессионного соглашения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012.
10. Шорохов С. В. Концессионное соглашение как форма публичного управления: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
11. Лукина А. Н. Административно-правовое регулирование государственно-частного партнерства в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
12. Жемалетдинов Р. М. Гражданско-правовое регулирование концессионных соглашений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2008.
13. Багдасарова А. В. Концессионное соглашение в гражданском праве России и зарубежных стран: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
14. Савинова О. Н. Договорное регулирование концессионных отношений по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006.
15. Караогланов А. С. Социально-экономический анализ концессионного механизма в сфере ЖКХ: автореф. дис. ... канд. социолог. наук. М., 2008.
16. Воронина У. А. Концессионное соглашение в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2017.
17. Баранов К. Ю. Гражданско-правовая модель регулирования инвестиционных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
18. Русаков В. И. Правовой режим инвестиций, объединяемых участниками государственно-частного партнерства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015.
19. Егорова А. А. Участие субъектов Российской Федерации в инвестиционной деятельности: правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

20. Ялилов А. Д. Договорные конструкции в сфере строительства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2023.

References

1. Draft Law No. 95050725-1. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/95050725-1> (date of the application: 20.03.2024). (In Russ.)
2. Kulik P. A. Assessment of the Possibility of Using Foreign Experience of Concessions in the Development of the Russian Water Supply System: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Economic Sciences. Moscow, 2002. (In Russ.)
3. Varnavskii V. G. Concessions in Economic Relations Between the State and the Private Sector: Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Economic Sciences. Moscow, 2003. (In Russ.)
4. Zvorykina Iu. V. Methodological Foundations and Mechanisms of Concession Management in Russia: Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Economic Sciences. Moscow, 2003. (In Russ.)
5. Popov A. I. Concession Agreements: Civil Law Aspect: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2007. (In Russ.)
6. Levitskaia E. A. Concession Agreements in the Field of Municipal Property of Municipalities: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Krasnodar, 2008. (In Russ.)
7. Saveliyeva V. M. Concession agreement as an institution of civil law: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2011. (In Russ.)
8. Bushnev S. D. Concession Agreements in Russian Civil Law and Legislation: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. St. Petersburg, 2006. (In Russ.)
9. Shirokov S. N. The Legal Essence of the Concession Agreement: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Chelyabinsk, 2012. (In Russ.)
10. Shorokhov S. V. Concession Agreement as a Form of Public Administration: Comparative Legal Research: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2009. (In Russ.)
11. Lukina A. N. Administrative and Legal Regulation of Public-Private Partnership in Russia: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2016. (In Russ.)
12. Zhemaletdinov R. M. Civil Law Regulation of Concession Agreements: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Ufa, 2008. (In Russ.)
13. Bagdasarova A. V. Concession Agreement in the Civil Law of Russia and Foreign Countries: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2009. (In Russ.)
14. Savinova O. N. Contractual Regulation of Concession Relations Under the Legislation of the Russian Federation: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Kazan, 2006. (In Russ.)
15. Karaoglanov A. S. Socio-Economic Analysis of the Concession Mechanism in the Housing and Communal Services Sector: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Sociologist Sciences. Moscow, 2008. (In Russ.)

16. *Voronina U. A.* Concession Agreement in Russian Law: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Novosibirsk, 2017. (In Russ.)

17. *Baranov K. Iu.* Civil Law Model of Regulation of Investment Relations: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2013. (In Russ.)

18. *Rusakov V. I.* The Legal Regime of Investments Combined by Participants in Public-Private Partnership: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. St. Petersburg, 2015. (In Russ.)

19. *Egorova A. A.* Participation of the Subjects of the Russian Federation in Investment Activities: Legal Aspects: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2019. (In Russ.)

20. *Ialilov A. D.* Contractual Structures in the Field of Construction: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Kazan, 2023. (In Russ.)

Сведения об авторе:

В. А. Катышевцев – аспирант.

Information about the author:

V. A. Katyshevtsev – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 25.03.2024; одобрена после рецензирования 03.05.2024; принята к публикации 03.05.2024.

The article was submitted to the editorial office 25.03.2024; approved after reviewing 03.05.2024; accepted for publication 03.05.2024.

Научная статья

УДК 343.3/.7

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-121-132>

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЕДИНОЙ ПРОДОЛЖАЕМОЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И РЕАЛЬНОЙ СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 193¹ УК РФ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТЫ

Екатерина Викторовна Василькова

Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел РФ,
656038, Россия, г. Барнаул, ул. Чкалова, д. 49

kempf_e_v@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается вопрос квалификации действий лица как продолжаемого преступления или реальной совокупности деяний, закрепленных ст. 193¹ Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). Автором исследуются позиции ученых и практиков по указанной проблеме, в результате чего констатируется значительная разрозненность подходов правоприменителей к ее решению, что предопределяет актуальность исследования. Целью работы является уточнение критериев квалификации содеянного как реальной совокупности деяний или продолжаемого преступления. Методологическую основу исследования составили положения формальной логики, диалектики, а также философии права. Используются общие и частные методы научного познания: формально-юридический метод, анализ, синтез, классификация и др. Автором приводятся критерии разграничения и делается вывод о необходимости их разделения на две категории: условные (т.е. то учитываемые, то игнорируемые при вынесении итогового решения, ввиду чего не гарантирующие правильность квалификации) и абсолютные (являющиеся, по мнению автора, наиболее объективным показателем при определении наличия совокупности преступлений). Новизна работы определяется тем, что на основе выявления данных критериев даются рекомендации по определению того, является содеянное единой продолжаемой преступной деятельностью или реальной совокупностью преступлений, предусмотренных ст. 193¹ УК РФ.

Ключевые слова: ст. 193¹ УК РФ; квалификация; продолжаемое преступление; совокупность преступлений; критерии разграничения; вывод капитала; совершение валютных операций.

Для цитирования: Василькова Е. В. Разграничение единой продолжаемой преступной деятельности и реальной совокупности преступлений, предусмотренных ст. 193¹ УК РФ: общетеоретический и практико-прикладной аспекты // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 121–132. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-121-132>

Research Article

DIFFERENTIATION OF A SINGLE ONGOING CRIMINAL ACTIVITY AND A REAL SET OF CRIMES PROVIDED FOR IN ARTICLE 193¹ OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: GENERAL THEORETICAL AND PRACTICAL-APPLIED ASPECTS

Ekaterina V. Vasilkova

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 49 Chkalova St., Barnaul, 656038, Russia

kempf_e_v@mail.ru

Abstract

The article considers the issue of qualification of a person's actions as an ongoing crime or a real set of crimes enshrined in Article 193¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. The author examines the positions of scientists and practitioners on this problem, as a result of which a significant disparity in the approaches of law enforcement officers to its solution is stated, which determines the relevance of the study. The purpose of the work is to clarify the criteria for qualifying the deed as a real set of acts or an ongoing crime. The methodological basis of the study was the provisions of formal logic, dialectics, as well as the philosophy of law. General and particular methods of scientific cognition are used (the formal legal method, analysis, synthesis, classification and others). The author provides criteria for differentiation and concludes that they must be divided into two categories: conditional (they can be either taken into account or ignored when making a final decision, which therefore does not guarantee the correctness of qualifications) and absolute (which, in the author's opinion, are the most objective indicator in determining the presence of a set of crimes). The novelty of the work is determined by the fact that, based on the identification of these criteria, recommendations are given to

determine whether the deed is a single ongoing criminal activity or a real set of crimes provided for in Article 193¹ of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: Article 193¹ of the Criminal Code of the Russian Federation; qualification; ongoing offence; set of crimes; criteria for differentiation; capital flight; currency transactions.

For citation: *Vasilkova E. V. Differentiation of a Single Ongoing Criminal Activity and a Real Set of Crimes Provided for in Article 193¹ of the Criminal Code of the Russian Federation: General Theoretical and Practical-Applied Aspects. Herald of the Russian Law Academy, 2024, no. 2, pp. 121–132. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-121-132>*

Введение

В настоящее время борьба с нелегальным выводом капитала за пределы Российской Федерации является одной из приоритетных задач, продиктованных как спецификой состояния экономики на внутригосударственном уровне, так и особенностями протекания кризисных процессов в сфере международных отношений. Значимую роль в противодействии оттоку денежных средств играют уголовно-правовые механизмы борьбы, в частности установление ответственности за наиболее опасные вариации делинквентного поведения.

В целях противодействия незаконным переводам денежных средств за пределы Российской Федерации в 2013 г. законодателем введена норма, закрепленная ст. 193¹ УК РФ, предусматривающая ответственность за совершение валютных операций по переводу денежных средств на счета нерезидентов с использованием подложных документов. За более чем десятилетний период ее существования правоприменительная практика столкнулась с рядом проблемных вопросов, возникающий при квалификации действий субъекта. Один из наиболее значимых таких вопросов затрагивает разграничение единого сложного преступления и реальной совокупности деяний, запрещенных обозначенной нормой права. Судебная и следственная практика характеризуются максимально варьирующимися представлениями о том, каким образом в каждом конкретном случае оценивать соответствующее противоправное поведение, а официальные разъяснения судебного органа применительно к преступлению, закрепленному ст. 193¹ УК РФ, отсутствуют, ввиду чего крайне актуальной видится проблема выявления критериев разграничения единой продолжаемой преступной деятельности и реальной совокупности преступлений, предусмотренных ст. 193¹ УК РФ.

1. Современное состояние проблемы разграничения продолжаемого преступления и реальной совокупности преступлений для целей статьи 193¹ УК РФ

Для начала необходимо отметить, что рассматриваемое деяние надлежит включать именно в группу продолжаемых (а не длящихся): оно в большинстве случаев предполагает совершение двух и более объединенных единым умыслом тождественных действий. Для более точного определения подобного единства умысла

в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях» приводится ряд критериев: общая цель совершенных деяний, аналогичность способа их совершения, один объект преступного посягательства и (или) предмет преступлений, а также производство с небольшими временными промежутками тождественных деяний [1].

Однако обозначенные «маркеры» продолжаемого преступления являются общими и представляют собой макет, чьи компоненты в большей или меньшей степени проявляются в конкретных деяниях. Как следствие, необходимо более детально рассматривать приведенные «рамочные» критерии и адаптировать их содержание к определенным преступлениям. В частности, наукой уголовного права несколько уточнены основания отделения единого сложного преступления от реальной совокупности для целей ст. 193¹ УК РФ.

Например, Р. С. Поздышев и Д. В. Назарычев обращают внимание на необходимость учитывать период, в течение которого производился вывод субъектом денежных средств за границу, а также количество организаций-резидентов (отправителей) и нерезидентов (получателей). Но указанные обстоятельства, как отмечают авторы, не позволяют с уверенностью констатировать наличие продолжаемого преступления или совокупности деяний, и правоприменителю следует каждый раз устанавливать, охватывалось ли все единым умыслом или последний каждый раз формировался заново [2, с. 147].

Другие ученые, например А. Н. Лясколо, обозначают схожие параметры разграничения (т.е. как единое сложное преступление предлагается расценивать наличие одного резидента, одного нерезидента и небольших временных промежутков между проводимыми транзакциями), но также подчеркивают важность комплексной оценки содеянного, основанной на том, что не всегда наличие двух и более контрактов, получателей денежных средств или валютных операций по переводу следует безапелляционно относить к совокупности преступлений [3, с. 84].

Таким образом, приведенные выше критерии представляют собой именно рекомендации и сами по себе, безотносительно иных обстоятельств дела, не являются гарантиями правильной квалификации (что подчеркивают и сами исследователи).

2. Анализ правоприменительной практики

Переходя к анализу судебной практики, следует указать, что всеми без исключения судами как продолжаемая преступная деятельность расцениваются действия лиц по переводу денежных средств путем производства двух и более транзакций, когда они осуществляются одним отправителем в пользу одного получателя с предоставлением одной кредитной организации одного пакета содержащих заведомо недостоверные сведения документов [4–6]. В случаях же, когда какой-либо «компонент» преступной схемы, кроме количества транзакций, представлен во множественном числе (несколько отправителей, получателей, кредитных организаций и др.), приходится констатировать чрезвычайное обилие вариантов понимания того, что конкретно надлежит квалифицировать как совокупность преступлений или как продолжаемую преступную деятельность.

К примеру, в одном из случаев судом как совокупность преступлений (по п. «а» ч. 2 ст. 193¹ УК РФ и по п. «а» ч. 3 ст. 193¹ УК РФ) квалифицированы действия А. А. Курленко, который в период с 13 февраля 2014 г. по 14 марта 2014 г., находясь на территории Санкт-Петербурга, умышленно совершил незаконные валютные операции по переводу денежных средств в рублях Российской Федерации на банковский счет компании-нерезидента «ЛАМАСКО», зарегистрированной на территории Эстонии, с представлением кредитной организации, обладающей полномочиями агента валютного контроля и обслуживающей расчетный счет ООО «Трамал» (филиалу «Санкт-Петербургский» ОАО «Альфа-Банк»), документов, связанных с проведением таких операций и содержащих заведомо недостоверные сведения об основаниях, о целях и назначении перевода, в общей сумме 16 210 395 руб. (в виде оплаты оборудования суммами, не превышающими 50 000 долл. США по курсу ЦБ РФ по отношению к рублю на день осуществления валютных операций, что не требовало открытия паспорта сделки), т.е. в крупном размере.

Также он в период с 26 марта 2014 г. по 18 февраля 2015 г., находясь на территории Санкт-Петербурга, умышленно совершил незаконные валютные операции по переводу денежных средств в рублях Российской Федерации на банковские счета компаний-нерезидентов «Каруна Инвест & Финанс Инк» (Латвия) и «ЮНЕПОН ЛИМИТЕД» (Республика Кипр), с представлением кредитной организации, обладающей полномочиями агента валютного контроля и обслуживающей расчетный счет ООО «Пктрейд» (ОАО «Банк «Санкт-Петербург»), документов, связанных с проведением таких операций и содержащих заведомо недостоверные сведения об основаниях, о целях и назначении перевода, в общей сумме 98 051 840,25 руб. (также в виде оплаты оборудования суммами, не превышающими 50 000 долл. США по курсу ЦБ РФ по отношению к рублю на день осуществления валютных операций, что не требовало открытия паспорта сделки), т.е. в особо крупном размере [7].

Фактически, в рассматриваемом приговоре «разделение» преступлений произошло по таким основаниям как различные организации-отправители, получатели и кредитные организации. При этом, с учетом того, что временной разрыв между совершением деяний был минимальным, не вполне обоснованным видится отказ суда квалифицировать содеянное как единую продолжаемую преступную деятельность.

В свою очередь, как единое продолжаемое преступление квалифицированы действия А. А. Шаркунова, который совместно с иными лицами в период с 6 октября 2016 г. до 25 февраля 2021 г., находясь на территории г. Новосибирска, совершил (от имени различных подконтрольных отправителей, не осведомленных о его преступных намерениях) валютные операции по переводу денежных средств в иностранной валюте на банковские счета множества нерезидентов (находящихся в различных странах) с предоставлением кредитной организации, обладающей полномочиями агента валютного контроля (НФ АКБ «Ланта-Банк»), документов, связанных с проведением таких операций и содержащих заведомо недостоверные сведения об основаниях, о целях и назначении перевода, организованной группой на общую сумму 433 896 454,04 рубля, из которых в 2016 г. в сумме 10 858 575,67 руб., в 2017 г. в сумме 54 317 924,31 руб., в 2018 г. в сумме 9 558 659,99 руб., в 2019 г. в сум-

ме 111 115 804,92 рубля, в 2020 г. в сумме 224 928 609,92 рублей, в 2021 г. в сумме 19 350 513,11 руб. [8].

В ином случае как единое деяние судом квалифицированы действия Н. Н. Янковского, виновного в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 193¹ УК РФ, использовавшего одного отправителя, одну кредитную организацию, ряд нерезидентов и несколько пакетов документов [9].

Также в качестве оснований для квалификации преступлений как реальной совокупности действий отдельными судами учитываются различные комплекты подложных документов (при абсолютном тождестве иных параметров: одной организации-отправителе, одном получателе, одной кредитной организации) [10], а также различные кредитные организации, обладающие полномочиями агентов валютного контроля, которым предоставлялись содержащие ложные сведения документы (т.е. здесь правоприменитель исходил из буквального толкования диспозиции нормы, предусмотренной ст. 193¹ УК РФ, в соответствии с которым нерезидентов или отправителей может быть и более двух, но кредитная организация указана в единственном числе) [11].

Как реальная совокупность 23 отдельных преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 193¹ УК РФ, квалифицированы действия А. А. Харченко, действовавшего в составе группы лиц по предварительному сговору совместно с неустановленным лицом и использовавшего несколько кредитных организаций, обладающих полномочиями агента валютного контроля (ПАО «Сбербанк», АО «Альфа-Банк», ПАО «Банк Уралсиб»), множество нерезидентов-получателей (из Китайской Народной Республики, Эстонской Республики, Китайской Республики (Тайвань), Литовской Республики, а также Федеративной Республики Германия) и комплектов подложных документов, одного отправителя (ООО «ОРИОН») [12]. При этом, несмотря на то, что все произведенные переводы совершены с небольшими временными промежутками, судом данное обстоятельство также проигнорировано и вменена реальная совокупность преступлений (основаниями для определения которой выступили множество нерезидентов-получателей переводов и комплектов подложных документов).

В ином примере действия подсудимых расценены судом как единая продолжаемая преступная деятельность: О. А. Грищенко, Е. И. Костицына и А. В. Штанев признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 193¹ УК РФ, за производство 306 переводов денежных средств в долларах США с банковского счета одной организации-отправителя (ООО «Кубань-Снаб») на банковские счета различных нерезидентов (фирм, зарегистрированных в Китайской Народной Республике, Турецкой Республике, Чешской Республике, в Государстве Израиль и Республике Монголия) с предоставлением кредитной организации, обладающей полномочиями агента валютного контроля (филиалу «Краснодарский» ООО «КБ «Нэклис-банк»), копий внешнеторговых контрактов и инвойсов, содержащих заведомо недостоверные сведения об основаниях, о целях и назначении переводов, на общую сумму 9 406 038,99 долларов США, что по официальному курсу Центрального банка РФ составляло 555 177 342,32 рубля, т.е. в особо крупном размере [13].

Также некоторые суды квалифицируют как единое сложное преступление по рассматриваемой статье Уголовного кодекса РФ действия лиц при наличии в них и более комплексной структуры. К примеру, при совершении преступного деяния, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, В. С. Тигин совместно с иными лицами использовал не одного, а нескольких отправителей (ООО «Игровая студия «Аврора», ООО «Юнита», ООО «Алекс72», ООО «Профессиональные системы программирования», ООО «Радиус», ООО «Ек-Софт»), различных получателей (многочисленные китайские компании), разные кредитные организации (ОАО «СКБ-Банк», ОАО «Запсибкомбанк», ОАО «ВТБ-24», ОАО «МДМ Банк», ОАО «Уралсиб», ОАО «Банк ВТБ», ОАО «Промсвязьбанк») и пакеты предоставляемых документов, содержащих ложные сведения [14]. Схожие показатели отражены и в иных приговорах, содержащих аналогичную рассмотренной оценку действиям подсудимых [15]. При этом судами отмечаются однотипность действий, производимых виновными лицами, незначительный временной промежуток между транзакциями, сходные обстоятельства их производства [15].

Стоит отметить, что крайние из приведенных решений судов определяют как «аналогичные» (а именно так один из признаков продолжаемого преступления звучит в приведенной в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 43 формулировке) не полностью совпадающие действия субъектов, а именно однотипные, отвечающие единой цели (вывода собственного капитала за рубеж либо извлечения незаконного дохода от переводов за границу денежных средств обратившихся «клиентов» по подложным основаниям). Такой подход позволяет правоприменителю не «загонять» себя в искусственные рамки «формулы», подразумевающей использование при совершении преступления одного отправителя, одних получателя, кредитной организации и комплекта подложных документов, а также одной или нескольких транзакций, что видится нам вполне разумным.

Более того, и сущность деяния, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, предполагает изначальное его рассмотрение именно как единого сложного преступления, специфика которого выражается в комплексном механизме реализации умысла, полистадийности и высокой степени продуманности действий субъекта, а также крупных суммах денежных средств, выходящих из-под контроля государства. Исходя из этого, применение лицом с небольшими промежутками времени более чем одного компонента каждого звена «формулы» преступления (нескольких транзакций, отправителей, получателей, кредитных организаций или комплектов содержащих заведомо недостоверные сведения документов) следует трактовать как стремление максимально усложнить преступную схему вывода денежных средств с целью сокрытия противоправного деяния, а не как возникающий заново умысел на совершение все новых и новых преступлений.

Презумпция рассмотрения исследуемого преступления как продолжаемого подтверждается и тем, что оно может быть совершено с умыслом как в конкретизированной, так и в неконкретизированной форме, т.е. без до конца оформленного понимания, сколько отправителей, получателей переводов, кредитных организаций, обладающих полномочиями агента валютного контроля, и комплектов подложных документов будет использовано, а также какое конкретно число тран-

закций будет совершено; при этом осознанием лица охватывается тот факт, что с учетом имеющихся условий оно будет как можно более полно использовать возможность совершать по подложным документам переводы максимального количества как собственных средств, так и принадлежащих обратившимся клиентам (с регулярным получением процентов за совершаемые в их интересах операции).

3. Категории критериев разграничения реальной совокупности деяний и единого продолжаемого преступления

Фактически, исследование судебных решений и позиций ученых-правоведов наталкивает на вывод о наличии двух категорий критериев разграничения реальной совокупности преступлений и единого продолжаемого преступления. Первая категория включает в себя условные критерии, то учитываемые, то игнорируемые правоприменителями. Она представлена следующими основаниями: а) количеством отправителей, осуществляющих транзакции; б) количеством получателей; в) количеством кредитных организаций, в которые лицо обратилось с целью осуществления переводов по подложным документам; г) количеством пакетов содержащих ложные сведения документов.

Иная категория критериев (носящих уже абсолютный характер) включает пока единственное основание разделения – существенный хронологический разрыв между совершаемыми транзакциями при условии, что такой разрыв возник в рамках не одного, а двух и более пакетов содержащих недостоверные сведения документов. Фактически, лишь данный критерий позволяет с максимальной степенью уверенности констатировать наличие умысла на совершение нового (а не продолжение ранее задуманного) преступления и, как следствие, является основанием для оценки содеянного как реальной совокупности преступлений. Критерии же, относящиеся к первой из обозначенных нами категорий (условные), служат лишь примерными ориентирами, не гарантирующими верность юридической оценки совершенного деяния, но полезными при определении «разветвленности» преступной схемы и меры завуалированности преступления (путем демонстрации вероятности использования различных компонентов преступной «формулы» во множественном числе).

Также мы считаем необходимым отметить следующее. Помимо изложенных выше критериев разграничения продолжаемой преступной деятельности и реальной совокупности преступлений, предусмотренных ст. 193¹ УК РФ, законодатель в примечании к обозначенной статье включил еще один, являющийся наиболее спорным. Речь идет об указании на период в один год при исчислении суммы незаконно переведенных денежных средств (для определения крупного и особо крупного размеров совершенного деяния), что наталкивает на суждение о необходимости с истечением годового периода квалифицировать деяние как новое самостоятельное преступление. Более того, даже правила определения рассматриваемого временного промежутка законодателем не обозначены: не ясно, имеется в виду год со дня совершения первого перевода по содержащим подложные сведения документам, календарный год либо какой-либо иной вариант отсчета (например, финансовый год).

Несмотря на то что суды при вынесении итоговых решений чаще всего игнорируют указание на обозначенный выше годичный срок, справедливо учитывая общую продолжительность осуществления изучаемого деяния (которое зачастую совершается в куда более протяженный временной интервал) и руководствуясь данными законодателем же критериями определения соответствующего вида единого сложного преступления, сам факт наличия в уголовном законе указания на временные рамки подталкивает правоприменителей к необоснованной квалификации содеянного как реальной совокупности преступлений (на данную проблему обращают внимание и ученые, к примеру, А. Н. Ляскало [3, с. 83]).

Таким образом, мы не считаем целесообразным закрепление в примечании к ст. 193¹ УК РФ положения об одном годе как рамочном периоде определения крупного или особо крупного размеров совершенного деяния, настаивая на его исключении, поскольку искусственное дробление единого продолжаемого преступления на реальную совокупность деяний без фактических на то оснований недопустимо.

Заключение

Подводя итог исследованию, отметим ключевые рекомендации по разграничению реальной совокупности преступлений и продолжаемой преступной деятельности для целей ст. 193¹ УК РФ. В настоящее время существуют две категории критериев такого разграничения. Первая категория включает в себя условные критерии, то учитываемые, то игнорируемые правоприменителями. Она представлена следующими основаниями: а) количеством отправителей, осуществляющих транзакции; б) количеством получателей; в) количеством кредитных организаций, в которые лицо обратилось с целью осуществления переводов по подложным документам; г) количеством пакетов содержащих ложные сведения документов. Условные критерии служат лишь примерными ориентирами, не гарантирующими верность юридической оценки совершенного деяния, но полезными при определении «разветвленности» преступной схемы и меры завуалированности преступления.

Вторая категория критериев (носящих уже абсолютный характер) включает пока единственное основание разделения – существенный хронологический разрыв между совершаемыми транзакциями при условии, что такой разрыв возник в рамках не одного, а двух и более пакетов содержащих недостоверные сведения документов. Фактически, именно данный критерий позволяет с максимальной степенью уверенности констатировать наличие умысла на совершение нового (а не продолжение ранее задуманного) преступления и, как следствие, является основанием для оценки содеянного как реальной совокупности преступлений.

Отдельно отметим, что не является целесообразным использование в качестве критерия закрепленного в примечании к ст. 193¹ УК РФ положения об одном годе как рамочном периоде определения крупного или особо крупного размеров совершенного деяния, поскольку это в большинстве случаев приведет лишь к искусственному дроблению единого продолжаемого преступления на реальную совокупность деяний.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях» // Российская газета. 2023. 22 дек. № 291.

2. Поздышев Р. С., Назарычев Д. В. Проблемы уголовно-правового характера, возникающие при расследовании преступлений, связанных с незаконным выводом капитала за рубеж (ст. 193 и ст. 193¹ Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Томского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7. № 2 (26).

3. Лясколо А. Н. Вопросы субъективной стороны валютных преступлений (ст. 193, 193¹ УК РФ) // Законодательство. 2017. № 9.

4. Приговор Свердловского районного суда г. Белгорода Белгородской области от 27 января 2020 г. по делу № 1-35/2020 // ГАС РФ «Правосудие»: сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html#id=7599f55503f4c8c758a3853fa2d95f4d> (дата обращения: 11.01.2024).

5. Приговор Первомайского районного суда г. Омска Омской области от 26 сентября 2017 г. по делу № 1-348/2017 // ГАС РФ «Правосудие»: сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html#id=400163fea6bb3b455e937e5e0e63de8f> (дата обращения: 11.01.2024).

6. Приговор Ленинского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области от 22 апреля 2019 г. по делу № 1-248/2019 // ГАС РФ «Правосудие»: сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html#id=b0076dc497b4f24bda9469ea8ed04271> (дата обращения: 13.01.2024).

7. Приговор Московского районного суда г. Санкт-Петербурга от 23 января 2019 г. по делу № 1-137/2019 // ГАС РФ «Правосудие»: сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html#id=94f9cc516f345145a742b557367edec7> (дата обращения: 13.01.2024).

8. Приговор Заельцовского районного суда г. Новосибирска Новосибирской области от 19 сентября 2022 г. по делу № 1-273/2022 // ГАС РФ «Правосудие»: сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html#id=8c73c9cd1afe48c0b5690edcc879fc59> (дата обращения: 14.01.2024).

9. Приговор Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 30 августа 2017 г. по делу № 1-437/2017 // ГАС РФ «Правосудие»: сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html#id=77dc549952d4e58739d7fe63c481fbac> (дата обращения: 19.01.2024).

10. Приговор Октябрьского районного суда г. Орска Оренбургской области от 5 марта 2019 г. по делу № 1-23/2019 // ГАС РФ «Правосудие»: сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html#id=a25c793ae79f0b3e7b2a23459b49ffc2> (дата обращения: 27.12.2023).

11. Приговор Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области от 5 апреля 2018 г. по делу № 1-1/2018 // ГАС РФ «Правосудие»: сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html#id=6c49f82145f5191731b479f1697b58ab> (дата обращения: 27.12.2023).

12. Приговор Центрального районного суда г. Кемерово Кемеровской области от 19 марта 2021 г. по делу № 1-290/2021 // ГАС РФ «Правосудие»: сайт. URL: <https://>

bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html#id=c271015b3f34f7154dfda06bee0cf2f2 (дата обращения: 16.01.2024).

13. Приговор Октябрьского районного суда г. Краснодара от 13 марта 2019 г. по делу № 1-24/2019 // ГАС РФ «Правосудие»: сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html#id=e4fbd4e53d2344451b1b414a7de5f2b6> (дата обращения: 19.01.2024).

14. Приговор Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 26 июня 2017 г. по делу № 1-269/2017 // ГАС РФ «Правосудие»: сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html#id=681ea064676726bd02b45877862485d6> (дата обращения: 11.01.2024).

15. Приговор Ленинского районного суда г. Нижний Тагил Свердловской области от 4 декабря 2017 г. по делу № 1-128/2017 // ГАС РФ «Правосудие»: сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html#id=9c1938eaa7f63d64b174cfdcb49db740> (дата обращения: 28.12.2023).

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 12 December 2023 No. 43 "On some issues of judicial practice in criminal cases of ongoing and ongoing crimes". *Rossiiskaia Gazeta*, 22 December 2023, no. 291. (In Russ.)

2. *Pozdyshev R. S., Nazarychev D. V.* Problems of a Criminal Law Nature Arising in the Investigation of Crimes Related to the Illegal Withdrawal of Capital Abroad (Articles 193 and 193.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Bulletin of Tomsk State University. Socio-Economic and Legal Research*, 2021, vol. 7, no. 2 (26). (In Russ.)

3. *Liaskalo A. N.* Issues of the Subjective Side of Currency Crimes (Articles 193, 193.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Legislation*, 2017, no. 9. (In Russ.)

4. Sentence of the Sverdlovsk District Court of Belgorod, Belgorod Region, of 27 January 2020 in the case 1-35/2020. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html#id=7599f55503f4c8c758a3853fa2d95f4d> (date of the application: 11.01.2024). (In Russ.)

5. Sentence of the Pervomaiskii District Court of Omsk, Omsk Region, of 26 September 2017 in the case 1-348/2017. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html#id=400163fea6bb3b455e937e5e0e63de8f> (date of the application: 11.01.2024). (In Russ.)

6. Sentence of the Leninskii District Court of Yekaterinburg, Sverdlovsk Region, of 22 April 2019 in the case 1-248/2019. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html#id=b0076dc497b4f24bda9469ea8ed04271> (date of the application: 13.01.2024). (In Russ.)

7. Sentence of the Moscow District Court of St. Petersburg of 23 January 2019 in the case 1-137/2019. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html#id=94f9cc516f345145a742b557367edec7> (date of the application: 13.01.2024). (In Russ.)

8. Sentence of the Zaeltsovskii District Court of Novosibirsk, Novosibirsk Region, of 19 September 2022 in the case 1-273/2022. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html#id=8c73c9cd1afe48c0b5690edcc879fc59> (date of the application: 14.01.2024). (In Russ.)

9. Sentence of the Verkhniy Isetskii District Court of Yekaterinburg of 30 August 2017 in the case 1-437/2017. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html#id=77dc549952d4e58739d7fe63c481fbac> (date of the application: 19.01.2024). (In Russ.)

10. Sentence of the Oktiabrskii District Court of Orsk, Orenburg Region, of 5 March 2019 in the case 1-23/2019. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html#id=a25c793ae79f0b3e7b2a23459b49ffc2> (date of the application: 27.12.2023). (In Russ.)

11. Sentence of the Zheleznodorozhnyi District Court of Yekaterinburg, Sverdlovsk Region, of 5 April 2018 in the case 1-1/2018. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html#id=6c49f82145f5191731b479f1697b58ab> (date of the application: 27.12.2023). (In Russ.)

12. Sentence of the Central District Court of Kemerovo, Kemerovo Region, of 19 March 2021 in the case 1-290/2021. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html#id=c271015b3f34f7154dfda06bee0cf2f2> (date of the application: 16.01.2024). (In Russ.)

13. Sentence of the Oktiabrskii District Court of Krasnodar of 13 March 2019 in the case 1-24/2019. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html#id=e4fbd4e53d2344451b1b414a7de5f2b6> (date of the application: 19.01.2024). (In Russ.)

14. Sentence of the Verkhniy Isetskii District Court of Yekaterinburg of 26 June 2017 in the case 1-269/2017. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html#id=681ea064676726bd02b45877862485d6> (date of the application: 11.01.2024). (In Russ.)

15. Sentence of the Leninskii District Court of Nizhny Tagil, Sverdlovsk region of 4 December 2017 in the case 1-128/2017. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html#id=9c1938eaa7f63d64b174cfdbc49db740> (date of the application: 28.12.2023). (In Russ.)

Сведения об авторе:

Е. В. Василькова – преподаватель.

Information about the author:

E. V. Vasilkova – Lecturer.

Статья поступила в редакцию 05.02.2024; одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 25.03.2024.

The article was submitted to the editorial office 05.02.2024; approved after reviewing 25.03.2024; accepted for publication 25.03.2024.

Оказание бесплатной юридической помощи
и правовое просвещение населения. Юридическое образование.
Рекомендации практикующих юристов

Научная статья
УДК 341
<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-133-146>

КОМИССИЯ ООН ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПНОСТИ И УГОЛОВНОМУ ПРАВОСУДИЮ: ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМ

Максим Владимирович Скирда

Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 420126, Россия, г. Казань,
ул. Фатыха Амирхана, д. 14
skimax@mail.ru

Аннотация

Глобализация преступности стала значительным вызовом для международного сообщества и потребовала оперативной реакции со стороны государств. В исследовании рассматриваются вопросы деятельности Комиссии Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию (КППУП) как коллективного ответа на проявления преступности в мире. Цель работы – выявление особенностей КППУП в исторической хронологии и описание различных вариантов реформирования комиссии для повышения ее эффективности. Методологическую основу исследования составляют положения диалектического метода познания. Используются также методы формально-юридического и логического анализа. Деятельность данной комиссии ООН в значительной степени определяется как национальными экономическими и политическими интересами, так и позицией дипломатов, криминологов. Автором формулируется вывод о том, что результативность КППУП очевидна в сравнении с затратами, которые требуются от государств-членов.

Ключевые слова: ООН; комиссия Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию; международное сотрудничество по борьбе с преступностью; программа ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия.

Для цитирования: Скирда М. В. Комиссия ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию: исторический ракурс и перспективы реформ // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 133–146. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-133-146>

Research Article

THE UN COMMISSION ON CRIME PREVENTION AND CRIMINAL JUSTICE: HISTORICAL PERSPECTIVE AND PROSPECTS FOR REFORM

Maksim V. Skirda

Kazan Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, 14 Fatykh Amirkhan St., Kazan, 420126, Russia.

skimax@mail.ru

Abstract

The globalization of criminality has become a significant challenge for the international community and required a prompt response from states. The research examines the activities of the Commission on Crime Prevention and Criminal Justice (CCJC) as a collective response to criminality in the world. The purpose of the article is to identify the features of the CCJC in historical chronology and to describe various options for reforming the Commission for improving its effectiveness. The methodological basis of this research is the provisions of the dialectical method. Methods of formal legal and logical analysis are also used in the article. The activity of this Commission is determined by both national economic and political interests and the position of diplomats and criminologists. The author of the article formulates the conclusion that the effectiveness of the CCJC is obvious in comparison with the costs that are required from Member States.

Keywords: UN; Commission on Crime Prevention and Criminal Justice; international cooperation for combating of criminality; UN crime prevention and criminal justice program.

For citation: Skirda M. V. The UN Commission on Crime Prevention and Criminal Justice: Historical Perspective and Prospects for Reform. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 2, pp. 133–146. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-133-146>

Введение

Процессы глобализации и научно-технические достижения, которые следует рассматривать как сопутствующие глобализационным действиям факторы, привели межгосударственное общение к значительным изменениям в социальной, экономической и политической сфере. Отметим, что одним из таких факторов глобализации стала транснационализация преступности, что стало существенной проблемой для современных стран и межгосударственного общения в целом. Таким образом, интернационализация преступности обнажила перед государствами необходимость первоначально разработки и в дальнейшем имплементации скоординированных и последовательных мер реагирования.

До середины XX в. государства реагировать на международные преступные деяния, добиваясь консенсуса. Однако появление новых форм таких транснациональных преступлений и преступлений международного характера (например, незаконный оборот наркотиков, торговля оружием, международная организованная преступность, международный терроризм, преступность в киберсфере и иные новые формы интернационализированной преступности) привели к тому, что государства приобрели новую обязанность – это использование мирных средств разрешения споров и в сфере международного уголовного права, в частности, необходимость прийти к консенсусу при имплементации указанных норм.

В ООН и других международных межправительственных организациях интересы государства представляют дипломатические агенты. Техническая экспертиза обеспечивается специалистами, предоставленными государствами-членами и Секретариатом ООН. Обратим внимание, что без существенных знаний в области теории права, криминологии и других ключевых юридических отраслях разработка направлений международной политики не будет иметь долгосрочной перспективы.

Консенсус как форма достижения межгосударственного согласия между субъектами международного права с расходящимися политическими взглядами труднодостижим. Если политический курс смог привести государства к достижению консенсуса, однако не основывается на данных фактической реальности, скорее всего, не будет эффективным в борьбе с интернационализированной преступностью. С другой стороны, без дипломатической составляющей эксперты – представители государств столкнутся с определенными трудностями при выработке направлений политики, имеющей целью предупредить совершение международных преступных деяний, и отвечающей реальным потребностям государств-членов ООН. Следовательно, такая выработанная политика для государств не сможет найти должной поддержки среди самих государств для дальнейшей имплементации. Отметим, что в рамках системы ООН можно выделить уникальное сочетание дипломатических и криминологических компонентов, которые объединяются на уровне КППУП.

1. Комиссия ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию в историческом ракурсе

Согласование указанных элементов является основной функцией указанной Комиссии. Как правило, на внутригосударственном уровне решения в органах за-

конодательной власти принимаются большинством голосов, основываясь на принципах верховенства права и реальности реализации их в правоприменительной практике, и, такие решения являются обязательными для всех граждан государства. Следует отметить, что на международном уровне не существует никаких практических средств принуждения государств или иных субъектов международного права, кроме применения военной силы в соответствии с резолюцией Совета безопасности ООН. Это означает, что принцип верховенства права, в той мере, в какой он существует, принимает совершенно иную форму на международном уровне и, решения, тут основываются на достижение консенсуса между государствами-членами, согласовании воли стран. В частности, такой подход нашел свое проявление в работе КППУП.

Уголовное право и политика, реализуемая государствами в области предупреждения преступности, влекут за собой суровые последствия, которые по своей природе применяются к отдельным физическим лицам, и, следовательно, сфера уголовного правосудия – это так область внутренней политики, которая находится под особой защитой государственного суверенитета. Данные обстоятельства превращают разработку и реализацию международной политики и интернационализированных правовых мер против транснациональной преступности очень сложным и трудоемким процессом. Представляется, что, однако это не самый важный момент, который следует учитывать при оценке деятельности Комиссии.

Основная функция КППУП, на наш взгляд, заключается не в том, чтобы разрабатывать проекты нормативно-правовых актов для государств, создавать типовые законы, и не в том, чтобы готовить проекты политических решений по вопросам предупреждения и борьбы с международной преступностью. Основная функция Комиссии состоит в том, чтобы стать площадкой, на котором государства – члены ООН смогут обмениваться информацией об изменениях в преступных процессах, а также о том, что они (государства) делают и что следует делать для предупреждения, предотвращения и пресечения преступных посягательств на мировой арене. Комиссия служит площадкой, на которой субъекты современного международного права смогут согласовывать свои политические и доктринальные взгляды на основные формы предупреждения и борьбы с проявлениями, который носят международный преступный характер. Комиссия – это площадка, на которой отдельные государства – члены ООН – представители разных политических, экономических систем, чьи взгляды на борьбу с преступностью могут существенно отличаться, смогут выработать единую политику по борьбе с транснациональной преступностью, основываясь на принципах верховенства права, верховенства прав человека, невмешательства во внутренние дела государства. В ходе заседаний КППУП представители государств, понимая особенности внутренней политики своих государств, высказывают свои точки зрения на формирование различных форм борьбы с транснациональной преступностью. Каждый представитель государства – члена ООН, выстраивает свои позиции, основываясь на научных и практических доводах, выработанных криминалистами и иными экспертами, с упором на долгосрочную перспективу.

Борьба с международной преступностью в современных условиях принимает совсем иные масштабы, чем в середине XX в. На данном этапе государства – члены

ООН делают упор не на многосторонних международных соглашениях универсального или локального характера, а на заключении двухсторонних международных договоров [1, с. 1]. Контроль и координирование направлений деятельности государств – членов ООН в сфере предупреждения и борьбы с интернационализированной преступностью и осуществления уголовного правосудия реализуется рядом универсальных и региональных международных межправительственных организаций. ООН, одной из обязанностей, установленной учредительными документами ООН, которой является решение проблем социального и гуманитарного характера, представляет собой международный орган – центр для координирования деятельности стран и международных межправительственных организаций, участвующих в разработке мер борьбы с транснациональной преступностью [2, с. 118].

ООН способствует разработке универсальных международных стандартов в сфере межгосударственного сотрудничества по борьбе с международной преступностью, разработке и принятию международных многосторонних договоров, типовых законов, других международно-правовых актов и правил обращения с преступниками. При реализации данной области деятельности ООН задействованы как главные органы Организации, так и вспомогательные органы ООН, а также специализированные учреждения ООН.

Обращаясь к историческому аспекту вопроса, отметим, что усилия объединенных государств, которые имеют своей целью установление международно-правовых стандартов и международно-правовых норм в области предупреждения и борьбы с транснациональными преступными посягательствами, нельзя назвать исключительными [3, с. 6]. Совместные меры по борьбе с международным пиратством в открытом море, на наш взгляд, можно отнести к одной из вышеприведенных форм межгосударственного сотрудничества по вопросам реализации правоохранительной политики.

Регламентация вопросов, связанных с борьбой с транснациональной преступностью, предусмотрена наряду с международным правом, и в исламском праве, которое является важным элементом правовых систем многих стран. Римское право распространено на преобладающей части Европы, а также в некоторых районах Африки и Западной Азии. Несмотря на различия указанных правовых систем уже в XIX в. было положено начало исследованиям, целью которых было выявление причин, выявление причин, способствующих распространению транснациональной преступности. Так, в Европе имели место межгосударственные конференции, куда были приглашены представители научного экспертного сообщества и специалисты в сфере криминологии. Отметим, что огромное значение придается Международному конгрессу по предупреждению преступности и борьбе с ней, который состоялся в Лондоне в 1872 г. (далее – Конгресс). На Конгрессе представителями государств рассматривались такие вопросы, как надлежащее управление местами лишения свободы; варианты замены тюремного заключения на иные формы лишения свободы; основные формы соблюдения прав осужденных лиц, проходящих реабилитацию после отбывания наказания; формы обращения с несовершеннолетними преступниками и многосторонние международные соглашения об экстрадиции преступников. В результате заседания Конгресса была создана Международная тюремная комис-

сия (далее – Комиссия), которая стала заниматься сбором и анализом данных в сфере пенитенциарной системы, а также на нее было возложено содействие проведению уголовной реформы в рамках международных межправительственных организаций и в пределах каждого конкретного государства. Комиссия, являясь элементом системы Лиги Наций, собирала ряд межгосударственных конференций в период с 1925 по 1935 г. На одной из этих конференций Комиссия была переименована в Международную уголовную и пенитенциарную комиссию (далее – МУПК).

Дальнейшее развития международного права, Вторая мировая война и прекращение деятельности Лиги наций привело к тому, что МУПК *de facto* прекратила свою деятельность. Одним из итогов окончания Второй мировой войны в 1945 г. стало создание Организации Объединенных Наций. Несомненно, что целью ООН является поддержание международного мира и безопасности, но к одной из задач деятельности ООН, на наш взгляд, стоит отнести рассмотрение вопросов, касающихся соблюдения и уважения прав лиц, совершивших преступления, а также вопросов, направленных на регулирование системы предупреждения транснациональной и внутригосударственной преступности.

В своей резолюции 415 (V) от 1 декабря 1950 г. Генеральная ассамблея ООН (далее – ГА ООН) утвердила план, который предусматривает передачу *de jure* функций от ранее существовавшей МУПК к Организации объединенных наций, включая проведение раз в пять лет международных конгрессов по вопросам предупреждения транснациональной преступности и вопросам, касающихся обращения с правонарушителями [4, с. 28].

Именно с этого момента началось формирование в рамках ООН системы специальных органов, в задачу которых входит борьба с транснациональной преступностью. Данная система действует под эгидой Экономического и социального совета ООН (ЭКОСОС). Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию (далее – Комиссия по правосудию) занимает особое место в системе основных и специальных органов ООН, в чью компетенцию включено решение вопросов, касающихся предупреждения транснациональной преступности.

В 1950 г. был создан Специальный консультативный комитет экспертов (далее – Комитет экспертов) в соответствии с резолюцией 415 (V) Генеральной ассамблеи ООН. Целью деятельности Комитета экспертов является организация особых программ, которые устанавливают стандарты для выработки государствами единой политики, направленной на предупреждение транснациональной преступности и выработки форм обращения с лицами, совершившими преступления.

В 1965 г. был создан Консультативный комитет экспертов по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (далее – Консультативный комитет), действующий на постоянной основе. В соответствии с резолюцией E/RES/1584 (L) от 21 мая 1971 г. Консультативный комитет был расформирован и в порядке правопреемства был создан Комитет по предупреждению преступности и борьбе с ней (далее – КППБ). Создание КППБ, на наш взгляд, послужило толчком для расширения полномочий органов ООН по вопросам реализации уголовной политики.

Данный Комитет – это орган, уполномоченный проводить консультации для органов, входящих в систему органов ООН. Комитет наделен полномочиями прово-

дить консультации Генерального секретаря ООН. Такие консультации имеют целью помочь в разработке программ по борьбе с транснациональной преступностью и ее предупреждению. КППБ неоднократно давал рекомендации по принятию соответствующих мер, направленных на реализацию государствами норм по охране правопорядка. КППБ, принимал рекомендации, в которых государствам – членам ООН, предлагалось принимать нормативно-правовые акты, регулирующие порядок реализации судебных процедур и мер по реализации и исполнению уголовных наказаний [5, с. 138]. КППБ собирается для заседаний согласно своим учредительным документам. Состав КППБ также регламентируется его учредительными актами, однако состав КППБ в 1979 г. был увеличен до 27 экспертов, которые назначаются исходя из принципа географического распределения, который часто реализуется при формировании органов системы ООН.

Комитет принимал в рамках своей деятельности активное участие в реализации реформ, направленных на более эффективную имплементацию Программы ООН по предупреждению преступности и осуществлению уголовного правосудия (далее – Программа, Программа ООН). Вопрос о реформировании Программы ООН поднимался в ходе работы VIII Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Гавана, 1990 г.) (далее – Конгресс ООН 1990 г.). VII Конгресс ООН в ходе своего заседания рассматривал специальный отчет Комитета, где было сделано заключение о том, что Программа ООН должна быть направлена на удовлетворение потребностей современного мира, прежде всего оказывать политическую и правовую помощь государствам – членам ООН в борьбе и в предупреждении национальной и транснациональной преступности. Программа ООН охватила основные формы межгосударственного сотрудничества, включая обмен информацией и совместные исследования. В соответствии с отчетом КППБ организационная структура и сферы деятельности Программы должны определяться исходя из ее целей.

КППБ, реализуя свои полномочия, рекомендовал ООН в целях объединения общих обязательств по борьбе с транснациональной преступностью создать новый межгосударственный орган, чьей главной обязанностью станет координация функций органов системы ООН по вопросам, связанным с борьбой и предупреждением совершения преступлений. Комитет указал, что создание такого органа будет способствовать имплементации общепризнанного принципа международного права – принципа сотрудничества между государствами и тем самым проведению более дательных уголовно-правовых исследований, способствовать принятию всесторонне-исследованного решения об утверждении пакетов санкций, а также способствовать разработке и реализации программ, предусматривающих участие государств в реализации межгосударственной политики по предупреждению международной преступности [6, с. 17]. Кроме того, в рамках КППБ был разработан проект соглашения о создании международного механизма по предупреждению преступности и осуществлению уголовного правосудия.

В 1991 г. состоялось Совещание министров государств – членов ООН, в ходе которого была принята рекомендация о замене КППБ новой межправительственной комиссией. В результате была принята резолюция ГА ООН «Создание эффективной

программы ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия» (далее – Программа ООН 1991 г.). Руководствуясь вышеуказанной рекомендацией, ЭКОСОС принял резолюцию 1992/1 от 6 февраля 1992 г. Данная резолюция примечательна тем, что ею была учреждена КППУП. Комиссия – это особый межправительственный орган, который определяет основные направления политики ООН в области борьбы с международной преступностью.

Экономический и социальный совет ООН разработал Приложения к резолюции 46/152 Генеральной ассамблеи ООН, в которых Совет установил компетенцию КППУП. Приведем некоторые из функций Комиссии. Например:

1) разработка и принятие руководящих принципов в сфере предупреждения преступности и осуществления уголовного правосудия;

2) разработка и осуществление контрольных мероприятий по имплементации Программы ООН 1991 г. Несомненно, что разработка такой системы принципов осуществляется в соответствии с общепризнанными принципами, сформулированными в Декларации о *принципах* международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г.;

3) содействие и помощь в проведении мероприятий, проводимых под эгидой ООН, направленных на реализацию межгосударственных мер по предупреждению преступности и соблюдению прав лиц, совершивших преступления и др.

В резолюции 1992/22 от 30 июля 1992 г. «Осуществление резолюции 46/152 ГА ООН, которая затрагивает вопросы оперативной деятельности и координации в сфере предупреждения преступности и осуществления уголовного правосудия» Экономический и социальный совет ООН признал за КППУП статус органа ООН, который реализует такие дополнительные функции, как координирование межгосударственных мероприятий по решению вопросов борьбы и предупреждения преступности. ЭКОСОС не раз обращал внимание на значительную роль Комиссии в имплементации государствами – членами ООН Программы ООН 1991 г.

КППУП в своей деятельности реализовывал следующие направления, имеющие особый приоритет:

– участие в международной деятельности органов ООН по борьбе с национальной и транснациональной преступностью, в том числе с организованной экономической преступностью и др.;

– анализ и повышение роли национального уголовного законодательства;

– разработка мероприятий по предупреждению преступности среди несовершеннолетних;

– совершенствование правовых актов, регулирующих деятельность органов административной системы правосудия.

Цель Программы ООН 1991 г., на наш взгляд, состоит в оказании государствам – членам ООН политической и правовой помощи в предупреждении преступности. КППУП тесно сотрудничает с Секретариатом ООН и иными органами системы ООН. Такое сотрудничество помогает Комиссии осуществлять свои контрольные полномочия по обеспечению юридической, политической и технической помощи по вопросам предупреждения преступности. Такая помощь может быть оказана только по запросу государств – членов ООН.

Вопросы, рассматриваемые Комиссией на своих ежегодных сессиях, включают в себя различные аспекты, касающиеся предупреждения преступности. Например, в апреле 2008 г. состоялась XVII сессия КППУП, на повестку работы которой были внесены вопросы, касающиеся предупреждения любого насилия в отношении женщин и девочек; разработка и порядок имплементации международно-правовых стандартов и норм в области предупреждения транснациональной преступности и осуществления уголовного правосудия.

Комиссия в ходе своей сессионной и межсессионной работ представляет ООН разработанные ею рекомендации по реализации политики в области предупреждения преступности и осуществления уголовного правосудия отдельными государствами. Анализ докладов, сделанных Комиссией на своих сессиях, помог нам сделать вывод, что КППУП рассматривает широкий спектр вопросов и помогает государствам вести диалог о разработке эффективных мер, направленных на предупреждение преступности. КППУП разрабатывает рекомендации, являющиеся результатом межгосударственного диалога и передает на утверждение Экономическим и социальным советом ООН и Генеральной ассамблеи ООН. Отметим, что благодаря Комиссии были приняты многие многосторонние международные соглашения, например, Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, Конвенция ООН против коррупции и др.

КППУП выполняет роль важного международного межправительственного органа. Нормотворческие функции КППУП могут быть также реализованы через программную деятельность. В современном международном праве такая программная деятельность включает в себя двухгодичные планы по разработке и реализации мер, направленных на борьбу с международной преступностью.

КППУП является органом, одной из функций которого является подготовка конгрессов ООН, готовит рекомендации по вопросам повестки дня данных конгрессов, а также по вопросам семинаров-практикумов, которые необходимо проводить в рамках деятельности указанных конгрессов ООН. Выработываемые КППУП рекомендации относительно компетенции и повестки конгрессов передаются на рассмотрение Генеральной ассамблеи ООН. В частности, КППУП участвовала в разработке проекта плана действий по реализации «Венской декларации о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века». Комиссия не ограничивается только разработкой проектов, но и участвует в их реализации на международном и внутригосударственном уровне.

С момента своего учреждения КППУП доказывает эффективность своей работы. Комиссия проводит заседания бюро, организует межсессионные совещания, в результате которых ею разрабатываются долгосрочные планы по борьбе с преступностью. Комиссия активно вовлечена в деятельность по разработке рекомендаций для государств – членов ООН по реализации мер по предупреждению совершения преступлений. В резолюции 2003/31 ЭКОСОС было постановлено, что КППУП в конце каждой сессии рекомендуется избирать особое бюро для организации и проведения каждой последующей сессии.

Нельзя ограничивать деятельность КППУП только запланированными мероприятиями, межсессионные совещания КППУП играют важную роль в ее работе,

однако в отношении совещательной деятельности действуют некоторые ограничения. Так, не все государства – члены ООН имеют свои постоянные представительства при Отделении Комиссии ООН в г. Вена. Таким образом, ряд государств – членов ООН фактически лишены возможности принимать участия в межсессионных совещаниях Комиссии. Эти государства тем самым лишены возможности участвовать в подготовке к сессиям Комиссии.

КППУП в своей резолюции 6/1 определила, что ей необходимо готовить долгосрочные планы работы, где комиссия обязана определять основные темы и вопросы, которые следуют включать в повестку сессий.

Обратим внимание, что ЭКОСОС только в 1999 г. принял резолюцию 1999/51, где было предложено функциональным комиссиям Экономического и социального совета ООН рассмотреть вопрос о разработке долгосрочных программ своей деятельности. Хотя к этому моменту КППУП уже активно внедряла подобную практику. Так, в ходе VI сессии КППУП были определены основные вопросы для рассмотрения ею на VII, VIII и IX сессиях. На IX сессии КППУП было принято решение, что необходимо утверждать вопросы для рассмотрения на каждой последующей сессии.

2. Перспективы реформирования деятельности Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию

КППУП в ходе своих сессий выносит на рассмотрение актуальные и важные политические вопросы, в частности, вопросы борьбы с международным терроризмом; вопросы предупреждения и борьбы с транснациональной преступностью и коррупцией. КППУП тем самым вносит неоценимый вклад в деятельность ООН, направленную на разработку международно-правовых стандартов и международно-правовых норм, регулирующих процесс предупреждения транснациональной преступности и осуществления уголовного правосудия. Рассматривая вопрос о продолжении деятельности Комиссии, следует не забывать о том, что КППУП задает тренд в определении новых тенденций борьбы с преступностью, участвует в выработке международно-правовых стандартов. В ходе такой деятельности необходимо привлекать экспертов и консультантов. Такой подход подтверждает необходимость определять тематику и вопросы сессий Комиссии заблаговременно.

Исследуя вопрос о повышении роли работы КППУП, необходимо обратить наше внимание на возложенные на нее органы, который отвечает за организацию и проведение конгрессов в рамках ООН. На наш взгляд, Комиссии следует учитывать уже сложившийся положительный опыт, широко применяемый при разработке и принятии конвенционных актов против коррупции в рамках ООН. Полагаем, что КППУП при рассмотрении вопросов на своих сессиях быстроменяющуюся политическую реальность; вызовы, которые стоят перед государствами; вопросы, которые беспокоят межгосударственное сообщество. Включая такие вопросы в повестки своих заседаний, Комиссии следует принимать рекомендации и резолюции, отвечающие реалиям.

На данный момент активно ведутся дискуссии об усилении роли Комиссии, и такие дискуссии невозможны без обсуждения необходимости реформирования деятельности Экономического и социального совета ООН. Резолюция 60/1 ГА ООН

была принята в 2005 г. и установила, что необходимо повысить роль ЭКОСОС как одного из основных органов ООН. Несомненно, Экономический и социальный совет ООН в системе органов ООН отвечает за координацию деятельности государств – членов ООН по вопросам социальной политики и другим вопросам, и принимает рекомендации и резолюции, отвечающие на актуальные проблемы экономического и социального развития. Необходимо принимать во внимание эффективность деятельности ЭКОСОС для того, чтобы КППУП могла в полном объеме выполнять свои функции, так как Комиссия не действует вне системы органов ЭКОСОС. Именно Экономический и социальный совет ООН на своих ежегодных заседаниях дает оценку деятельности функциональных и региональных комиссий, включенных в систему органов ООН. В соответствии с подп. «е» п. 155 Декларации тысячелетия Экономический и социальный совет ООН играет значительную роль при определении основных направлений деятельности учреждений, фондов, НКО, тем самым избегая дублирования их мандатов, включая и избежания повторений направлений деятельности КППУП.

Проанализировав исторический опыт становления и развития КППУП можно сделать вывод, что Комиссия играет большую роль в нормотворческой деятельности ООН по вопросам предупреждения преступности и осуществления справедливого уголовного правосудия. В частности, на своей XXXII сессии (Вена, 22–26 мая 2023 г.), рассматривая вопрос «Объединение и координация усилий Управления ООН по наркотикам и преступности и государств-членов в области предупреждения преступности и уголовного правосудия» (п. 6 повестки дня), а также вопрос «Мировые тенденции в области преступности и новые проблемы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия и способы их решения» (п. 8 повестки дня), КППУП рекомендовала государствам обеспечить равный доступ к правосудию, устраняя структурную дискриминацию и неравенство за счет обеспечения доступности юридической помощи, реформирования полиции, повышения эффективности функционирования судов и судебных систем, оказания поддержки потерпевшим и применения принципов восстановительного правосудия; пересмотреть действующую практику применения наказания в виде лишения свободы и принять во внимание, что на управление пенитенциарными учреждениями и обращение с правонарушителями оказывает влияние текущий вооруженный конфликт, неравное восстановление после пандемии *COVID-19* и дестабилизация климата.

В качестве примера имплементации указанных рекомендаций в российском законодательстве, необходимо отметить, что Российская Федерация последовательно решает задачи по развитию пенитенциарной системы. Основой утвержденной в мае 2021 г. Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года стала гуманизация. Лица, нарушившие российский уголовный закон, должны отбывать уголовное наказание в условиях, не ущемляющих их человеческое достоинство. Модернизация пенитенциарных норм способствует исправлению и перевоспитанию лиц, осужденных к лишению свободы. Так, Минюстом России принята новая редакция Правил внутреннего распорядка, в частности, внесено более 200 изменений, которые существенно облегчили пребывание в исправительных учреждениях.

Работа по дальнейшему совершенствованию норм уголовно-исполнительного законодательства продолжается совместно с общественными объединениями. Министерство юстиции РФ продолжает акцентировать внимание на теме, так называемых, «исправительных центров», где люди отбывают наказание в виде принудительных работ. Перед министерством стоит задача увеличить к 2025 г. количество мест в таких учреждениях до 80 тыс. Это эффективная мера, прежде всего в аспекте предупреждения рецидива преступности. Отметим, что уровень рецидива преступлений лиц, отбывающих наказание в виде принудительных работ, кратно ниже по сравнению с идентичным параметром среди лиц, отбывших наказание в местах лишения свободы. Граждане, освобождающиеся из исправительных центров, подготовлены к жизни в условиях свободы и уже трудоустроены. В целом, это позитивно влияет на ресоциализацию и адаптацию лиц, нарушивших уголовный закон.

Принудительные работы как вид наказания представляется перспективным, и применение его следует масштабировать. Процесс гармонизации российского уголовно-исполнительного законодательства соответствует современным универсальным международно-правовым стандартам, разработанным в системе ООН при непосредственном участии КППУП, в частности правилам Нельсона Манделы, а также рекомендациям КППУП.

Иным ярким примером имплементации рекомендаций КППУП является Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», которым определяются правовые и организационные основы деятельности органов, осуществляющих пробацию, устанавливаются права, обязанности и полномочия учреждений и организаций, осуществляющих пробацию, порядок их взаимодействия с иными органами государственной власти, институтами гражданского общества, средствами массовой информации, общественными организациями, а также устанавливаются меры ресоциализации, социальной адаптации, социальной реабилитации, и категории лиц, в отношении которых они могут применяться. Указанный закон закрепляет различные виды пробации: исполнительную, пенициарную и постпенициарную. Важнейшим инструментом в сфере пробации становится соответствующая индивидуальная программа, применимая к конкретному лицу в зависимости от обстоятельств и характеристики его личности.

Заключение

С целью повышения эффективности работы КППУП, на наш взгляд, необходимо рассмотреть вопрос о закреплении за Комиссией административно-бюджетных функций по отношению к органам, входящих в систему ООН, которые участвуют в деятельности ООН по предупреждению преступности и осуществлению уголовного правосудия. В качестве доказательства этой позиции приведем некоторые доводы. Одной из проблем в работе КППУП встает вопрос о том, должны ли приоритеты Управления по наркотикам и преступности ООН и иных органов и программ ООН в сфере предупреждения преступности устанавливаться политически и стратегически самой КППУП или их следует регулировать государствами-донорами посредством принятия решений на основании того, какие проекты они будут финансировать.

Представители развивающихся стран придерживаются мнения о том, что определять мандаты и устанавливать приоритеты должна сама КППУП и ей должны выделяться соответствующие ресурсы, а проекты должны реализовываться на основе коллективного политического консенсуса. Для государств-доноров решения о выделении ресурсов часто основаны на решениях, связанных с национальными приоритетами в борьбе с преступностью. В связи с этим, финансовые взносы государств-доноров часто связываются с требованием их использования для конкретных определенных ими целей. Отбор проектов для государств-доноров обычно основывается на внутренних приоритетах. По причинам политического характера проектам с довольно четкими результатами и незначительными сроками выполнения, как правило, отдается предпочтение перед более крупными и сложными проектами с менее ощутимыми или поддающимися количественной оценке преимуществами, такими как исследовательская работа, институциональный потенциал или основные управленческие функции. Таким образом, в то время как государства-получатели выражают разочарование в связи с невозможностью получить техническую помощь или иную работу, выполняемую в областях, где они в состоянии обеспечить мандаты, но не ресурсы, государства-доноры придерживаются того, что трудно убедить национальные правительства и финансирующие учреждения выделять ресурсы на работу, которая не определена или не соответствует национальным приоритетам.

Обращает на себя внимание еще один вопрос – регулярный бюджет ООН предназначен для решения части проблем в сфере активности КППУП, он формируется из общих взносов, выплачиваемых всеми государствами-членами в соответствии с Уставом ООН. Вместе с тем позиция Генеральной ассамблеи ООН о том, что основные бюджетные решения принимаются на основе консенсуса, фактически дает право вето каждому государству-члену и блокировать любые решения, предлагаемые КППУП.

Нельзя согласиться с мнением некоторых ученых, что в современном мире КППУП исчерпала свою роль, заложенную в XX в. Однако, забывая исторический опыт, мы можем потерять возможность предложить эффективную работу в противостоянии международной преступности.

Пристатейный библиографический список

1. *Barnett M., Finnemore M.* Rules for the World : International Organizations in Global Politics. Ithaca : Cornell University Press, 2004.
2. *Mingst K. A., Karns M. P.* United Nations in the 21st Century (Dilemmas in World Politics). Boulder : Westview Press, 2006.
3. *Reichel P. L.* Comparative Criminal Justice Systems: A Topical Approach. Upper Saddle River : Prentice-Hall, 2004.
4. *Clark R. S.* The United Nations Crime Prevention and Criminal Justice Program: Formulation of Standards and Efforts at Their Implementation (Procedural Aspects of International Law Series). Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1995.
5. The United Nations and Crime Prevention. New York : UN, 1996.

References

1. *Barnett M., Finnemore M.* Rules for the World: International Organizations in Global Politics. Ithaca: Cornell University Press, 2004.
2. *Mingst K. A., Karns M. P.* United Nations in the 21st Century (Dilemmas in World Politics). Boulder: Westview Press, 2006.
3. *Reichel P. L.* Comparative Criminal Justice Systems: A Topical Approach. Upper Saddle River: Prentice-Hall, 2004.
4. *Clark R. S.* The United Nations Crime Prevention and Criminal Justice Program: Formulation of Standards and Efforts at Their Implementation (Procedural Aspects of International Law Series). Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1995.
5. The United Nations and Crime Prevention. New York: UN, 1996.

Сведения об авторе:

М. В. Скирда – кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Республики Татарстан.

Information about the author:

M. V. Skirda – PhD in Law, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan.

Статья поступила в редакцию 18.12.2023; одобрена после рецензирования 13.02.2024; принята к публикации 21.03.2024.

The article was submitted to the editorial office 18.12.2023; approved after reviewing 13.02.2024; accepted for publication 21.03.2024.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-147-157>

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ В РОССИЙСКОМ АПЕЛЛЯЦИОННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ И ПУТИ ЕГО УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Ирина Александровна Шершикова

Центральный районный суд г. Челябинска, 454080, Россия, г. Челябинск,
ул. Коммуны, д. 87

irina241277@icloud.com

Аннотация

В статье рассматриваются особенности проведения судебного следствия в судебном заседании суда апелляционной инстанции при обжаловании приговоров в целях усовершенствования текущей законодательной процедуры и разработки рекомендаций правоприменительного характера. Актуальность исследования подтверждается последними законодательными изменениями, посвященными порядку апелляционного производства, свидетельствующими о необходимости усовершенствования текущих процессуальных форм апелляционного судопроизводства. Для достижения поставленных целей применялись общенаучные методы исследования, сравнительно-правовой анализ и системный подход, позволившие сформулировать самостоятельные авторские выводы. В частности, автор пришел к выводам: 1) о необходимости осведомления судом апелляционной инстанции сторон при принятии им решения о проведении судебного следствия; 2) о допустимости оглашения в суде апелляционной инстанции показаний свидетеля, ранее допрошенного судом первой инстанции только в случае предоставления сторонам равных возможностей задавать вопросы допрашиваемому лицу в суде первой инстанции. Научная новизна состоит в предложении автором самостоятельного процессуального предмета доказывания соответствующих обстоятельств при разрешении судом апелляционной инстанции ходатайств об исследовании новых доказательств или инициировании судебного следствия.

Ключевые слова: апелляционное судопроизводство, судебное следствие; апелляционная инстанция; исследование доказательств; процедура доказывания; пересмотр решений судов первой инстанции.

Для цитирования: *Шершикова И. А.* Особенности судебного следствия в российском апелляционном производстве и пути его усовершенствования // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 147–157. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-147-157>

Research Article

FEATURES OF JUDICIAL INVESTIGATION IN RUSSIAN APPELLATE PROCEEDINGS AND WAYS TO IMPROVE IT

Irina A. Shershikova

Central District Court of Chelyabinsk, 87 Kommuny St., Chelyabinsk,
454080, Russia

irina241277@icloud.com

Abstract

The article considers the peculiarities of judicial investigation in the court session of the court of appeal instance in appealing against sentences in order to improve the current legislative procedure and to develop recommendations of law enforcement nature. The relevance of the study is confirmed by recent legislative changes on the procedure of appeal proceedings, indicating the need to improve the current procedural forms of appeal proceedings. To achieve the set objectives, the general scientific methods of research, comparative legal analysis and systematic approach were used, which allowed the author to formulate independent author's conclusions. In particular, the author came to the following conclusions: 1) on the necessity for the appellate court to inform the parties when making a decision on the judicial investigation; 2) on the admissibility of disclosure in the court of appellate instance of the testimony of a witness previously questioned by the court of first instance only if the parties are given equal opportunities to ask questions to the questioned person in the court of first instance. Scientific novelty consists in the author's proposal of an independent procedural object of proof of relevant circumstances when the court of appeal instance resolves motions to examine new evidence or initiate a judicial investigation.

Keywords: appellate proceedings; judicial investigation; appellate instance; examination of evidence; evidentiary procedure; review of decisions of the courts of first instance.

For citation: *Shershikova I. A. Features of Judicial Investigation in Russian Appellate Proceedings and Ways to Improve It. Herald of the Russian Law Academy, 2024, no. 2, pp. 147–157. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-147-157>

Введение

Качество работы судов апелляционной инстанции и принимаемых ими решений зависит от продуктивности существующих контрольно-проверочных процедур. Механизм деятельности апелляции является подвижным и динамичным явлением, имеющим множество составляющих его «переменных». Эти «переменные», в свою очередь, влияют на то, каким образом осуществляется проверка ошибок и уязвимостей в приговоре, пределы такой проверки и ее результаты. Указанные факторы в совокупности своей определяют и то, каким образом суд апелляционной инстанции будет проводить судебное следствие по уголовному делу.

1. Проблемы законодательного регулирования апелляционного судебного разбирательства

Первоначально напомним, что Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 608-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» существенным образом изменен процессуальный порядок проведения судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции.

Так, в ранее действовавшей редакции ст. 389.13 УПК РФ, регулирующей порядок рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции, судебное следствие начиналось с краткого изложения председательствующим или одним из судей, содержания приговора или иного обжалуемого судебного решения, существа апелляционных требований, возражений на них, а также существа представленных дополнительных материалов (ч. 3). После доклада заслушивались выступления сторон, затем суд переходил к проверке доказательств. Допускалось предоставление дополнительных материалов дела (ч. 4), исследование доказательств допускалось в случае удовлетворения соответствующего ходатайства сторон (ч. 6). При наличии согласия сторон суд апелляционной инстанции был вправе рассмотреть апелляционные требования без проверки доказательств (ч. 7).

В ныне действующей редакции ч. 3 ст. 389.13 УПК РФ упоминание о судебном следствии законодателем исключено, указано лишь о том, что председательствующий кратко излагает содержание приговора, существо апелляционных требований и представленных дополнительных материалов.

Наряду с этим ст. 389.13 УПК РФ дополнена ч. 4.2, согласно которой по приговору или иному итоговому судебному решению суд после выступления сторон рассматривает ходатайства об исследовании доказательств, ранее исследованных судом первой инстанции, а также новых доказательств, заявленных сторонами в поряд-

ке, предусмотренном ч. 1 ст. 389.6 УПК РФ. При удовлетворении ходатайств сторон либо по собственной инициативе суд проводит судебное следствие.

В постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» также внесены изменения, касающиеся порядка проведения судебного разбирательства.

Согласно новым разъяснениям стороны в своих выступлениях после доклада председательствующего или судьи вправе поддержать апелляционные жалобы, представление, заявить ходатайства, в том числе об исследовании материалов уголовного дела (доказательств), либо высказать возражения по доводам жалобы, представления, а также высказать мнение по ходатайствам, заявленным другими участниками. В случае представления в суд апелляционной инстанции дополнительных материалов (новых доказательств) стороны вправе ходатайствовать об их приобщении к делу и исследовании либо высказать возражения по таким ходатайствам.

Суд апелляционной инстанции после выступления сторон разрешает заявленные сторонами ходатайства, в том числе об исследовании (проверке) доказательств, получивших оценку суда первой инстанции, а также об исследовании доказательств, которые не исследовались судом первой инстанции (новых доказательств), как имеющих в деле, так и представленных сторонами непосредственно в суд апелляционной инстанции.

В случае удовлетворения ходатайств сторон об исследовании (проверке) доказательств либо принятия решения о необходимости их исследования по собственной инициативе суд апелляционной инстанции проводит судебное следствие по правилам, установленным ст. 87–89 и гл. 37 УПК РФ (с особенностями, предусмотренными ч. 5–8 ст. 389.13 УПК РФ).

Если сторонами не заявлялись ходатайства об исследовании доказательств и судом не принималось решение о необходимости их исследования по собственной инициативе, то суд рассматривает апелляционные жалобу или представление без проведения судебного следствия.

Как следует из приведенных норм, судебное следствие проводится судом апелляционной инстанции в случае установления необходимости исследования (проверки) доказательств. Такая необходимость может быть установлена как при разрешении ходатайства стороны об исследовании доказательств, так и самостоятельно судом апелляционной инстанции. При этом ходатайство о проведении судебного следствия и исследовании доказательств по делу может быть заявлено стороной одновременно с апелляционной жалобой или представлением.

2. Дискреционность полномочий суда апелляционной инстанции

Суд апелляционной инстанции в ходе подготовки к судебному разбирательству при ознакомлении с материалами дела и апелляционными требованиями, также может установить необходимость в исследовании тех или иных доказательств.

В силу ст. 389.11 УПК РФ судья, изучив поступившее уголовное дело выносит постановление о назначении судебного заседания, в котором разрешает, в том

числе вопросы о вызове в судебное заседание в соответствии с ходатайством стороны, заявленным в жалобе или представлении, свидетелей, экспертов и других лиц, если признает данное ходатайство обоснованным. О месте, дате и времени судебного заседания стороны должны быть извещены не менее чем за семь суток до его начала.

Постановление о назначении судебного заседания судом апелляционной инстанции сторонам не направляется. Соответственно стороны могут быть не осведомлены, признано ли обоснованным заявленное ими ходатайство о проведении судебного следствия и исследовании (проверке) доказательств и готовится ли им, например, к допросу свидетеля или эксперта.

Более того, суд апелляционной инстанции может и в отсутствие ходатайства сторон прийти к выводу о необходимости допроса новых свидетелей по делу, или вызвать эксперта для дачи показаний уже в первое судебное заседание. В этом случае стороны могут быть не готовы к участию в полном судебном следствии и фактически новому пересмотру уголовного дела или допросу новых лиц. Такая ситуация исключает возможность сторон надлежащим образом подготовиться как к повторной проверке доказательств, так и к исследованию новых, или участию в допросе свидетелей, экспертов.

Имеется существенная *качественная* разница для сторон, инициировавших апелляционное производство и готовящихся к участию в судебном заседании суда апелляционной инстанции: отстаивать и доказывать незаконность и необоснованность судебного решения по доводам жалобы или повторно устанавливать фактические обстоятельства по уголовному делу в целом или в части.

В этой связи допустимо законодательно предусмотреть обязанность суда апелляционной инстанции выносить промежуточное процессуальное решение о проведении судебного следствия в целях проверки доказательств с указанием о планируемых процессуальных действиях по делу (допроса потерпевших, свидетелей, экспертов или специалистов, разрешения вопросов о назначении судебной экспертизы истребовании доказательств и проч.).

В указанном случае суду апелляционной инстанции следует оповещать стороны о проведении судебного следствия и проверке материалов дела, в том числе размещать такое процессуальное решение на официальном сайте суда, обеспечивая своевременное оповещение участников судопроизводства о форме судебного разбирательства. Такое нововведение обеспечит надлежащую подготовку сторон к судебному разбирательству, соблюдение процессуальных сроков и оптимизацию судебных процедур.

В случае если необходимость в исследовании (проверке) доказательств и проведении судебного следствия установлена судом апелляционной инстанции в ходе уже начатого процесса, считаем, что сторонам необходимо предоставлять дополнительное время для подготовки и откладывать судебное заседание. Продолжение судебного следствия в этом же судебном заседании, на наш взгляд, возможно только в случае, если стороны подтверждают свою готовность к этому и не возражают, а также в случае, если суд сам имеет процессуальное время для его проведения и принял меры для обеспечения явки интересующих его лиц.

3. Ходатайства сторон о проведении судебного следствия

Что касается ходатайства сторон о проведении судебного следствия, исследовании доказательств или предоставлении новых доказательств, то считаем необходимым отметить следующее.

В силу ч. 1.1 ст. 389.6 УПК РФ лицо, подавшее апелляционные жалобу или представление, в подтверждение приведенных доводов вправе заявить ходатайство об исследовании судом апелляционной инстанции доказательств, исследованных судом первой инстанции, о чем должно указать в жалобе или представлении, и привести перечень свидетелей, экспертов и других лиц, подлежащих в этих целях вызову в судебное заседание. Если заявляется ходатайство об исследовании доказательств, которые не были исследованы судом первой инстанции (новых доказательств), то лицо обязано обосновать в апелляционных жалобе или представлении невозможность представления этих доказательств в суд первой инстанции.

Сложность данного вопроса состоит в том, что с одной стороны, процедура разрешения заявленного стороной ходатайства об исследовании новых доказательств или проведении судебного следствия, является дискреционной и зависит от усмотрения суда.

С другой стороны, дискреционные полномочия суда апелляционной инстанции на самостоятельное рассмотрение указанного ходатайства имеют процессуальные ограничения в виде необходимости мотивирования принимаемого решения, приведения доводов и аргументов, по которым суд апелляционной инстанции отклоняет или удовлетворяет заявленное требование. Эти мотивы принятия решения необходимы и для оценки правомерности действий суда апелляционной инстанции при возможной последующей кассационной проверке.

Как представляется, содержащиеся в апелляционных требованиях ходатайства сторон о приобщении и исследовании новых доказательств, допросе заявленных лиц, необходимо обсуждать в подготовительной части судебного заседания суда апелляционной инстанции с целью выяснения позиции каждой из сторон: поддерживается ли заявленное ходатайство и имеются ли иные, взаимосвязанные с данными требованиями ходатайства. Судья-докладчик вправе самостоятельно и единолично решить данные вопросы, однако полагаем, что их обсуждение в судебном заседании обеспечит реализацию принципа состязательности. Даже если стороны решили изменить позицию по заявленному ходатайству и отказаться от допроса явившихся свидетелей, ранее ими заявленных, суд апелляционной инстанции, реализуя публичную функцию и ревизионные полномочия вправе самостоятельно и по своей инициативе допросить таких свидетелей и открыть судебное следствие.

Разрешая ходатайство сторон об исследовании новых доказательств, полагаем, что суду апелляционной инстанции не следует формально подходить к вопросу об установлении уважительности причины непредоставления и неисследования новых доказательств в суде первой инстанции. Данные процессуальные обстоятельства имеют существенное значение, особенно в случае, если новые доказательства могут повлечь за собой принятие судом апелляционной инстанции *нового* по существу решения. В этом случае необходимо исключить злоупотребления правом участниками процесса или односторонность действий суда первой инстанции.

В последнем случае в качестве уважительности причины непредоставления новых доказательств при первоначальном рассмотрении уголовного дела по существу могут быть указаны, например, процессуальные нарушения, допущенные судом первой инстанции. В этих целях суду апелляционной инстанции также необходимо оценивать наличие у сторон равных возможностей в ходе судебного разбирательства в суде первой инстанции при рассмотрении уголовного дела по существу.

Как представляется, при разрешении ходатайства об исследовании доказательств или решении вопроса об инициировании судебного следствия должна проводиться проверка обоснованности заявленного ходатайства; устанавливать невозможность предоставления новых доказательств в суде первой инстанции или устанавливаться иные уважительные причины невозможности предоставления новых доказательств при первоначальном рассмотрении уголовного дела; подтверждение данных обстоятельств соответствующими доказательствами (письменными, например, протоколом судебного заседания); выяснять, имеет ли новое доказательство свойства, способные повлиять на исход дела или существенным образом влияющие на итоговые выводы суда, изложенные в приговоре; мотивированность ходатайства и принятого по нему решения.

Таким образом, в рамках разрешения судом апелляционной инстанции заявленных сторонами ходатайств об исследовании новых доказательств или решении судом вопроса об инициировании судебного следствия, возможно допустить наличие самостоятельного *процессуального предмета доказывания* соответствующих обстоятельств, единого как для суда, так и для участников процесса.

4. Анализ процессуальных ситуаций, возникающих в судебной практике

Что касается непосредственного проведения судом апелляционной инстанции судебного следствия, то отметим следующие, по нашему мнению, важные аспекты.

Оглашение показаний свидетеля (потерпевшего, эксперта, специалиста), ранее допрошенного в суде первой инстанции. Одним из дискуссионных процессуальных вопросов на практике является вопрос об оглашении судом апелляционной инстанции показаний свидетелей, ранее допрошенных в суде первой инстанции. Действующее законодательное регулирование не содержит в себе соответствующих положений, устанавливающих порядок оглашения показаний свидетелей (или потерпевших), полученных судом первой инстанции.

К процессуальным ситуациям, в которых суду апелляционной инстанции может потребоваться оглашение показаний свидетелей, ранее допрошенных судом первой инстанции, можно отнести следующие:

– в случае, когда суд первой инстанции исследовал данные показания, но не привел их в приговоре и не дал им оценку (свидетели по уголовному делу допрошены судом первой инстанции, однако их показания в приговоре не приведены, и оценке им не дано);

– при наличии противоречий в показаниях лиц, допрошенных в суде первой инстанции и положенных в основу приговора с показаниями, данными в стадии предварительного расследования, не исследованными судом первой инстанции (например, сторонами не заявлялось в суде первой инстанции об оглашении по-

казаний свидетеля, полученных в досудебном производстве в виду их противоречивости с показаниями, полученными в судебном заседании).

Согласно ч. 4.2 ст. 389.13 УПК РФ рассмотрение судом апелляционной инстанции вопроса об исследовании доказательств, исследованных судом первой инстанции, возможно как на основании ходатайства сторон (в случае его удовлетворения), так и по инициативе суда (без согласия сторон), имеющего право провести судебное следствие.

При этом считаем, что процессуальное решение суда апелляционной инстанции об оглашении показаний как ранее допрошенных свидетелей или потерпевших в суде первой инстанции, так и показаний указанных лиц, полученных в стадии предварительного расследования, но не исследованных судом первой инстанции, должно соответствовать требованию необходимости и значимости их исследования для доказывания виновности или невиновности подсудимого (по аналогии с ч. 5 ст. 389.13 УПК РФ). Принятие судом апелляционной инстанции обоснованного и справедливого решения по ходатайству стороны об оглашении показаний или по собственной инициативе, предполагает выяснение причины, по которым требуется исследование испрашиваемого доказательства.

Учитывая требования «необходимости» и «значимости» как неотъемлемых условий для оглашения показаний свидетелей, суду апелляционной инстанции необходимо установить их наличие или отсутствие, приведя соответствующие доводы в своем процессуальном решении по заявленному ходатайству или принимаемому по собственной инициативе решению.

Исследование такого доказательства как свидетельские показания, данные в суде первой инстанции, на наш взгляд, не должно проводиться судом апелляционной инстанции автономно, а только с участием сторон. Недопустимо исследование таких показаний путем их оглашения судом апелляционной инстанции без участия сторон, равно как и недопустимо проведение судом апелляционной инстанции оценки данных показаний в судебном решении без их непосредственного исследования в судебном следствии.

Данная процессуальная гарантия обеспечивает реализацию принципа состязательности в суде апелляционной инстанции, а также позволяет сбалансировать процессуальные возможности сторон в доказательственной деятельности по уголовному делу.

Наряду с этим, суду апелляционной инстанции, намеревающемуся оглашать показания свидетеля, данные в суде первой инстанции, необходимо устанавливать соблюдение нижестоящей инстанцией процессуальных прав сторон при допросе интересующего свидетеля. Суд апелляционной инстанции должен установить, в том числе путем опроса сторон и изучения материалов дела, соблюдались ли такие права участников процесса судом первой инстанции при разрешении дела по существу и допросе конкретного свидетеля, показания которого имеют процессуальный интерес для суда (например, изучая протоколы судебного заседания, материалы уголовного дела). В этих целях полагаем, что на законодательном уровне в качестве дополнительной гарантии соблюдения прав и интересов участников процесса, а также в целях обеспечения принципа состязательности сторон,

следует предусмотреть возможность оглашения в судебном заседании суда апелляционной инстанции, показаний свидетеля (а равно потерпевшего, подсудимого, эксперта, специалиста) ранее допрошенного судом первой инстанции, только в случае, если стороны имели равные возможности задавать вопросы допрашиваемому лицу в суде первой инстанции.

Также в рамках рассматриваемого аспекта следует обратить внимание на необходимость соблюдения сторонами требований ст. 271 УПК РФ при заявлении ходатайств об оглашении показаний ранее допрошенных свидетелей. Ходатайство должно содержать в себе доводы, подтверждающие необходимость и значимость повторного исследования показаний свидетеля для доказывания виновности или невиновности осужденного.

В свою очередь, суду апелляционной инстанции для принятия обоснованного и справедливого решения по такому ходатайству необходимо выяснять причины, по которым, по мнению заявителя, требуется повторное изучение испрашиваемого доказательства. Суд апелляционной инстанции должен установить наличие или отсутствие значимости и необходимости данных показаний, приведя соответствующие мотивы в своем решении как по заявленному сторонами ходатайству, так и в случае разрешения данного вопроса по собственной инициативе.

Допрос явившихся свидетелей. В силу ч. 5 ст. 389.13 УПК РФ свидетели, допрошенные в суде первой инстанции, допрашиваются в суде апелляционной инстанции в случае признания их вызова необходимым. Пленум Верховного Суда РФ дополнительно разъясняет, что при принятии решения о допросе таких свидетелей суду следует исходить из того, будут ли их показания иметь значение для вывода суда о законности, обоснованности и справедливости обжалуемых приговора или иного судебного решения (п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции»).

Принимая во внимание требования необходимости и значимости таких показаний, стороне-инициатору в обоснование ходатайства о допросе явившихся свидетелей следует предоставлять убедительные и состоятельные доводы, подтверждающие важность допроса свидетеля в суде апелляционной инстанции.

Приведем примеры обстоятельств, которые, на наш взгляд, необходимо выяснять суду апелляционной инстанции при проверке обоснованности заявленного ходатайства о допросе явившихся свидетелей.

1. В случае если явившийся свидетель не принимал участие в судебном заседании суда первой инстанции, следует выяснять:

– причины, по которым ранее об этом свидетеле стороной не заявлялось и установить уважительность таких причин (каким образом установлен данный свидетель; по каким причинам о нем не было известно органам предварительного расследования или суду первой инстанции; сведения о личности данного свидетеля; каким образом действовал суд первой инстанции по данному свидетелю при заявлении ходатайства о его допросе (обоснован ли отказ в его допросе));

– относимость показаний нового свидетеля к исследуемым обстоятельствам уголовного дела: что именно данный свидетель может подтвердить или опровергнуть;

– при обосновании ходатайства о допросе явившегося свидетеля его неявкой в судебное заседание суда первой инстанции необходимо выяснить, какие принимались меры по обеспечению явки данного свидетеля при первоначальном рассмотрении дела (возврат почтовых отправлений, постановления о приводе, адресные справки, рапорты участковых уполномоченных полиции о не проживании свидетеля по месту регистрации и иные документы, а также протокол судебного заседания об отказе в допросе данного свидетеля, жалобы и ходатайства стороны по этому поводу).

2. Если стороной заявляется ходатайство о повторном допросе ранее допрошенного судом первой инстанции свидетелем, явка которого обеспечена в апелляционное судебное заседание, суду необходимо:

– проверить мотивированность заявленного ходатайства, установить основания для его повторного допроса (сведения о противоречивости показаний данного свидетеля, чему не была дана оценка судом первой инстанции в приговоре или сведения о неполном приведении в приговоре суда показаний свидетеля, их одностороннем изложении судом первой инстанции и другие);

– проверить, не усматривается ли из материалов дела необоснованного снятия судом первой инстанции вопросов при допросе свидетеля в судебном заседании;

– установить, не имеется ли жалоб на действия судьи суда первой инстанции в связи с проведением судебного разбирательства, нарушением Кодекса судейской этики и или иным причинам, которые могли бы свидетельствовать о его предвзятости;

– проверить, имеются ли сведения о существенном и значимом несоответствии показаний свидетеля, отраженных в протоколе судебного заседания и имеющейся в деле аудиозаписи;

– установить наличие или отсутствие аудиозаписи судебного разбирательства при оспаривании показаний такого свидетеля.

На наш взгляд, допрос свидетеля допустимо проводить суду апелляционной инстанции в случаях обеспечения его явки в судебное заседание. Вместе с тем любое доказательство подлежит оценке на соответствие его требованиям допустимости, достоверности, относимости и достаточности. Полагаем, что суду апелляционной инстанции следует устанавливать в первую очередь относимость данного доказательства и его прогнозируемое возможное влияние на исход дела или выводы суда первой инстанции. Однако, чтобы понять, относимы ли, например показания нового свидетеля к обстоятельствам по уголовному делу, суду апелляционной инстанции может понадобиться его допросить для установления данного обязательного свойства доказательства.

Сомнения суда апелляционной инстанции в правильности квалификации деяния. Проверка соблюдения судом первой инстанции уголовного закона (в рамках вопроса назначения наказания), на наш взгляд не требует проведения судебного следствия, равно как и по вопросам неправильной квалификации деяния (за исключением переоценки фактических обстоятельств уголовного дела, влекущей за собой существенно иные выводы суда апелляционной инстанции).

Вместе с тем в случае если у суда апелляционной инстанции возникают сомнения в правильности квалификации деяния подсудимого, а равно сомнения в пра-

вильном установлении фактических обстоятельств уголовного дела, повлекших неверную квалификацию деяния судом первой инстанции, считаем, что стороны должны иметь возможность представления доказательств по иной, усматриваемой вышестоящей инстанцией квалификации. Стороны необходимо известить о наличии у суда апелляционной инстанции таких сомнений в правильности квалификации преступления. Допустимо обсуждение судом апелляционной инстанции этих сомнений со сторонами, которые должны иметь возможность представлять доказательства в подтверждение или опровержение таких сомнений у вышестоящей инстанции, а равно скорректировать свою позицию по делу.

Заключение

Представленные в настоящем исследовании размышления и рекомендации позволяют прийти к выводу о том, что в случае выявления судом апелляционной инстанции необходимости в проведении судебного следствия в целях устранения возникших сомнений в обоснованности, законности и справедливости обжалуемого судебного решения, вышестоящая инстанция может провести полноценное судебное разбирательство и устранить восполнимые недостатки собственными силами. Существующий процессуальный инструментарий позволяет суду апелляционной инстанции инициировать судебное следствие и исследовать доказательства (в том числе новые), оценка которых отражается в судебном решении.

Сведения об авторе:

И. А. Шершикова – аспирант, заместитель председателя суда.

Information about the author:

I. A. Shershikova – Postgraduate Student, Deputy Chairman of the Court.

Статья поступила в редакцию 23.11.2023; одобрена после рецензирования 04.03.2024; принята к публикации 21.03.2024.

The article was submitted to the editorial office 23.11.2023; approved after reviewing 04.03.2024; accepted for publication 21.03.2024.

Научная статья

УДК 340.6

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-158-165>

ОГРАНИЧЕНИЯ И КОНТРОЛЬ ЗА ОБОРОТОМ МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ

Андрей Александрович Ушаков

ООО «Медтэк», 119421, Россия, Москва, ул. Новаторов, д. 6

Ushakov@medtechcis.com

Аннотация

Развитие современных технологий в медицине предполагает широкое внедрение различных медицинских изделий, которые могут выполнять много функций по поддержанию и восстановлению здоровья граждан и определенных функций организма. При этом влияние медицинских изделий на жизнь и здоровье людей требует от государства повышенного внимания к их обороту. В статье автор на основе действующего законодательства и научной литературы анализирует правовой режим для медицинских изделий массового использования и индивидуальных медицинских изделий. На основании сравнения с иными объектами гражданских прав автор приходит к выводу, что правовой режим обусловлен тем, предназначено медицинское изделие для массового оборота или для индивидуального использования, соответственно в первом случае предполагается повышенный контроль со стороны государства, например, необходимостью регистрации медицинских изделий, а во втором степень контроля значительно ниже, но не исключается.

Ключевые слова: медицинские изделия; индивидуальные медицинские изделия; оборотоспособность; гражданский оборот; государственная регистрация; объекты гражданских прав.

Для цитирования: Ушаков А. А. Ограничения и контроль за оборотом медицинских изделий // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 158–165. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-158-165>

Research Article

RESTRICTIONS AND CONTROL OVER THE TURNOVER OF MEDICAL DEVICES

Andrey A. Ushakov

Medtek LLC, 6 Novatorov St., Moscow, 119421, Russia

Ushakov@medtechcis.com

Abstract

The development of modern technologies in medicine involves the widespread introduction of various medical devices that can perform a wide range of functions to maintain and restore the health of citizens and certain body functions. At the same time, the impact of medical devices on people's lives and health requires the state to pay increased attention to their turnover. In the article, the author analyzes the different legal regime for mass-use medical devices and individual medical devices based on current legislation and scientific literature. Based on a comparison with other objects of civil rights, it comes to the conclusion that the different legal regime is due to whether a medical device is intended for mass circulation or for individual use, respectively, in the first case, increased state control is assumed, for example, the need to register medical devices, and in the second, the degree of control is significantly lower, but not excluded.

Keywords: medical devices; individual medical devices; turnover; civil turnover; state registration; objects of civil rights.

For citation: *Ushakov A. A. Restrictions and Control over the Turnover of Medical Devices. Herald of the Russian Law Academy, 2024, no. 2, pp. 158–165. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-158-165>

Введение

Развитие современных технологий затронуло практически все сферы жизни общества. Не является исключением и сфера медицины, где также очень активно развиваются различные технологии, в частности при изготовлении медицинских изделий. Например, на данный момент получило широкое распространение 3D-печати при изготовлении медицинских изделий. Вместе с тем развитие и распространение медицинских изделий требует исследования правового режима таких объектов и объяснение дифференциации контроля в зависимости от их видов.

1. Особый правовой режим медицинских изделий

Легальное определение медицинского изделия дано в ст. 38 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [1] (далее – Закон об основах охраны здоровья граждан), согласно которой «медицинскими изделиями являются любые инструменты, аппараты, приборы, оборудование, материалы и прочие изделия, применяемые в медицинских целях отдельно или в сочетании между собой, а также вместе с другими принадлежностями, необходимыми для применения указанных изделий по назначению, включая специальное программное обеспечение, и предназначенные производителем для профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации заболеваний, мониторинга состояния организма человека, проведения медицинских исследований, восстановления, замещения, изменения анатомической структуры или физиологических функций организма, предотвращения или прерывания беременности, функциональное назначение которых не реализуется путем фармакологического, иммунологического, генетического или метаболитического воздействия на организм человека».

Как видно законодатель дает максимально широкое определение медицинского изделия, включая в него любые объекты, применяемые в медицинских целях. Очевидно, что к объектам, применяемым в медицинских целях и непосредственно связанным со здоровьем граждан, должны предъявляться дополнительные требования. Такие требования обусловлены необходимостью обеспечения безопасности использования медицинских изделий для здоровья граждан. Достижения обозначенных целей возможно только путем установления особого правового режима таких объектов.

В доктрине под правовым режимом предлагалось понимать связанные правовые средства, которые характеризуют взаимодействие сочетающихся между собой «дозволений, запретов, а также позитивных обязываний», в конечном итоге складывающихся в особое направление регулирования [2, с. 18]. Тем самым, по сути, правовой режим предполагает специальное регулирование, включающее установление дополнительных условий для оборота отдельных объектов.

Таким образом, особый правовой режим медицинских изделий предполагает прежде всего особенности их введения в гражданский оборот и дальнейший оборот, а также эксплуатации и утилизации.

Стоит отметить, что «действующее гражданское законодательство дифференцирует объекты гражданских прав на свободные в гражданском обороте и ограниченные в гражданском обороте» [3, с. 22].

2. Классификация ограничения оборотоспособности

В юридической литературе отмечается, что оборотоспособность является одним из элементов правового режима. Оборотоспособность отражает возможность перехода объектов гражданских прав от одного субъекта к другому по различным правовым основаниям [4, с. 31–34].

Для целей эффективного правоприменения имеет принципиальное значение классификация ограничений оборотоспособности медицинских изделий. В научной литературе отмечается, что в зависимости от оснований установления крите-

рии ограничения оборотоспособности подразделяются на нормативно-правовые и индивидуально-правовые [3, с. 21–26]. Под первыми автор понимает те ограничения, которые устанавливаются в отношении всей группы объектов и, соответственно, распространяются на неопределенный круг лиц. Ко второй группе автор относит ограничения, которые касаются отдельного объекта и устанавливаются на основании индивидуальных актов.

Если обратиться к требованиям закона, то п. 2 ст. 129 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) говорит о том, что ограничения оборотоспособности могут осуществляться по двум направлениям, во-первых, выделяются объекты, которые могут принадлежать лишь определенным участникам оборота, во-вторых, ограничение совершения сделок с некоторыми объектами.

В качестве первого примера можно назвать ограничения оборота оружия, поскольку оружие может принадлежать только субъектам, которые прошли соответствующую проверку и имеют разрешение на его хранение и ношение [5]. Что касается ограничения совершения сделок, то в качестве примера можно привести оборот алкогольной продукции, поскольку сделки с ней могут совершать только субъекты, получившие соответствующую лицензию [6]. При этом иметь на праве собственности алкогольную продукцию могут любые субъекты, и здесь никаких ограничений нет, так как контролируется именно оборот.

Однако, как представляется, приведенными случаями не исключаются все ограничения оборотоспособности объектов гражданских прав. Приведенные ограничения связаны именно с характеристикой субъектов гражданских прав и необходимостью приобретения ими дополнительных разрешений и лицензий, т.е. субъект со стандартной правоспособностью не имеет права участвовать в обороте в отношении таких объектов. Помимо названных ограничений присутствуют и иные ограничения, а именно ограничения, связанные с характеристиками самого объекта. Ярким примером таких ограничений является оборот медицинских изделий. Так, в силу ч. 4 ст. 38 Закона об охране здоровья граждан на территории Российской Федерации разрешается обращение медицинских изделий, прошедших государственную регистрацию. Тем самым законодатель прямо предусматривает в качестве общего правила возможность введения в гражданский оборот только тех медицинских изделий, которые прошли государственную регистрацию. Безусловно, закон делает целый ряд исключений, когда государственная регистрация медицинских изделий не требуется, например, медицинские изделия, которые предназначены для применения на территории международного медицинского кластера или на территориях инновационных научно-технологических центров (п. 4 ч. 5 ст. 38 Закона об охране здоровья граждан). Очевидно, что целью государственной регистрации медицинских изделий является допуск в оборот только тех медицинских изделий, которые были проверены и отвечают всем установленным требованиям, что в конечном счете позволяет обеспечить безопасность их использования и защиту интересов пациентов.

При этом подобного рода систему ограничений можно наблюдать и в отношении иных объектов гражданских прав. Например, в отношении лекарственных средств. Так, согласно ст. 13 Федерального закона от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» [7] (далее – Закон об обращении лекарствен-

ных средств) в Российской Федерации допускаются производство, хранение, перевозка, ввоз в Российскую Федерацию, вывоз из Российской Федерации, реклама, отпуск, реализация, передача, применение лекарственных препаратов, если они зарегистрированы уполномоченным федеральным органом. При этом закон делает исключение для отдельных групп лекарственных средств, в частности, в соответствии с подп. 2 ч. 5 ст. 13 Закона об обращении лекарственных средств не подлежат государственной регистрации лекарственные препараты, приобретенные физическими лицами за пределами Российской Федерации и предназначенные для личного использования.

Также можно привести положения п. 4 ст. 469 ГК РФ, которые предусматривают обязанность субъекта предпринимательской деятельности передать по договору купли-продажи товары, которые соответствуют обязательным требованиям, установленным в соответствующих правовых актах.

Приведенные примеры демонстрируют, что повышенные требования и дополнительные ограничения распространяются на случаи массового введения в оборот определенных товаров. Так, указание в п. 4 ст. 469 ГК РФ именно на субъекта предпринимательской деятельности подчеркивает, что государство ограничивает массовый оборот товаров, не соответствующих требованиям, при этом индивидуальные сделки с таким товаром по обоюдному согласию возможны.

3. Особенности ограничения оборотоспособности медицинских изделий

Возвращаясь к медицинским изделиям, стоит отметить, что законодатель пошел по схожему пути, поскольку все вышеобозначенные ограничения направлены на медицинские изделия, предназначенные для массового использования. Тогда как для индивидуальных медицинских изделий таких требований не предусмотрено. Данный вывод прямо вытекает из совокупного применения подп. 1 п. 5 ст. 38 Закона об охране здоровья граждан и п. 11 ст. 4 Соглашения о единых принципах и правилах обращения медицинских изделий (изделий медицинского назначения и медицинской техники) в рамках Евразийского экономического союза от 23 декабря 2014 г. [8] (далее – Соглашение).

Так, согласно подп. 1 п. 5 ст. 38 Закона об основах охраны здоровья граждан, медицинские изделия, перечисленные в п. 11 ст. 4 Соглашения, на территории Российской Федерации не регистрируются.

В свою очередь, п. 11 ст. 4 Соглашения устанавливает, что не подлежат государственной регистрации медицинские изделия, изготовленные на территории государств – членов ЕАЭС медицинские изделия по индивидуальным заказам пациентов исключительно для личного пользования и к которым предъявляются специальные требования в соответствии с назначением, выданным медицинским работником.

Данное исключение нашло свое отражение и в абз. 2 п. 2 Правил государственной регистрации медицинских изделий, утв. постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1416 «Об утверждении правил государственной регистрации медицинских изделий», согласно которому медицинские изделия, перечисленные в п. 11 ст. 4 Соглашения о единых принципах и правилах обращения медицинских изделий (изделий медицинского назначения и медицинской техники) в рамках Евразийского

экономического союза от 23 декабря 2014 г., в том числе медицинские изделия, которые изготовлены по индивидуальным заказам пациентов, к которым предъявляются специальные требования по назначению медицинских работников и которые предназначены исключительно для личного использования конкретным пациентом... не подлежат государственной регистрации в соответствии с ч. 5 ст. 38 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Данные различия в правовом режиме для объектов, которые предназначены для массового использования и для индивидуального требуют своей оценки и объяснения.

Если обратиться к понятию гражданского оборота, то оно является в науке неоднозначным и дискуссионным. Например, Ю. В. Винченко определяет гражданский оборот как некую социальную систему, направленную на удовлетворение индивидуальных потребностей ее участников [9, с. 16]. В приведенном подходе можно поддержать рассмотрение гражданского оборота как некой системы, что подчеркивает его сложность, однако автор недостаточно полно раскрывает содержание этой системы.

А. А. Демин рассматривает гражданский оборот, как понятие, характеризующее правовое регулирование отдельной социальной сферы, связанных с перемещением объектов гражданских прав [10, с. 67]. К преимуществам рассматриваемого подхода можно отнести то, что автор подчеркивает масштаб гражданского оборота, при этом само построение определения видится несколько запутанным, поскольку гражданский оборот предполагает перемещение товаров (работ, услуг), а не характеризует правовое регулирование.

А. В. Захаракина рассматривает гражданский оборот в двух значениях: широком и узком. По мнению автора в узком значении гражданский оборот представляется собой «совокупность случаев смены носителей субъективных гражданских прав, в широком смысле данный термин включает в себя и иные волевые акты распорядительного характера» [11, с. 331].

Исходя из анализа приведенных определений и вышеописанных положений законодательства, можно сделать вывод, что гражданский оборот является системой многократно совершаемых сделок с определенными объектами гражданских прав, направленных, на удовлетворение потребностей неопределенного круга лиц. Тем самым гражданский оборот характеризуется именно массовостью соответствующих объектов и сделок с ними. Тогда как в этом смысле гражданскому обороту противостоят отдельные сделки с единичными объектами. Так, нельзя рассматривать в качестве гражданского оборота отдельные сделки с индивидуально-определенным объектом.

Выделение гражданского оборота предполагает более строгий контроль со стороны государства, поскольку введение в оборот несоответствующих товаров, может иметь значительные негативные последствия для всего общества и неограниченного круга потребителей. Тогда как отдельные индивидуальные сделки такого риска не несут, чем и обусловлено ослабление контроля со стороны государства, что демонстрирует правовой режим индивидуальных медицинских изделий. Однако это не означает полное игнорирование со стороны государства данной сферы. Так, Федеральным законом от 30 апреля 2021 г. № 128-ФЗ в ст. 38 Закона об

основах охраны здоровья граждан была введена новая ч. 8.1, которая предусматривает, что требованиям к внедрению, поддержанию и оценке системы управления качеством медицинских изделий в зависимости от потенциального риска их применения должно соответствовать не только производство готовых медицинских изделий, подлежащих государственной регистрации, но и производство индивидуальных медицинских изделий.

Заключение

Подводя итог, можно отметить, что ограничения оборотоспособности объектов гражданских прав осуществляется путем установления требований к субъектам, которые имеют право владеть, пользоваться и (или) распоряжаться определенными объектами, либо закреплением требований к соответствующим объектам. При этом дополнительные требования дифференцируются в зависимости от того, предназначен объект для введения в оборот или для использования по индивидуальному назначению. Этим фактором объясняется различный правовой режим для медицинских изделий, предназначенных для массового производства, и индивидуальных медицинских изделий.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
2. *Алексеев С. С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юрид. лит., 1989.
3. *Головизнин А. В.* Оборотоспособность объектов гражданских прав // Право и экономика. 2018. № 4.
4. *Дерюгина Т. В., Иншакова А. О.* Оборотоспособность и правовой режим объектов гражданских прав: соотношение понятий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 6.
5. Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» // СЗ РФ. 1996. № 51. Ст. 5681
6. Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4553.
7. Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 1815.
8. Соглашение о единых принципах и правилах обращения медицинских изделий (изделий медицинского назначения и медицинской техники) в рамках Евразийского экономического союза (заключено в г. Москве 23 декабря 2014 г.) // СЗ РФ. 2016. № 20. Ст. 2775.
9. *Виниченко Ю. В.* О категориальной ошибке в сложившемся понимании гражданского оборота // Гражданское право. 2019. № 6.
10. *Демин А. А.* Цивилистическое понимание гражданского оборота // Цивилист. 2022. № 1.

11. Захаркина А. В. «Гражданский оборот» как фундаментальная цивилистическая категория // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 3.

References

1. Federal Law of 21 November 2011 No. 323-FZ "On the Basics of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2011, no. 48, art. 6724. (In Russ.)
2. *Alekseev S. S. General Permits and General Prohibitions in Soviet Law*. Moscow: Iuridicheskaya literatura, 1989. (In Russ.)
3. *Goloviznin A. V. Turnover of Objects of Civil Rights*. *Law and Economics*, 2018, no. 4. (In Russ.)
4. *Deriugina T. V., Inshakova A. O. Turnover and Legal Regime of Objects of Civil Rights: Correlation of Concepts*. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2019, no. 6. (In Russ.)
5. Federal Law of 13 December 1996 No. 150-FZ "On Weapons". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1996, no. 51, art. 5681. (In Russ.)
6. Federal Law of 22 November 1995 No. 171-FZ "On State Regulation of Production and Turnover of Ethyl Alcohol, Alcoholic and Alcohol-Containing Products and on Restriction of Consumption (Drinking) of Alcoholic Products". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1995, no. 48, art. 4553. (In Russ.)
7. Federal Law of 12 April 2010 No. 61-FZ "On the Circulation of Medicines". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2010, no. 16, art. 1815. (In Russ.)
8. Agreement on Common Principles and Rules for the Circulation of Medical Devices (Medical Devices and Medical Equipment) Within the Framework of the Eurasian Economic Union (Concluded in Moscow on 23 December 2014). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2016, no. 20, art. 2775. (In Russ.)
9. *Vinichenko Iu. V. On a Categorical Error in the Prevailing Understanding of Civil Turnover*. *Civil Law*, 2019, no. 6. (In Russ.)
10. *Demin A. A. Civilistic Understanding of Civil Turnover*. *Civilist*, 2022, no. 1. (In Russ.)
11. *Zakharkina A. V. "Civil Turnover" as a Fundamental Civilistic Category*. *Bulletin of Perm University. Legal Sciences*, 2017, no. 3. (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. А. Ушаков – генеральный директор ООО «Медтэк».

Information about the author:

A. A. Ushakov – General Director, Medtek LLC.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 17.06.2024; принята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted to the editorial office 03.06.2024; approved after reviewing 17.06.2024; accepted for publication 17.06.2024.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-166-172>

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАРУШЕНИЙ ТАЙНЫ ПЕРЕПИСКИ, ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ, ПОЧТОВЫХ, ТЕЛЕГРАФНЫХ ИЛИ ИНЫХ СООБЩЕНИЙ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Иван Дмитриевич Круглов

Московская академия Следственного комитета РФ им. А. Я. Сухарева,
125080, Россия, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12

krugloff-13@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается несколько аспектов криминалистической характеристики преступления применительно к ст. 138 Уголовного кодекса РФ. Приведенный в тексте статьи анализ следственной и судебной практики по данным преступлениям показывает, что правоохранительные органы Российской Федерации часто выражают нежелание заниматься расследованием преступлений по ст. 138 Уголовного кодекса РФ, поскольку эти дела представляют значительные трудности в раскрытии и доказывании вины преступника.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика; ст. 138 УК РФ; тайна переписки; тайна телефонных переговоров; тайна почтовых сообщений; информационные технологии.

Для цитирования: *Круглов И. Д.* Криминалистическая характеристика нарушений тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений с применением информационных технологий // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 166–172. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-166-172>

Research Article

CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF VIOLATIONS OF THE SECRECY OF CORRESPONDENCE, TELEPHONE CONVERSATIONS, POSTAL, TELEGRAPHIC OR OTHER MESSAGES USING INFORMATION TECHNOLOGY

Ivan D. Kruglov

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A. Ia. Sukharev, 12 Vrubel St., Moscow, 125080, Russia
krugloff-13@yandex.ru

Abstract

This article examines the criminalistic characteristics of violations of the secrecy of correspondence, telephone conversations, postal, telegraphic or other communications using information technology. The criminalistic characterization of crimes is one of the categories of criminalistic science in the theory and practice of crime investigation. The article examines several aspects of the criminalistic characteristics of the crime in relation to Article 138 of the Criminal Code of the Russian Federation. The analysis of investigative and judicial practice on these crimes given in the text of the article shows that law enforcement agencies of the Russian Federation often express reluctance to investigate crimes under Article 138 of the Criminal Code of the Russian Federation, since these cases present significant difficulties in uncovering and proving the guilt of the criminal.

Keywords: criminalistic characteristics; Article 138 of the Criminal Code of the Russian Federation; secret of correspondence; secret of telephone conversations; secret of mail messages; information technology.

For citation: *Kruglov I. D. Criminalistic Characteristics of Violations of the Secrecy of Correspondence, Telephone Conversations, Postal, Telegraphic or Other Messages Using Information Technology. Herald of the Russian Law Academy, 2024, no. 2, pp. 166–172. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-166-172>

Введение

Криминалистическая характеристика преступлений представляет собой одну из ключевых категорий криминалистической науки, играющую важнейшую роль в теории и практике расследования преступлений. Эта концепция включает систематизированные данные о типичных признаках и элементах различных видов

преступных деяний, что позволяет эффективно их выявлять, расследовать и предотвращать. В условиях постоянного усложнения и видоизменения преступной деятельности значение криминалистической характеристики возрастает, обеспечивая следственные органы необходимыми инструментами для успешного раскрытия преступлений.

1. Криминалистическая характеристика преступлений в современном уголовном законодательстве и научных трудах

Российские ученые в области криминалистики подробно рассматривают данное понятие в своих трудах. Например, в книге «Криминалистика» под редакцией Р. С. Белкина криминалистическая характеристика преступления определяется как «совокупность типичных признаков преступлений, познание которых необходимо для успешного их раскрытия и расследования» [1]. Это определение включает в себя методы, средства и приемы, используемые при совершении преступлений, а также типичные следы, оставляемые преступниками. Также можно сослаться на труды А. Н. Колесниченко, где криминалистическая характеристика преступления описывается как «информация о типичных элементах и особенностях преступлений, которая используется для разработки версий, планирования и проведения расследований» [2]. В этом контексте выделяются такие элементы, как предмет преступного посягательства, способы его совершения, следы преступления, личность преступника и обстановка совершения преступления.

Рассматривая криминалистическую характеристику преступлений, предусмотренных ст. 138 Уголовного кодекса РФ [3] (далее – УК РФ), мы можем выделить следующее: она представляет собой совокупность типичных признаков и элементов, позволяющих эффективно выявлять, расследовать и предотвращать нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений. В характеристику входят способ совершения преступления предусмотренных ст. 138 УК РФ, методы и приемы, с помощью которых нарушители получают доступ к личной информации потерпевшего. В свою очередь они могут включать в себя незаконное прослушивание телефонных разговоров, перехват и чтение почтовой или электронной корреспонденции, использование специальных технических средств для негласного получения информации, а также несанкционированный доступ к компьютерным системам. Рамки криминалистической характеристики охватывают следующие аспекты:

1. Обстановка совершения преступления позволяет раскрыть место, время и условия, при которых было совершено нарушение тайны переписки. Например, такие преступления могут происходить в определенном районе или в условиях, облегчающих несанкционированный доступ к информации. Примером выступают центр обработки персональных данных операторов связи или место, которое имеет устаревшее материальное и компьютерно-техническое обеспечение.

2. Предмет преступного посягательства. Он охватывает информацию, передаваемую через различные коммуникационные каналы, такие как переписка (бумажная или электронная), телефонные переговоры, почтовые отправления, телеграфные сообщения и иные виды сообщений, в том числе через Интернет.

3. Следы преступления включают любые материальные или нематериальные следы, оставленные преступником. Это могут быть физические следы (следы взлома, повреждения устройств), электронные следы (логи системы, записи на серверах, данные с устройств), документальные следы (бумажные документы, распечатки сообщений).

4. Личность преступника по ст. 138 УК РФ описывает типичные характеристики и поведенческие особенности лиц, совершающих эти преступления. Это могут быть лица, обладающие техническими навыками и доступом к специализированному оборудованию, а также те, кто использует свое служебное положение. Личность потерпевшего включает информацию о лицах, чья тайна переписки, телефонных переговоров или иных сообщений была нарушена. Это могут быть частные лица, компании или организации, чья информация была незаконно перехвачена или использована.

5. Мотивы и цели преступления описывают причины, по которым нарушители совершают эти деяния. Мотивы могут быть личными (ревность, месть, любопытство), корыстными (получение выгоды, шантаж, вымогательство), или иными (сбор компромата, конкурентная борьба).

Криминалистическая характеристика преступлений по ст. 138 УК РФ помогает решить ряд задач. Она способствует определению круга подозреваемых, анализируя типичные характеристики преступления и сужая круг лиц, которые могли его совершить. С учетом данных криминалистической характеристики разрабатываются версии происшествия и планируется ход расследования. Знание типичных способов совершения таких преступлений и оставляемых следов позволяет выбрать наиболее эффективные методы и средства расследования. Их систематизация способствует быстрому и качественному раскрытию преступлений. Рассматривая практику расследования нарушений тайны переписки, хочется отметить, что в современных условиях указанные преступления все чаще совершаются с использованием информационных технологий, в том числе через социальные сети. Безусловно, способы совершения нарушений тайны переписки значительно разнообразились и усложнились.

Преступниками применяются следующие методы:

1) фишинг – создание поддельных сайтов или страниц в социальных сетях для получения доступа к личной переписке и данным пользователей.

2) взлом аккаунтов – использование специальных программ или методов социальной инженерии для получения доступа к учетным записям в социальных сетях.

3) перехват данных – использование специализированного программного обеспечения для перехвата сообщений в мессенджерах или электронной почте.

4) установка шпионского ПО – внедрение программ-шпионов на устройства жертвы для скрытого сбора информации, включая сообщения и телефонные переговоры.

Учитывая вышеизложенное, очевидно, что указанные преступления часто совершаются удаленно. Это усложняет обнаружение признаков преступления, предусмотренного ст. 138 УК РФ, а в дальнейшем – их расследование. Преступники могут находиться за рубежом, использовать анонимные сети и VPN-сервисы для

сокрытия своего местоположения. Чаще всего преступления совершаются в следующих условиях:

- социальные сети – *Facebook, Instagram* (запрещены в РФ), ВКонтакте и другие платформы, где пользователи хранят личную переписку и данные;
- мессенджеры – *WhatsApp, Telegram*, которые предоставляют возможность обмена зашифрованными сообщениями;
- форумы, потовые сервисы и площадки – службы, такие как *Google, Mail.ru, Yandex*, которые используются для передачи конфиденциальных данных.

Преступники, совершающие данные преступления, часто, но не всегда обладают техническими навыками и знанием информационных технологий. Круг лиц, способных совершить нарушение тайны переписки достаточно обширен. Это могут быть хакеры, специалисты в области ИТ или лица, обладающие доступом к специализированным программным средствам, должностные лица, обладающие доступом к конфиденциальным данным.

Потерпевшими часто становятся пользователи социальных сетей и мессенджеров, не обладающие достаточными знаниями для защиты своих данных. Это могут быть как частные лица, так и компании, чья информация была незаконно перехвачена или использована. Их мотивы могут быть различными, включая корыстные (выгода, шантаж, вымогательство), личные (ревность, месть, любопытство), а также профессиональные, в таком случае производится сбор компромата для конкурентной борьбы. Современная судебная практика указывает на большое количество нарушений тайны переписки в области предоставления сотрудниками операторов сотовой связи данных о детализации абонентов за денежное вознаграждение. Так, мы можем привести несколько примеров судебной практики по ст. 138 УК РФ.

1. В одном из дел, рассмотренном российским судом, специалист-стажер оператора сотовой связи был осужден за незаконное предоставление детализации звонков клиентов третьим лицам за денежное вознаграждение. В ходе расследования было установлено, что обвиняемый использовал свое служебное положение для доступа к информации, защищенной законом. Сотрудник был приговорен к штрафу в размере 100 000 руб. [4].

2. В другом деле сотрудник оператора сотовой связи за денежное вознаграждение просматривал и предоставил третьим лицам детализацию абонента за незаконное вознаграждение, однако уголовное дело было прекращено в связи с примирением сторон [5].

2. Современные проблемы криминалистической характеристики

Если провести анализ следственной и судебной практики, то становится очевидно, что правоохранительные органы Российской Федерации часто выражают нежелание заниматься расследованием преступлений по ст. 138 УК РФ, поскольку эти дела представляют значительные трудности в раскрытии и доказывании вины преступника. Преступления, связанные с нарушением тайны переписки, телефонных переговоров и иных сообщений, требуют сложных технических экспертиз и детального анализа цифровых следов, что занимает много времени и ресурсов. В результате приговоры по таким делам часто оказываются несущественными,

что снижает мотивацию следователей и оперативников к их расследованию. Суды, рассматривающие дела по ст. 138 УК РФ, нередко выносят мягкие приговоры, так как зачастую вред, причиненный потерпевшему, незначительный. Недостаточность существенных наказаний снижает общий превентивный эффект данной статьи уголовного кодекса и усиливает ощущение безнаказанности среди преступников.

В связи с этим необходимо выработать методику, которая максимально ускорит и упростит процесс доказывания вины подозреваемого в нарушении тайны переписки. Важными элементами такой методики могут стать: разработка специализированного программного обеспечения для анализа цифровых следов, улучшение межведомственного взаимодействия и обмена информацией, а также повышение квалификации следователей и судей в области киберпреступлений. Введение стандартов и протоколов для работы с цифровыми доказательствами также может существенно облегчить процесс расследования и повысить эффективность применения ст. 138 УК РФ.

Заключение

Значение криминалистической характеристики для науки и расследования переоценимо. Для науки криминалистическая характеристика предоставляет структурированный подход к изучению нарушений тайны сообщений, что способствует развитию криминалистической теории. Это позволяет разрабатывать новые методы и средства расследования, совершенствовать существующие практики, а также углублять понимание преступного поведения в области информационной безопасности. Для практического расследования криминалистическая характеристика служит важным инструментом, обеспечивая системный и методичный подход к расследованию преступлений по ст. 138 УК РФ. Она позволяет следователям быстрее и точнее ориентироваться в сложных случаях, эффективно использовать ресурсы и принимать обоснованные решения на всех этапах расследования.

Пристатейный библиографический список

1. *Белкин Р. С.* Криминалистика : учебник. М. : Юристъ, 1997.
2. *Колесниченко А. Н.* Криминалистика : учебник для вузов. М. : Проспект, 2004.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 6 апреля 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Приговор от 21 ноября 2023 г. № 1-164/2023 по делу № 1-164/2023 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 30.05.2024).
5. Постановление от 9 ноября 2023 г. № 1-184/2023 по делу № 1-184/2023 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 30.05.2024).

References

1. *Belkin R. S.* Criminalistics: Textbook. Moscow: Iurist, 1997. (In Russ.)

2. *Kolesnichenko A. N. Criminalistics: Textbook for Universities. Moscow: Prospekt, 2004. (In Russ.)*

3. Criminal Code of the Russian Federation of 13 June 1996 No. 63-FZ (as amended on 6 April 2024) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

4. Verdict of 21 November 2023 No. 1-164/2023 in case No. 1-164/2023. URL: <https://sudact.ru> (date of the application: 30.05.2024). (In Russ.)

5. Resolution of 9 November 2023 No. 1-184/2023 in case No. 1-184/2023. URL: <https://sudact.ru> (date of the application: 30.05.2024). (In Russ.)

Сведения об авторе:

И. Д. Круглов – студент 1-го курса магистратуры.

Information about the author:

I. D. Kruglov – First-Year Master's Student.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 17.06.2024; принята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted to the editorial office 03.06.2024; approved after reviewing 17.06.2024; accepted for publication 17.06.2024.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-173-180>

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КРИТЕРИЕВ ДЛЯ НЕПРИМЕНЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО ИММУНИТЕТА В СПОРАХ ОБ ОБРАЩЕНИИ ВЗЫСКАНИЯ НА ЕДИНСТВЕННОЕ ЖИЛЬЕ ДОЛЖНИКА

Светлана Игоревна Саванина

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

Svetlana.Savanina@yandex.ru

Аннотация

Институт исполнительского иммунитета на недвижимое имущество представляет собой институт права, основным содержанием которого являются привилегии и (или) льготы должнику, связанные с сохранением права собственности на его недвижимое имущество в целях обеспечения минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи. Ввиду отсутствия законодательного закрепления каких-либо критериев, относящихся к данному институту (кроме характеристик жилого и единственного), судебная практика пытается самостоятельно выработать критерии, способные уравнивать положения двух противоположных сторон процесса – должников и кредиторов, чтобы за одними сохранить жилье, в котором они могут проживать, а другим позволить удовлетворить свои требования в полном объеме, что само по себе является непростой задачей в силу того, что имеет место быть конкуренция конституционных принципов. Автором был проведен анализ судебной практики, которая выработала несколько критериев для неприменения исполнительского иммунитета, изучение которой помогло прийти к некоторым выводам.

Ключевые слова: исполнительский иммунитет; единственное жилье; судебная практика; обращение взыскания; должник.

Для цитирования: *Саванина С. И.* Проблемы определения критериев для неприменения исполнительского иммунитета в спорах об обращении взыскания на

единственное жилье должника // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 173–180. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-173-180>

Research Article

PROBLEMS OF DETERMINING CRITERIA FOR THE NON-APPLICATION OF EXECUTIVE IMMUNITY IN DISPUTES ABOUT FORECLOSURE ON THE DEBTOR'S ONLY HOME

Svetlana I. Savanina

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow,
117638, Russia

Svetlana.Savanina@yandex.ru

Abstract

The institution of executive immunity for real estate is an institution of law, the main content of which is privileges and (or) benefits to the debtor associated with maintaining ownership of his real estate in order to ensure the minimum property necessary for the existence of the debtor-citizen and members of his family. Due to the lack of legislative recognition of any criteria related to this institution (except for the characteristics of a single residential property), judicial practice is trying to independently develop criteria that can equalize the positions of two opposite parties to the process – debtors and creditors, in order for some to retain housing in which they can live, and allow others to satisfy their demands in full, which in itself is a difficult task due to the fact that there is competition between constitutional principles. The author analyzed judicial practice, which developed several criteria for the non-application of executive immunity, the study of which helped to come to some conclusions.

Keywords: executive immunity; the only dwelling; arbitrage practice; foreclosure; debtor.

For citation: *Savanina S. I. Problems of Determining Criteria for the Non-Application of Executive Immunity in Disputes About Foreclosure on the Debtor's Only Home. Herald of the Russian Law Academy, 2024, no. 2, pp. 173–180. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-173-180> (In Russ.).*

Введение

На протяжении нескольких десятилетий вопрос сохранения единственного жилья за должником и членами его семьи активно обсуждается и поднимается как в законодательной, так и в правоприменительной сфере, вызывая все новые проблемы у судебных приставов-исполнителей, арбитражных управляющих и судей, вынужденных работать с несовершенствами действующего законодательства. Существенную проблему представляет собой применение норм, регулирующих институт исполнительского иммунитета в отношении единственного жилья, в гражданском процессуальном праве. Вопреки закреплению в Конституции РФ, эти иммунитеты не получили должного отражения в процессуальных законах. Такое игнорирование принципов, гарантированных Конституцией, регулярно приводит к негативным последствиям, вызывая общественный резонанс.

Несмотря на попытки высших судов Российской Федерации, включая Конституционный Суд РФ и его известные постановления от 14 мая 2012 г. № 11-П и от 26 апреля 2021 г. № 15-П, хоть как-то исправить сложившуюся неопределенность в отношении обращения взыскания на единственное жилье должника, вызванную закреплением в законодательстве лишь общего основания о недопустимости взыскания единственного жилья, существенным образом на исход судебной практики по данному вопросу повлиять не удалось, а законодатель до сих пор не внес соответствующие изменения и дополнения, способные повернуть в ту или иную сторону развитие рассматриваемого института.

Судами уже был введен один основополагающий критерий обращения взыскания на единственное жилье вне зависимости от наличия статуса единственного – «роскошность», которая предполагает, что рыночная стоимость жилья должника превышает в кратное количество раз среднюю рыночную стоимость жилья, в котором должник и члены его семьи могут жить после предоставления иного жилья, и общая площадь жилого помещения превышает установленные законодателем стандарты, а также этот критерий обязательно учитывает, может ли стоимость жилья позволить удовлетворить имущественные требования или значительную часть имущественных требований кредиторов.

Однако в существующей практике, когда должники всеми способами пытаются скрыть свое имущество или оставить статус единственного за конкретным жильем, практически лишив своих кредиторов всего, на что они могли претендовать, суды самостоятельно, не дожидаясь законодательного урегулирования, выработали иные критерии и доказательства, имеющие значение для разрешения дела по существу, которые нужно учитывать при возникновении соответствующего спора.

1. Недобросовестность должника как основание для неприменения исполнительского иммунитета

При установлении, осуществлении, защите гражданских прав и исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Добросовестность стороны предполагается, пока не доказано иное (п. 5 ст. 10 ГК РФ).

Критерии, по которым находящемуся в банкротстве гражданину-должнику суд вправе в силу п. 1 и 2 ст. 10 Гражданского кодекса РФ отказать в защите прав, обра-

зующих исполнительский иммунитет, изложены в постановлении Конституционного Суда РФ от 26 апреля 2021 г. № 15-П. К таковым отнесено установленное судом само приобретение жилого помещения со злоупотреблениями, в частности, сопоставимые со временем образования долга время и условия, в том числе суммы (цена) соответствующих сделок и других операций (действий) по отчуждению денег, имущественных прав, иного имущества, с целью приобретения (создания) объекта, защищенного исполнительским иммунитетом.

Согласно сложившейся практике, недобросовестность должника в данном вопросе предполагает ситуацию, когда те или иные действия совершаются в целях создания обстоятельств, препятствующих обращению взыскания на объект недвижимости, путем придания ему статуса единственного пригодного для постоянно проживания должника жилого помещения.

Так, например, должник может искусственно создать условия для придания недвижимости статуса единственного жилья, до банкротства распродав все жилые помещения, принадлежавшие ему на праве собственности [1]. Или должник пытается каким-либо образом скрыть свое единственное жилье до банкротства с целью избежать включения его в конкурсную массу, что само по себе стало являться для судов безоговорочным основанием для неприменения исполнительского иммунитета [2; 3].

Однако интересным представляется тот факт, что, несмотря на достаточно густительную практику после постановления Конституционного Суда РФ от 26 апреля 2021 г. № 15-П, когда суды практически в любом действии должника выискивали недобросовестность (например, недобросовестностью признавали снятие должника и членов его семьи с регистрационного учета [4]), даже в отношении данного критерия, поскольку он не установлен законодателем, суды не смогли прийти к единству мнений. В определении от 31 октября 2022 г. № 305-ЭС22-12854 Верховный Суд РФ не признал недобросовестностью тот факт, что должник в преддверии банкротства продал дом и земельный участок аффилированному лицу (своему отцу), указав, что дарение было направлено на сохранение за должником жилого дома для собственного и члена семьи (отца) проживания в случае утраты прав на заложенную квартиру из-за обращения взыскания на нее кредитора, что само по себе не попадает под критерии обстоятельств для снятия со спорного имущества исполнительского иммунитета [5].

Схожую позицию не так давно занял и Арбитражный суд Уральского округа, который указал, что обстоятельство отчуждения спорного недвижимого имущества близкому родственнику – дочери – хотя и имело место при злоупотреблении правом, тем не менее не является безусловным основанием, исключающим защиту конституционного права на жилище самого должника, при том что такие действия в действительности не изменили фактическое положение дел, на фактический статус спорного жилого дома не повлияли, поскольку как до, так и после совершения названных действий данный жилой дом являлся и является единственным пригодным для проживания должника и членов его семьи, фактически проживающих в нем в течение длительного времени, при том что права на иные пригодные для жилья помещения у должника отсутствуют, и при таких обстоятельствах отсутствуют основания полагать, что должник и члены его семьи пытались создать

видимость их реального проживания в спорном жилом доме с целью воспрепятствования обращения на него взыскания [6].

Таким образом, несмотря на прямое закрепление критерия недобросовестности должника Конституционным Судом РФ в качестве основания для неприменения исполнительского иммунитета на единственное жилье, Верховный Суд РФ и некоторые арбитражные суды стараются придерживаться позиции, согласно которой лишение исполнительского иммунитета представляет собой крайнюю меру, и для ее применения нужно детально исследовать все фактические обстоятельства дела.

2. Непроживание должника и членов его семьи в спорном жилом помещении

В судебной практике суды придерживаются позиции, согласно которой сам по себе факт наличия единственного жилого помещения в собственности не презюмирует возникновение исполнительского иммунитета [7].

Так, например, постановлением Арбитражного суда Московского округа было отменено постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19 августа 2021 г. по делу А40-292067/2019 и оставлено в силе определение Арбитражного суда города Москвы от 7 мая 2021 г., в соответствии с которым из конкурсной массы должника не была исключена единственная квартира общей площадью 39 кв. м [8]. Казалось бы, по своим квадратным метрам такую квартиру точно нельзя назвать «роскошной», а потому спора о неприменении к ней исполнительского иммунитета в принципе не должно было возникнуть, но, учитывая приведенную ранее позицию, на практике дела обстоят иначе. В приводимом споре суд, не без помощи конкурсных кредиторов, усмотрел, что право собственности на спорную квартиру зарегистрировано за должником 22 января 2020 г., на дату, когда должник уже проживала за пределами территории Российской Федерации, что подтверждается выданной Посольством Французской Республики визой. Как указал суд, по общему правилу для получения визы необходимо подтверждение у заявителя жилищных условий на территории государства, виза которого запрашивается, а также денежных средств, достаточных для длительного пребывания на территории данного государства, кроме того, в материалах дела имеются сведения, свидетельствующие о том, что должник проживает в Чехии, в квартире своих родителей. На основании изложенного суд пришел к выводу, что квартира не является единственным жилым помещением, а следовательно, исключению из конкурсной массы не подлежит, отказав в применении исполнительского иммунитета.

Интересным в данной связи представляется то обстоятельство, что в определении Верховного Суда РФ от 29 октября 2020 г. № 309-ЭС20-10004 по делу № А71-16753/2017 была озвучена иная противоположная позиция: «По смыслу абзаца второй части 1 статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации наличие у гражданина фактической возможности проживать по иному адресу не означает допустимость безусловного неприменения к находящемуся в его собственности единственному жилью исполнительского иммунитета». Такой же позиции придерживаются исследователи, справедливо отмечая: «наличие у должника возможности и права проживать временно или постоянно еще в каких-либо жилых помещениях, принадлежащих на праве собственности третьим лицам,

ни в коей мере не изменяет статус жилого помещения должника как единственного» [9], ведь в любой момент такое третье лицо может выселить должника из своего помещения, и он фактически останется без крыши над головой, что не отвечает гуманистической направленности института исполнительского иммунитета.

Как видно из приведенной судебной практики, несмотря на то, что рассматриваемый критерий применяется судами в спорах о предоставлении исполнительского иммунитета, он не является категоричным и в каких-то случаях способствует принятию решения о неприменении исполнительского иммунитета, а в каких-то нет, причем на данный момент не имеется четкого понимания относительно таких случаев.

3. Жилое помещение приобретено на денежные средства, полученные преступным путем

На практике данный критерий тесно связан с уголовными делами должника или его близких родственников. В соответствии с п. 3 ст. 69 АПК РФ вступившее в законную силу решение суда общей юрисдикции по ранее рассмотренному гражданскому делу обязательно для арбитражного суда, рассматривающего дело, по вопросам об обстоятельствах, установленных решением суда общей юрисдикции и имеющих отношение к лицам, участвующим в деле. Согласно п. 4 ст. 69 АПК РФ вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для арбитражного суда по вопросам о том, имели ли место определенные действия и совершены ли они определенным лицом.

Когда банкротство связано с уголовным делом, например, с хищением денежных средств, в ходе которого или по заявленному гражданскому иску было установлено, что имущество, будь то единственное жилье или все объекты недвижимости сразу, принадлежащее должнику на праве собственности, добыты преступным путем (на похищенные деньги), то и в деле о банкротстве не удастся исключить это имущество из конкурсной массы, о чем указывает многочисленная судебная практика [10].

Представляется, что данная практика не отвечает признакам гуманности и вряд ли соотносится с конституционными принципами Российской Федерации. Дело в том, что даже если у должника в собственности осталось единственное жилье, возведенное или приобретенное на деньги, добытые преступным путем, то, как правило, виновный субъект уже понес уголовное наказание за содеянное, а лишение его жилой площади можно рассматривать как задвоение ответственности, еще одно наказание плюс к тому, что уже было установлено уголовным процессуальным кодексом, что является недопустимым, несмотря даже на то, что речь идет о разной ответственности и отраслях права. Судимость со временем может быть погашена, а жилое помещение никто уже не вернет.

Кроме того, не стоит обходить вниманием проблемы пенитенциарной системы России в контексте социальной адаптации заключенных после мест лишения свободы. Гражданину, отбывшему наказание за преступление, достаточно тяжело вернуться в социум и адаптироваться к новым условиям [11], а потому лишение их единственного жилья только больше усугубит имеющиеся в связи с этим проблемы. В связи с этим природа долга не должна рассматриваться как критерий для неприменения исполнительского иммунитета, что, однако, не учитывается судами.

Заключение

Таким образом, при отсутствии законодательного урегулирования определяющую роль в вопросе обращения взыскания на единственное жилье должника играет доказанность обстоятельств возможности такого судебного решения в связи с тем, что по факту жилье не является единственным или стало таковым только из-за недобросовестных действий должника или приобретено на денежные средства, добытые преступным путем, что придется доказывать кредиторам или финансовым управляющим. На данный момент в связи с тем, что не имеется законодательно закрепленных критериев для неприменения исполнительского иммунитета, суды часто трактуют формулировки Конституционного Суда по-разному, создавая ситуации, при которых схожие дела заканчиваются принятием противоположных решений, что не является проявлением единообразия в судебной практике и негативно сказывается на доверии общества к суду и на деятельности иных правоприменителей.

Сама по себе реализация института исполнительского иммунитета на единственное жилье осложняется объективно имеющейся конкуренцией конституционных ценностей (права на жилище и права на судебную защиту), что обуславливает сложность нахождения оптимальной модели правового регулирования, однако введение произвольных критериев со стороны судов еще больше усложняет поиск такой модели и затягивает процесс законодательной инициативы, которая также должна учитывать тенденции, сложившиеся в обществе и в судебной практике, демонстрирующей противоположные точки зрения на одни и те же критерии.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 2 декабря 2019 г. по делу № А76-11986/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30 декабря 2019 г. № Ф05-4080/2019 по делу № А40-150188/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29 октября 2020 г. № 309-ЭС20-10004 по делу № А71-16753/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27 мая 2024 г. № 310-ЭС23-27829 по делу № А23-9744/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31 октября 2022 г. № 305-ЭС22-12854 по делу № А40-208133/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16 января 2023 г. № Ф09-957/22 по делу № А60-46287/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18 сентября 2017 г. по делу № А03-4289/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 ноября 2021 г. по делу № А40-292067/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Савельев Д. Б. Проблема обращения взыскания на часть единственного жилого помещения должника-гражданина // Юрист. 2016. № 3.

10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 января 2019 г. по делу № А40-130403/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Румянцев М. Б. Проблемы правотворчества в сфере уголовного права // Законодательство и экономика. 2016. № 5.

References

1. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District of 2 December 2019 in case No. A76-11986/2016 (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

2. Resolution of the Moscow District Arbitration Court of 30 December 2019 No. Ф05-4080/2019 in case No. А40-150188/2017 (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

3. Decision of the Judicial Board on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 29 October 2020 No. 309-EC20-10004 in case No. А71-16753/2017 (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

4. Decision of the Judicial Board on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 27 May 2024 No. 310-EC23-27829 in case No. А23-9744/2020 (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

5. Decision of the Judicial Collegium on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 31 October 2022 No. 305-EC22-12854 in case No. А40-208133/2019 (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

6. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District of 16 January 2023 No. Ф09-957/22 in case No. А60-46287/2019 (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

7. Decision of the Arbitration Court of the West Siberian District of 18 September 2017 in case No. А03-4289/2016 (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

8. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 15 November 2021 in case No. А40-292067/2019 (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

9. Saveliev D. B. The Problem of Recovery of Part of the Sole Residential Premises of the Debtor-Citizen. *Lawyer*, 2016, no. 3. (In Russ.)

10. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 23 January 2019 in case No. А40-130403/2016 (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

11. Rumiantsev M. B. Law-Making Problems in the Sphere of Criminal Law. *Law and Economics*, 2016, no. 5. (In Russ.)

Сведения об авторе:

С. И. Саванина – магистр.

Information about the author:

S. I. Savanina – Master’s Student.

Статья поступила в редакцию 13.05.2024; одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 20.05.2024.

The article was submitted to the editorial office 13.05.2024; approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 20.05.2024.

Научная статья

УДК 349

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-181-195>

ПРОБЛЕМЫ НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНОГО ПРАВОВОТВОРЧЕСТВА НА ПРИМЕРЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕИМУЩЕСТВЕННОГО ПРАВА ОСТАВЛЕНИЯ НА РАБОТЕ

Петр Михайлович Смирнов

Юридический институт Российского университета дружбы народов
им. Патриса Лумумбы, 117198, Россия, г. Москва,
ул. Миклухо-Маклая, д. 6
smirnov.pm@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены проблемы противоречивости судебного правотворчества на примере порядка определения преимущественного права оставления на работе в соответствии с нормами ст. 179 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ). Автор ставит задачи: а) выявление проблем трактования правоприменителями норм ст. 179 ТК РФ и, как следствие, противоречивости судебных решений по трудовым спорам, связанным с надлежащим правоприменением данной статьи; б) анализ судебных решений, связанных с трудовыми спорами по надлежащему правоприменению ст. 179 ТК РФ; в) установление необходимости принятия мер, направленных на устранение выявленных проблем и формирование предложений по определению таких мер, если они требуются. Цель – освещение подходов российских судов к проблеме определения преимущественного права оставления на работе; подготовка аналитических выводов о вариантах трактования судами норм ст. 179 ТК РФ. Автором использованы общенаучные (анализ и синтез) и частнонаучные (сравнительно-правовой, формально-юридический) методы. Вопросы единообразия судебного правотворчества, в том числе по вопросам трудового права, особенно актуальны, поскольку напрямую связаны с реализацией столь важной в настоящее время правозащитной функции суда в рассматриваемой сфере российского права.

Ключевые слова: преимущественное право оставления на работе; ст. 179 ТК РФ; судебная практика; единообразие судебного правотворчества; сокращение.

Для цитирования: *Смирнов П. М.* Проблемы непоследовательности судебного правотворчества на примере определения преимущественного права оставления на работе // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 181–195. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-181-195>

Research Article

PROBLEMS OF INCONSISTENCY OF JUDICIAL LAW-MAKING ON THE EXAMPLE OF DETERMINING THE PREFERENTIAL RIGHT TO REMAIN AT WORK

Pyotr M. Smirnov

Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba, 6 Miklukho-Maklaia St., Moscow, 117198, Russia
smirnov.pm@mail.ru

Abstract

The article considers the problems of inconsistency of judicial lawmaking by the example of the procedure for determining the preferential right to remain at work in accordance with the norms of Article 179 of the Labor Code of the Russian Federation. The author sets the tasks: a) identification of problems of interpretation by law enforcement officers of the norms of Article 179 of the Labor Code of the Russian Federation and, as a result, inconsistency of court decisions on labor disputes related to the proper enforcement of this article; b) analysis of court decisions related to labor disputes on the proper enforcement of Article 179 of the Labor Code of the Russian Federation; c) the establishment of the need to take measures aimed at eliminating the identified problems and the formation of proposals for the definition of such measures, if they are required. The purpose is to highlight the approaches of Russian courts to the problem of determining the pre-emptive right to remain at work; to prepare analytical conclusions on the options for interpretation by courts of the norms of Article 179 of the Labor Code of the Russian Federation. The author uses general scientific (analysis and synthesis) and private scientific (comparative legal, formal legal) methods. The issues of uniformity of judicial law-making, including on issues of labor law, are especially relevant, since they are directly related to the implementation of such an important human rights function of the court in the sphere of Russian law under consideration.

Keywords: preferential right to remain at work; Article 179 of the Labor Code of the Russian Federation; judicial practice; uniformity of judicial law-making; reduction.

For citation: *Smirnov P. M. Problems of Inconsistency of Judicial Law-Making on the Example of Determining the Preferential Right to Remain at Work. Herald of the Russian Law Academy, 2024, no. 2, pp. 181–195. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-181-195>*

Введение

Способы реализации работниками и работодателями трудовых прав и создание механизмов, гарантирующих их защиту, являются одними из самых важных, спорных и актуальных направлений развития трудового права, с периода его формирования по настоящее время. Вопросы защиты трудовых прав непосредственно связаны с реализацией включенных во Всеобщую декларацию прав человека 1948 г. права на труд, свободный выбор работы, а также права на использование федеральным законодательством механизмов разрешения трудовых споров. При этом особенного внимания требуют недостаточно урегулированные трудовым законодательством правовые механизмы разрешения сложных конфликтных ситуаций, возникающих в правоотношениях между работником и работодателем. В этом случае законодатель фактически предлагает сторонам трудового спора использовать имеющиеся обобщения судебной практики, решения кассационных судебных инстанций, Верховного Суда РФ.

С учетом вышеизложенного, а также принимая во внимание экономическое и социальное развитие российского общества в настоящее время, одной из наиболее важных характеристик складывающейся в Российской Федерации судебной практики по вопросам трудового права является ее единообразие, в части правоприменения и толкования судами норм при разрешении трудовых споров, с учетом необходимости уделения особого внимания к сохранению баланса интересов сторон трудового договора. Именно такой подход позволит внести прозрачность в понятие надлежащего правоприменения отдельных спорных вопросов трудового права и будет способствовать повышению эффективности судебных решений в общей практике урегулирования спорных вопросов трудовых правоотношений. Современная практика правоприменения норм, регулирующих вопросы сокращения численности или штата работников, формируется под непосредственным влиянием российской судебной практики, в связи с недостаточной правовой урегулированностью данного вопроса нормами трудового права. Именно оригинальные выводы актов судебных инстанций по вопросам неурегулированным трудовым законодательством позволяют правоприменителям принимать решения по надлежащему правоприменению норм ТК РФ и тем самым, по сути, регулировать общественные отношения по вопросам трудового права. Таким образом судебные акты восполняют правовые пробелы трудового законодательства, позволяют трактовать дефектные нормы не только судами, но и всеми другими субъектами правоприменительной деятельности.

Сложившаяся ситуация с надлежащим правоприменением норм трудового законодательства делает особенно актуальными вопросы анализа единообразия судебного правотворчества по вопросам трудового права с целью надлежащей реализации правозащитной функции суда в рассматриваемой сфере российского права.

Правотворческие возможности судов реализуются, как правило, путем толкования норм права в правовых ситуациях пробелов в законах, противоречия норм права или возможности «двойного» толкования одной и той же нормы. Следует обратить внимание, что в данной статье речь идет не о возможностях судов осуществлять нормотворчество, поскольку безусловно это исключительная прерогатива иных уполномоченных органов государственной власти, а именно о решениях, принимаемых судами и являющихся не официальными документами, содержащими нормы права, а факторами, оказывающими влияние на формирование права (правотворчество).

1. Определение преимущественного права оставления на работе при расторжении трудового договора в связи с сокращением численности или штата работников

Одним из основных направлений правотворческой деятельности судов исследователи считают споры об увольнении. Представляется, что в данной сфере правоотношений нормами трудового права, вызывающими наибольшее количество вопросов, являются положения ст. 179 ТК РФ, регулирующие порядок определения преимущественного права оставления на работе при расторжении трудового договора в связи с сокращением численности или штата работников.

Итак, часть ст. 179 ТК РФ определяет, что при сокращении численности или штата работников преимущественное право на оставление на работе предоставляется работникам с более высокой производительностью труда и квалификацией.

Анализ содержания нормы данной статьи с целью ее надлежащего правоприменения позволяет сделать вывод о том, что она является дефектной в части ее построения и выражения, допускающей возможности ее «двойного» толкования поскольку:

во-первых, рассматриваемая статья ТК РФ не содержит положения, позволяющего правоприменителю понять позицию законодателя: при сокращении каких должностей необходима оценка преимущественного права, а в каких случаях нет;

во-вторых, законодатель, включая в ст. 179 ТК РФ в качестве критериев для оценки преимущественного права «квалификацию» и «производительность труда» не дал понятия критериев, на основе которых можно было бы оценивать производительность труда работников. Следует отметить, что, если речь идет о рабочих профессиях, такие критерии, соответствующие условиям объективности, работодателю установить несложно. Но, если рассматриваются вопросы определения преимущественного права, например, научных работников или работников творческих профессий, работодателю достаточно сложно установить объективные критерии оценки, однозначно гарантирующие, что установленные им критерии производительности труда будут оценены судом как объективные;

в-третьих, ст. 179 ТК РФ допускает возможность ее толкования как нормы, обязывающую рассматривать в совокупности производительность труда и квалификацию работника. Однако при такой трактовке рассматриваемой нормы права правоприменитель не получает необходимый механизм правового регулирования в случаях, когда, например, производительность труда у работников одинаковая, а квалификация у одного из них выше. Представляется, что законодатель, излагая данную норму права, предполагал ее распространение в том числе и на такие ситуации. Но

в этом случае, формируя бездефектную норму, ее возможно было бы изложить, как вариант, в следующей редакции: «при сокращении численности или штата работников критериями для преимущественного права на оставление на работе являются более высокий уровень производительности труда и (или) более высокий уровень квалификации работников. При равной производительности труда и равного уровня квалификации работников предпочтение в оставлении на работе отдается...».

Спорная ситуация возникает, когда работодателю при проведении мероприятий по сокращению численности или штата необходимо сделать выбор между работником с более высокой производительностью труда по сравнению с другим работником, с более высокой квалификацией (например, когда работники занимают одинаковые должности, но один из них имеет профильное высшее образование, оконченные курсы повышения квалификации, а второй, при отсутствии высшего профильного образования, имеет более высокую производительность труда и многочисленные благодарности за труд). Из изложенного следует вывод о том, что редакция нормы ч. 1 ст. 179 ТК РФ («с более высокой производительностью труда и квалификацией») не дает ответа на вопрос о том, насколько правомерность принятия решения об определении преимущественного права оставления на работе в отношении работника с более высокой производительностью труда или с более высокой квалификацией будет в полной мере отвечать требованиям ТК РФ.

В рассматриваемой ситуации, когда дефектность нормы ст. 179 ТК РФ влечет за собой сбои в действии механизма правового регулирования, фактически получается, что именно суды занимаются вопросами правотворчества, принимая решения по судебным спорам, требующих надлежащего правоприменения ст. 179 ТК РФ. Таким образом, «судебное правотворчество есть, так как его попросту невозможно избежать. Неизбежность судебного правотворчества предопределяется наличием пробелов в законах и имманентной неопределенностью и многозначностью многих норм законодательства, а также невозможностью отказа в правосудии при отсутствии четкой позитивной нормы, применимой к праву» [1, с. 304]. Таким образом, современные реалии наличия объемного и не всегда в полной мере регулирующего отдельные вопросы правоприменения законодательства неизбежно приводят к выводу о необходимости создания судами права в целях достижения результатов которых ждет от судебной власти общество и, по сути, являющихся одними из критериев оценки эффективности деятельности судов.

Следует отметить, что Конституционный Суд РФ по итогам рассмотрения поступающих к ним жалоб на нарушение конституционных прав граждан ст. 179 ТК РФ выносит аналогичные по смыслу определения об отказе в принятии к рассмотрению соответствующей жалобы, так как правильность применения работодателем установленных ст. 179 ТК РФ критериев для определения преимущественного права может быть проверена в судебном порядке. Сама по себе ч. 1 ст. 179 ТК РФ не может рассматриваться как нарушающая конституционные права граждан (например, определение Конституционного Суда РФ от 28 января 2016 г. № 7-О [6]).

Однако, рассматривая правотворческую деятельность судов по надлежащему правоприменению ст. 179 ТК РФ, нельзя не обратить внимание на необходимость обобщения судебной практики с целью устранения противоречий в ее правоприменении.

менении судами. Безусловно, рассуждая на данную тему можно говорить о том, что в Российской Федерации отсутствует прецедентное право. Однако и судьи, и правове­ды, и практикующие юристы Российской Федерации понимают важность доктрины прецедента, ее значимость с точки зрения понятия «правовой определенности», а также влияния прецедента на формирование судебной практики. В идеале судебные споры по применению определенной нормы права должны решаться одинаково, а судебная практика должна быть единообразна.

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ, ст. 179 ТК РФ относится к числу норм, регламентирующих порядок увольнения в связи с сокращением численности или штата работников, определяя в части первой основанное на объективных критериях правило отбора работников для оставления на работе. Установив в качестве таких критериев производительность труда и квалификацию работника, законодатель исходил как из необходимости предоставления дополнительных мер защиты работникам, имеющим более высокие результаты труда и лучшие профессиональные качества, так и из интереса работодателя в продолжении трудовых отношений с наиболее квалифицированными и эффективно выполняющими трудовые обязанности работниками. Правильность применения работодателем указанных критериев при проведении мероприятий по сокращению численности или штата работников может быть проверена по заявлению работника в судебном порядке (определения от 21 декабря 2006 г. № 581-О [3], от 16 апреля 2009 г. № 538-О-О [4], от 24 октября 2013 г. № 1541-О [5], от 28 января 2016 г. № 7-О [6] и др.).

2. Основные проблемы, связанные с противоречивостью судебного правотворчества в процессе правоприменения ст. 179 ТК РФ

Итак, рассмотрим основные проблемы, связанные с противоречивостью судебного правотворчества в процессе правоприменения ст. 179 ТК РФ.

Во-первых, как уже указывалось выше, при оценке преимущественного права работодателю необходимо в первую очередь определить, при сокращении каких должностей необходима оценка преимущественного права, а в каких случаях нет. Следует отметить, что ст. 179 ТК РФ соответствующей нормы не содержит. Таким образом, в условиях отсутствия разъяснений Верховного Суда РФ по данному вопросу, работодатель вынужден самостоятельно определять правомерность своих действий, а именно: устанавливать критерии оценки, исходя из критерия тождественности должностных обязанностей (даже при различном наименовании должностей по штатному расписанию), или исходить из критериев идентичности наименования должностей по штатному расписанию (даже при условии нетождественности должностных обязанностей), или применять третий вариант установки критериев, исходя из наличия должностей с идентичными должностными обязанностями и идентичными наименованиями (в соответствии со штатным расписанием). При этом в настоящее время, выбирая тот или иной вариант критериев, работодатель неизбежно рискует оказаться в ситуации признания судом его действий незаконными, при иной оценке судьей требований ст. 179 ТК РФ.

Так, например, часть решений судов содержит вывод о том, что работодатель освобождается от выявления преимущественного права, если исключаются все

штатные единицы *одной должности* (апелляционное определение Смоленского областного суда от 17 июля 2012 г. по делу № 33-2281/12 [7]).

При этом анализ судебной практики позволяет выявить иную позицию судов по правоприменению ст. 179 ТК РФ, а именно распространение положений ст. 179 ТК РФ как предоставления преимущественного права на оставление на работе при сокращении одной из одинаковых должностей определенного структурного подразделения. То есть работодатель делает выбор между работниками, занимающими *равные должности*, часть из которых подлежит сокращению, поскольку степень производительности труда и квалификации работников возможно сравнить, лишь оценив выполнение ими одинаковых трудовых функций (см., например, апелляционное определение Московского городского суда от 12 февраля 2019 г. № 335892/2019 [8]). Также есть позиция судов определяющая, что возможность реализации преимущественного права на оставление на работе зависит от конкретного состава лиц, подлежащих сокращению и занимающих *аналогичные по квалификационным требованиям должности*, т.е. не обязательно должности с идентичным наименованием в соответствии со штатным расписанием (например, апелляционное определение Ростовского областного суда от 15 января 2015 г. по делу № 33-214/2015 [9]).

Московский городской суд в апелляционном определении от 18 февраля 2013 г. по делу № 11-4792 [10] делает вывод о необходимости определения преимущественного права только в случае сокращения одинаковых должностей *в конкретном структурном подразделении*, даже при наличии аналогичных должностей в других структурных подразделениях. В то же время Верховный Суд РФ в определении от 22 марта 2021 г. № 53-КГ20-28-К8 [11] признал законной оценку необходимости определения преимущественного права всех работников из различных структурных подразделений одного юридического лица, занимавших должности с идентичным наименованием.

Также следует обратить внимание на позицию судов, полагающих, что оценке преимущественного права подлежат должности в случае, если они имеют аналоги в штатном расписании (апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 20 января 2015 г. по делу № 33-18392/2014 [12], апелляционное определение Ростовского областного суда от 11 февраля 2016 г. по делу № 33-1893/2016 [13]).

Кроме этого ряд судов делает вывод о том, что при сокращении работников с идентичными наименованиями должностей необходимо оценивать, насколько данные должности равнозначны, исходя из наличия у них уникальных трудовых функций (определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 3 февраля 2022 г. по делу № 88-1786/2022 [14] – пример сокращения одного из трех заместителей начальника, но должности заместителей не были равнозначны, так как обязанности не совпадали).

Таким образом, на сегодняшний день анализ судебной практики позволяет выявить как минимум семь подходов судов к данному вопросу:

- 1) оценке преимущественного права оставления на работе подлежат работники, занимающие штатные единицы одной должности (т.е. должности с одинаковым наименованием);
- 2) оценке преимущественного права оставления на работе подлежат работники, занимающие штатные единицы одной должности одного структурного подразделения;

3) оценке преимущественного права оставления на работе подлежат работники, занимающие штатные единицы одной должности различных структурных подразделений одного юридического лица;

4) оценке преимущественного права оставления на работе подлежат работники, занимающие штатные единицы равных должностей (в этом случае встает вопрос оценки критерия «равности» должностей);

5) оценке преимущественного права оставления на работе подлежат работники, занимающие аналогичные по квалификационным требованиям должности равных должностей;

6) оценке преимущественного права оставления на работе подлежат работники, занимающие аналогичные должности (в этом случае встает вопрос оценки критерия «аналогичности» должностей);

7) оценке преимущественного права оставления на работе подлежат работники, занимающие должности с одинаковым наименованием и одинаковыми должностными обязанностями.

Следующий вопрос, возникающий перед работодателем, при проведении процедур, связанных с надлежащим правоприменением ст. 179 ТК РФ, связан с критериями оценки производительности труда и квалификации работников.

Следуя логике законодателя, работодатель при определении уровня производительности труда и квалификации вправе самостоятельно выбирать критерии оценки работника, исходя из собственных внутренних убеждений, по собственному усмотрению в связи со спецификой деятельности юридического лица. Данная трактовка находит свое подтверждение в судебной практике. Так, судьи не стали учитывать при вынесении решения наличие у истца более высокой квалификации, так как сделал вывод о том, что работодатель при анализе преимущественного права оставления на работе в качестве основного показателя рассматривал производительность труда работников (апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда № 33-14166/2016 по делу № 2-887/2016 [15]; апелляционное определение Московского городского суда от 22 марта 2019 г. № 33-12666/2019 [16]).

Следует отметить, вместе с тем ряд судов делает вывод – это не дает оснований считать, что вопрос о преимущественном праве на оставление работника на работе при сокращении численности или штата решается исключительно по усмотрению работодателя, и что правильность данной им оценки не подлежит проверке судом при разрешении трудового спора (определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 26 апреля 2021 г. по делу № 88-5462/2021 [17]).

Как уже указывалось выше, в связи с дефектностью ст. 179 ТК РФ основная проблема при проверке судами оценки правильности в определении преимущественного права при оставлении на работе возникает в различной позиции судов по вопросу выбора оценки: наличие более высокой квалификации работника вместе с более высокой производительностью труда или, в качестве альтернативного подхода, возможности выбора работодателем работника с более высокой квалификацией, или работника с более высокой производительностью труда.

Проводя анализ позиции судов по данной проблеме, можно увидеть два противоположных вывода. Существует позиция судов, исходящих из «буквального»

толкования ст. 179 ТК РФ и, как следствие, делающего вывод о том, что преимущественным правом оставления на работе обладает тот работник, у кого выше производительность труда и квалификация. При данном толковании союз «и» в норме ст. 179 ТК РФ судьи воспринимают «дословно» и, соответственно, требуют наличия у работника с преимущественным правом на оставление на работе двух вышеуказанных показателей. Данный подход создает крайне сложную для работодателя ситуацию, фактически не позволяющую сократить менее эффективного работника, имеющего, например, специальное высшее профильное образование и регулярно проходящего различные курсы повышения квалификации.

Однако следует отметить, что в судебной практике имеется не меньше решений с противоположной вышеизложенной позицией судов, полагающих, что при определении работодателем преимущественного права оставления на работе достаточно применения одного из следующих критериев: или «производительность труда», или «квалификация».

В этой связи интересно определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10 июня 2021 г. № 88-10196/2021 по делу № 2-60/2020 [18], содержащего вывод о том, что квалификацию работника оценивают по уровню образования (профессиональная подготовка), навыкам и опыту практической работы (стаж), которые в совокупности образуют необходимые предпосылки для выполнения работы. Следовательно, сотрудники, имеющие высшее образование и большой опыт работы, являются более квалифицированными.

Судьи Восьмого кассационного суда в определении от 10 июня 2021 г. № 88-10196/2021 [18] указывают, что при оценке работника в качестве специалиста с более высокой квалификацией следует оценивать имеющийся у работников уровень образования (бакалавр, специалитет, магистратура), а также прохождение работниками курсовых обучений с целью повышения квалификации. Интересным в указанном определении также является достаточно дискуссионный вывод суда о том, что работодателю при оценке преимущественного права следует учитывать наличие большего опыта работы у данного работодателя, а не общего. В данном случае суд рассматривал жалобу на увольнение с нарушением норм ТК РФ по сокращению нескольких работников. При определении преимущественного права на оставление на работе работодатель учитывал уровень образования и опыт практической работы по занимаемой должности. Суд, рассматривая жалобу, сделал вывод, что работодатель неправомерно учел наличие общего стажа работы по должности работников, определенных им как имеющих преимущественное право на оставление на работе, хотя у уволенного стаж работы именно у этого работодателя был больше. При этом следует отметить, что должности, занимаемые работниками, в отношении которых устанавливалось преимущественное право на оставление на работе, были разными, однако суд сравнил должностные обязанности по должностным инструкциям и сделал вывод, что фактически работники с разным наименованием должностей выполняли идентичные должностные обязанности. Суд также признал незаконным тот факт, что работодатель не принял во внимание наличие у сокращенного работника высшего инженерного образования, а предпочел оставить на работе работников с уровнем образования бакалавра, а также

работника, не окончившего вуз. Данные действия работодателя суд счел нарушением требований ст. 179 ТК РФ.

Однако имеется и прямо противоположное решение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13 октября 2021 г. № 88-14828/2021 [19] в котором суд приходит к выводу о том, что ТК РФ, по смыслу ст. 179 и 195.1, не предусматривает в качестве необходимого критерия, подлежащего учету работодателем при определении квалификации работника, подлежащего сокращению, продолжительность стажа работы у данного работодателя.

Рассматривая данный вопрос, с учетом противоположных правовых позиций, изложенных в вышеуказанном судебном определении Восьмого кассационного суда от 10 июня 2021 г. [18] и решении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13 октября 2021 г. [19], работодатель оказывается в позиции правовой неопределенности. При этом ему также необходимо руководствоваться п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [2], содержащим формулировку, предполагающую достаточно широкую свободу работодателя при решении вопроса о переводе работника на другую работу. Вышеуказанный пункт постановления обязывает работодателя при рассмотрении данного вопроса учитывать реальную возможность работника выполнять предлагаемую ему работу с учетом его образования, квалификации, опыта работы. При этом постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 [2] не содержит разъяснений или критериев, ограничивающих работодателя в определении оценки реальной возможности работника выполнять работу, или критериев сложности ранее выполняемой им работы, или продолжительности опыта работы у данного или другого работодателя.

Следует также обратить внимание на судебную практику, вообще ограничивающую работодателя в возможности учета при оценке преимущественного права критерия «производительность труда». Так, например, в определении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20 мая 2021 г. по делу № 88-12202/2021 [20] суд указывает работодателю, что при оценке преимущественного права оставления на работе лица, занимающего должность ведущего экономиста отдела экономики и ценообразования, «с учетом трудовой функции истца, такой критерий, как производительность труда, не применим». Данный вывод судов представляется достаточно спорным, по сути, изменяющим норму ст. 179 ТК РФ и ограничивающим работодателя в его праве самостоятельно выбирать критерии оценки работника, исходя из собственных внутренних убеждений, по собственному усмотрению в связи со спецификой деятельности организации.

Заключение

Подводя итоги произведенному в настоящей статье анализу судебного правотворчества в части уточнения правоприменения ст. 179 ТК РФ, можно сделать следующие выводы:

1) в процессе судебного правотворчества суды возложили на работодателя целый ряд дополнительных обязательств, которые теперь учитываются при разреше-

нии трудовых споров об увольнении (например, создание комиссии по определению преимущественного права работников на оставление на работе). Тенденция подобных интерпретации положений ТК РФ судами распространяется на все институты трудового права. Представляется, что данный подход судов нуждается в критическом анализе, так как судебные акты должны соотноситься с законом, а не с представлением о законе, сформулированным судебной практикой;

2) в процессе судебного правотворчества раскрывается содержание оценочных понятий, которыми так изобилует трудовое законодательство. Однако при анализе позиций судов в части раскрытия содержания оценочных понятий, например, таких как «производительность труда», наблюдается противоречивая судебная практика, не дающая работодателю возможность, анализируя позиции, изложенные во вступивших в законную силу решениях судов, принять однозначное решение о необходимости установления тех или иных критериев оценки, с уверенностью, что данные критерии будут признаны судами разумными, правомерными и обоснованными;

3) необходимо обратить внимание на то, что при рассмотрении вопросов сокращения численности или штата работников далеко не всегда суды выносят решения с учетом необходимости сохранения баланса интересов работников и работодателя. В результате нередки случаи, когда выбор в пользу одной из сторон несет ощутимые для двух сторон трудовых правоотношений негативные последствия. Так, например, имеющая место в решениях судов практика необоснованно расширительного толкования преимущественного права на оставление на работе при сокращении численности или штата работников не свидетельствует о надлежащем применении судами положений ТК РФ, противоречит основным принципам трудового права, дает возможность работником злоупотреблять своим правом или вести себя недобросовестно.

При этом многочисленные аналитические статьи правоведов по данному вопросу в большинстве своем содержат выводы о недостаточном обеспечении трудовых прав и свобод работников при реализации права работодателя на сокращение численности или штата. Однако анализ формируемой именно в последние годы судебной практики позволяет выявить противоположную тенденцию, при которой суды, исходя из необходимости защиты прав работников и оценочных категорий выносят решения, по сути, лишаящие работодателя возможности реализовать свое право на сокращение численности или штата и, как следствие, вынуждающее работодателя сохранять в штате организации неэффективную должность, необходимость в наличии которой у работодателя отсутствует. Аналогичная ситуация также складывается и по вопросам привлечения работников к дисциплинарной ответственности. В свою очередь, наличие такой судебной практики позволяет работникам злоупотреблять имеющимися у них правами. Отдельного упоминания в этой части заслуживает используемое на практике и ничем не ограниченное право работника, уведомленного о сокращении, годами открывать листы временной нетрудоспособности, меняя медицинскую организацию и лечащего врача (с периодичностью раз в две недели, чтобы не выходить на врачебную комиссию) и при этом оставаться работником организации, которому работодатель обязан предла-

гать все появляющиеся у него вакансии, а государство за счет средств Социального фонда оплачивать пребывание на листах временной нетрудоспособности. Причиной данной ситуации представляется недостаточное правовое регулирование и наличие правовых пробелов в нормах права, регулирующих вопросы сокращения численности или штата работников. При этом, формируя предложения о внесении изменений в ТК РФ в части совершенствования его норм, представляется необходимым исходить из того, что отношения работника и работодателя являются взаимозависимыми, а добросовестность их использования является обязательной как для одной стороны, так и для другой. В свою очередь суды, формируя судебную практику, расширяющую полномочия работника и возлагающую на работодателя новые обязанности, должны учитывать, что данная ситуация негативно отражается на соблюдении баланса интересов и защиты законных интересов работодателя, которых также необходимо защищать.

В качестве итогового вывода следует также отметить, что поскольку нормы ТК РФ, регулирующие вопросы сокращения штата и численности работников, затрагивают конституционное право на труд, судебная практика, нормы трудового права должны, с одной стороны, обеспечивать защиту работников от произвольных действий работодателя при осуществлении соответствующих мероприятий по сокращению, но при этом, с другой стороны, не возлагая на работодателя обязанностей, по сути лишаящих его возможности воспользоваться своим правом на сокращение численности или штата работников. Конечно, важнейшей задачей федерального законодательства и судов является защита прав работников при проведении процедур по сокращению штата и численности. Однако, анализируя вопросы, связанные с применением законодательства по вопросам сокращения численности или штата работников, необходимо обязательно учитывать принцип соблюдения баланса интересов работников и работодателя, «поскольку данный баланс представляется тем более важным, что выбор в пользу одной из сторон неизбежно приведет к негативным последствиям, которые в итоге ощутят обе стороны трудового правоотношения» [21].

При этом, вынося решение по тому или иному спору по вопросам трудового права, судам необходимо учитывать, что юридические лица, консультирующие юристы, принимая решения по порядку организации процедуры сокращения, анализируют складывающуюся судебную практику, чтобы спрогнозировать или минимизировать возможные правовые риски и решить, как применять норму права с учетом сложившейся судебной практики. Анализ судебной практики при принятии организационных решений по вопросам трудового права проводится работодателем одновременно с анализом требований федерального законодательства, содержащихся в его нормах. Более того, суды при рассмотрении споров, во избежание последующей отмены вынесенных судебных решений, также изучают судебную практику по аналогичным спорам. С учетом всего вышеизложенного, тем более важен вопрос систематизации судебной практики и выработки единых подходов судебных органов к толкованию норм трудового права.

Пристатейный библиографический список

1. *Карпетов А. Г.* Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. М. : Статут, 2011.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса РФ» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2006 г. № 581-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Витовой Антонины Степановны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 179 Трудового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Конституционного Суда РФ от 16 апреля 2009 г. № 538-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Марковского Геннадия Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 179 Трудового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Конституционного Суда РФ от 24 октября 2013 г. № 1541-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Палхаевой Марии Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 81, частью первой статьи 179 и частью первой статьи 180 Трудового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение Конституционного Суда РФ от 28 января 2016 г. № 7-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Дамурчиевой-Скроботовой Виктории Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 179 Трудового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Апелляционное определение Смоленского областного суда от 17 июля 2012 г. по делу № 33-2281/12 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Апелляционное определение Московского городского суда от 12 февраля 2019 г. по делу № 33-5892/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Апелляционное определение Ростовского областного суда от 15 января 2015 г. по делу № 33-214/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Апелляционное определение Московского городского суда от 18 февраля 2013 г. по делу № 11-4792 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ от 22.03.2021 № 53-КГ20-28-К8 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Башкортостан от 20 января 2015 г. по делу № 33-18392/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Апелляционное определение Ростовского областного суда от 11 февраля 2016 г. по делу № 33-1893/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 3 февраля 2022 г. по делу № 88-1786/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 1 ноября 2016 г. № 33-14166 по делу № 2-887/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Апелляционное определение Московского городского суда от 22 марта 2019 г. № 33-12666/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 26 апреля 2021 г. № 88-10196/2021 по делу № 88-5462/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

18. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10 июня 2021 г. № 88-10196/2021 по делу № 2-60/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

19. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13 октября 2021 г. № 88-14828/2021 по делу № 2-3686/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

20. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20 мая 2021 г. № 88-12202/2021 по делу № 2-2672/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

21. Головина С. Ю., Лютов Н. Л. Верховный Суд Российской Федерации – законодатель в сфере трудового права? // Журнал российского права. 2022. № 10.

References

1. *Karapetov A. G.* The Struggle for the Recognition of Judicial Lawmaking in European and American Law. Moscow: Statut, 2011. (In Russ.)

2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 17 March 2004 No. 2 “On the Application of the Labor Code of the Russian Federation by the Courts of the Russian Federation” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

3. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 21 December 2006 No. 581-О “On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Vito-va Antonina Stepanovna for Violation of Her Constitutional Rights by Part One of Article 179 of the Labor Code of the Russian Federation” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

4. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16 April 2009 No. 538-О-О “On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Gennady Nikolaevich Markovsky for Violation of His Constitutional Rights by Part One of Article 179 of the Labor Code of the Russian Federation” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

5. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24 October 2013 No. 1541-О “On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Palkhaeva Maria Vladimirovna for Violation of Her Constitutional Rights by Part Three of Article 81, Part One of Article 179 and Part One of Article 180 of the Labor Code of the Russian Federation” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

6. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 28 January 2016 No. 7-О “On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Damurchieva-Skrobotova Victoria Vladimirovna for Violation of Her Constitutional Rights by Part One of Article 179 of the Labor Code of the Russian Federation” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

7. Appeal Ruling of the Smolensk Regional Court of 17 July 2012 in case No. 33-2281/12 (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

8. Appeal Ruling of the Moscow City Court of 12 February 2019 in case No. 33-5892/2019 (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

9. Appeal Ruling of the Rostov Regional Court of 15 January 2015 in case No. 33-214/2015 (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

10. Appeal Ruling of the Moscow City Court of 18 February 2013 in case No. 11-4792 (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

11. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 22 March 2021 No. 53-KG20-28-K8 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
12. Appellate Ruling of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan of 20 January 2015 in case No. 33-18392/2014 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
13. Appeal Ruling of the Rostov Regional Court of 11 February 2016 in case No. 33-1893/2016 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
14. Ruling of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction of 3 February 2022 in case No. 88-1786/2022 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
15. Appeal Ruling of the St. Petersburg City Court of 1 November 2016 No. 33-14166 in case No. 2-887/2016 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
16. Appeal Ruling of the Moscow City Court of 22 March 2019 No. 33-12666/2019 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
17. Ruling of the Third Cassation Court of General Jurisdiction of 26 April 2021 No. 88-10196/2021 in case No. 88-5462/2021 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
18. Ruling of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction of 10 June 2021 No. 88-10196/2021 in case No. 2-60/2020 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
19. Ruling of the Third Cassation Court of General Jurisdiction of 13 October 2021 No. 88-14828/2021 in case No. 2-3686/2020 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
20. Ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction of 20 May 2021 No. 88-12202/2021 in case No. 2-2672/2020 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
21. *Golovina S. Iu., Liutov N. L.* The Supreme Court of the Russian Federation – A Legislator in the Field of Labor Law? *Journal of Russian Law*, 2022, no. 10. (In Russ.)

Сведения об авторе:

П. М. Смирнов – аспирант.

Information about the author:

P. M. Smirnov – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 26.02.2024; одобрена после рецензирования 22.03.2024; принята к публикации 05.06.2024.

The article was submitted to the editorial office 26.02.2024; approved after reviewing 22.03.2024; accepted for publication 05.06.2024.

Научная статья

УДК 342.76

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-196-210>

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ COVID-19

Александр Александрович Смирных

Пензенский государственный университет, 440026, Россия, г. Пенза,

ул. Красная, д. 40

s54703@yandex.ru

Аннотация

Российское общество, как и человечество в целом, иногда сталкивается с экстраординарными ситуациями, не вписывающимися в общую «канву» регулирования ограничения прав и свобод человека, что обуславливает необходимость изучения данных ситуаций. Одной из таких ситуаций стала пандемия COVID-19. Предметом статьи являются нормы российского права, регулирующие порядок ограничения прав и свобод человека в России, а также нормы права, посвященные вопросам обеспечения здоровья и санитарно-эпидемиологического состояния населения. Цель работы – провести сравнительный анализ законодательства об ограничении прав и свобод человека и гражданина в условиях пандемии коронавирусной инфекции. Методологическую основу составили диалектико-материалистический метод, методы анализа и синтеза, формально-юридический метод. В результатах исследования указывается, что установление ограничений прав человека в целях противодействия распространению COVID-19 органами государственной власти субъектов РФ изначально не являлось проявлением введенных ими режимов повышенной готовности, однако не противоречило российскому законодательству об обеспечении здоровья и эпидемиологического благополучия населения в экстраординарных условиях. Введение ограничений прав человека в условиях пандемии COVID-19 органами государственной власти субъектов РФ не представляло собой проявление режима повышенной готовности, до внесения изменений в соответствующее законодательство 1 апреля 2020 г., но представляло собой самостоятельное мероприятие по защите здоровья и эпидемиологического здоровья населения в экстраординарных условиях.

Ключевые слова: ограничение прав человека; пандемия коронавирусной инфекции COVID-19; режим повышенной готовности; самоизоляция; карантин.

Для цитирования: Смирных А. А. Особенности правового режима ограничения прав человека в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 196–210. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-196-210>

Research Article

FEATURES OF THE LEGAL REGIME OF HUMAN RIGHTS RESTRICTIONS IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 CORONAVIRUS PANDEMIC

Alexander A. Smirnykh

Penza State University, 40 Krasnaia St., Penza, 440026, Russia
s54703@yandex.ru

Abstract

Russian society, like humanity as a whole, sometimes encounters extraordinary situations that do not fit into the general “outline” of regulating the restriction of human rights and freedoms, which necessitates the study of these situations. One of these situations was the COVID-19 pandemic. The subject of the article is the norms of Russian law regulating the procedure for restricting human rights and freedoms in Russia, as well as the norms of law on issues of ensuring the health and sanitary-epidemiological condition of the population. The purpose of the work is to conduct a comparative analysis of Russian legislation on the restriction of human and civil rights and freedoms in the context of the coronavirus pandemic. The methodological basis was made up of the dialectical-materialistic method, methods of analysis and synthesis, and the formal legal method. The results of the study indicate that the establishment of restrictions on human rights in order to counter the spread of COVID-19 by the state authorities of the subjects of the Russian Federation was not initially a manifestation of the high-alert regimes they introduced, but did not contradict Russian legislation on ensuring the health and epidemiological well-being of the population in extraordinary conditions. The introduction of restrictions on human rights in the context of the COVID-19 pandemic by the state authorities of the subjects of the Russian Federation did not represent a manifestation of a high-alert regime, before amendments were made to the relevant legislation on April 1, 2020, but represented an independent measure to protect the health and epidemiological health of the population in extraordinary conditions.

Keywords: restriction of human rights; COVID-19 coronavirus pandemic; high alert; self-isolation; quarantine.

For citation: *Smirnykh A. A. Features of the Legal Regime of Human Rights Restrictions in the Context of the COVID-19 Coronavirus Pandemic. Herald of the Russian Law Academy, 2024, no. 2, pp. 196–210. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-196-210>*

Введение

Вспыхнувшая в начале 2020 г. пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 вновь вывела на повестку дня мирового сообщества дискуссионный вопрос о правах человека через призму необходимости проведения профилактических прививок в частности, и обеспечения здоровья населения в целом. Данный спор проистекает из извечного морального противостояния касательно вопроса о распоряжении человеком своими правами – с одной стороны, право отказаться от осуществления прививки, с другой – право на мероприятия по обеспечению здоровья и благополучия населения, в том числе на купирование распространения инфекционных заболеваний. Рассмотрим данный правовой вопрос по порядку, начиная с положений Конституции России.

Согласно ч. 1 и 2 ст. 41 Конституции РФ в России каждому гарантируется право на охрану здоровья и медицинскую помощь, а также финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения. Важно отметить, что Конституция не гарантирует каждому право на здоровье, ограничиваясь правом на его охрану, что является следствием исключительно субъективной природы человека, его физиологических и психических характеристик. Установление Основным законом РФ права на здоровье было бы заранее невозможным к полному обеспечению, а норма, гарантирующая данное право, заведомо была бы мертвой. В связи с этим российская Конституция гарантирует исключительно право на охрану здоровья и проистекающее из него право на медицинскую помощь.

1. Особенности права на здоровье и его охраны в российском праве

Под здоровьем, согласно российскому законодательству, понимается состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма [1] (соответствующее определение было основано на определении здоровья, сформулированном в Уставе (Конституции) Всемирной организации здравоохранения [2]). При этом под охраной здоровья, согласно Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»), следует понимать систему мер политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского, в том числе санитарно-противоэпидемического (профилактического), характера, осуществляемых органами государственной власти РФ, органами государственной власти субъектов РФ, органами

местного самоуправления, организациями, их должностными лицами и иными лицами, гражданами в целях профилактики заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья каждого человека, поддержания его долголетней активной жизни, предоставления ему медицинской помощи [1]. Исходя из данного определения, можно выделить ряд важных правовых характеристик как охраны здоровья, так и соответствующего ей права.

Во-первых, охрана здоровья – комплексная деятельность, состоящая из множества разнопорядковых компонентов:

- 1) создания и постоянного реформирования необходимой правовой основы деятельности в сфере здравоохранения;
- 2) создание, развитие и обеспечение деятельности соответствующей организационной государственной, а также муниципальной, структуры;
- 3) гарантирование возможности создания и эффективного функционирования частного сектора в сфере медицины и здравоохранения;
- 4) обеспечение экономической возможности граждан обращаться к услугам частных медицинских клиник;
- 5) обеспечение просветительской деятельности в сфере здравоохранения, в том числе в сфере иммунопрофилактики.

Во-вторых, несмотря на включение в качестве субъектов мер, реализуемых в ходе осуществления охран здоровья, не только государства, основная тяжесть решения данного вопроса лежит именно на нем. Данный вывод следует из положения ст. 2 Конституции РФ, согласно которой признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Из этого следует, что именно государство и его компетентные органы и должностные лица несут позитивную ответственность, а в определенных случаях и негативную, например, при нарушении положений ч. 3 ст. 41 Конституции РФ, за организацию системы охраны здоровья.

В-третьих, право на охрану здоровья не может быть реализовано без волеизъявления человека, как субъекта и носителя данного права. Из этого следует, что даже в случае создания безупречной системы здравоохранения ее уровень эффективности будет прямо пропорционален уровню готовности граждан реализовывать данное право всеми допустимыми вариантами.

В-четвертых, часто реализация права на охрану здоровья одного человека находится в тесной, прямой зависимости от реализации данного права другим человеком. Данная степень взаимной зависимости раскрывается в отношении реализации права на охрану здоровья «от» инфекционных заболеваний.

Наглядным примером такой взаимозависимости права на охрану здоровья стала ситуация, вызванная новой коронавирусной инфекцией *COVID-19* в 2020–2021 гг. Возникновение и стремительное распространение новой инфекции, высокая степень контагиозности и наступления летального исхода заболевших потребовали принятия экстренных и часто неординарных мер для защиты не только права человека на охрану здоровья, но и коррелирующего с ним права на жизнь. Соответствующие мероприятия предусматривали определенные ограничения прав в целях обеспечения защиты права на охрану здоровья.

2. Анализ актов, введших ограничения прав человека в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 в России

Одним из первых актов федерального уровня, вводящих ограничения прав человека в целях защиты права на охрану здоровья стало постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 18 марта 2020 г. № 7 «Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-2019» [3]. Центральной ограничительной мерой, устанавливаемой данным правовым актом, стало введение режима самоизоляции для всех лиц, прибывающих на территорию Российской Федерации, продолжительностью 14 календарных дней со дня их прибытия [3]. Данная обязанность представляет собой вариант ограничения свободы передвижения, предусмотренной ст. 27 Конституции РФ.

Следующим знаковым нормативным правовым актом федерального уровня, также ставшим правовой основой введения ограничений прав и свобод в связи с новой коронавирусной инфекцией COVID-19, стал указ Президента РФ от 11 мая 2020 г. № 316 «Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» [4] (далее – Указ Президента РФ № 316). Данный указ не вводит непосредственно ограничения прав, однако обязует действовать подобным образом высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ. Так, п. 1 Указа Президента РФ № 316 обязует высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) в случае необходимости: продлевать действие ограничительных мер, направленных на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения на соответствующих территориях субъекта РФ; приостанавливать либо ограничивать, в том числе путем определения особенностей режима работы, численности работников, деятельности находящихся на соответствующей территории отдельных организаций независимо от организационно-правовой формы и формы собственности; устанавливать в случае необходимости особый порядок передвижения на соответствующей территории лиц и транспортных средств [4]. Таким образом, данный нормативный правовой акт напрямую определяет варианты ограничения прав и свобод (преимущественно свободы передвижения), которые непосредственно вводятся уже на уровне субъектов РФ.

Указ Президента РФ № 316 передал инициативу по вопросу введения и продления ограничений прав и свобод в руки органов государственной власти субъектов РФ. Следствием данного распределения полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти ее субъектов стала разная правотворческая практика. Проанализируем некоторые нормативные правовые акты субъектов РФ на примере города Москвы, принятые для борьбы с новой коронавирусной инфекцией COVID-19, и ограничивающие с этой целью права и свободы.

Актом, ограничивающим права граждан на территории города Москвы, в частной и публичной сферах жизни человека (ограничения экономических, социальных и культурных прав и свобод нас пока не интересуют), стал указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности» [5].

Стоит отметить, что данный Указ предупредил постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 18 марта 2020 г. № 7 «Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-2019», введя режим самоизоляции для всех лиц, прибывающих на территорию Российской Федерации, продолжительностью 14 календарных дней со дня их прибытия прибывших из Китайской Народной Республики, Республики Кореи, Итальянской Республики, Исламской Республики Иран, Французской Республики, Федеративной Республики Германии, Королевства Испании, а также других государств с неблагоприятной ситуацией с распространением новой коронавирусной инфекции [5]. Затем в названный Указ неоднократно вносились изменения, с целью ужесточения ограничений прав и свобод. Так, 10 марта 2020 г. было запрещено до 10 апреля 2020 г. проведение на территории города Москвы спортивных, зрелищных, публичных и иных массовых мероприятий с числом участников более 5 тыс. человек (указ мэра Москвы от 10 марта 2020 г. № 17-УМ «О внесении изменения в указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ» [6]); 25 марта 2020 г. – приостановлено проведение в городе Москве досуговых, развлекательных, зрелищных, культурных, физкультурных, спортивных, выставочных, просветительских, рекламных и иных подобных мероприятий с очным присутствием граждан, а также оказание соответствующих услуг, в том числе в парках культуры и отдыха, торгово-развлекательных центрах, на аттракционах и в иных местах массового посещения граждан, а также посещение гражданами зданий, строений, сооружений (помещений в них), предназначенных преимущественно для проведения указанных мероприятий (оказания услуг) (указ мэра Москвы от 25 марта 2020 г. № 28-УМ «О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ» [7]); с 26 марта 2020 г. – введена обязанность соблюдать режим самоизоляции граждан в возрасте старше 65 лет, а также граждан, имеющих определенные заболевания (указ мэра Москвы от 26 марта 2020 года № 31-УМ «О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ» [8]); 29 марта 2020 г. – в отношении всех жителей столицы, независимо от возраста, была введена обязанность не покидать места проживания (пребывания), за исключением определенных случаев (указ мэра Москвы от 29 марта 2020 г. № 34-УМ «О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ» [9]).

Проведя анализ данных актов и предусмотренных в них мер противодействия распространению коронавирусной инфекции COVID-2019, можно выделить в них ограничение следующих конституционных прав и свобод: свобода передвижения (ст. 27 Конституции РФ) – режим самоизоляции, обязанность граждан не покидать места жительства (пребывания) за исключением определенных случаев, свобода собраний (ст. 31 Конституции РФ) – приостановление проведения публичных мероприятий с очным участием граждан. Косвенно также была ограничена свобода вероисповедания (ст. 28 Конституции РФ), гарантирующая каждому право исповедовать совместно с другими любую религию.

3. Особенности режима ограничения прав человека в условиях пандемии COVID-19 в России

Факт введения ограничений прав человека в целях предотвращения распространения COVID-2019 вызвал дискуссию как в обществе в целом, так и в кругу уче-

ных-юристов. Стоит отметить, что данная дискуссия вышла на международный характер, что выразилось в крайне противоположных реакциях разных государств. Как отмечает А. Н. Сквозников, «опыт Китайской Народной Республики показал, что жесткие методы государственного управления, в том числе карантинные меры, позволили быстро купировать распространение эпидемии на всей территории государства» [10]. С другой стороны, А. Н. Сквозников обращает внимание на Швецию, отказавшуюся вводить жесткие ограничения [Там же].

По мнению А. А. Васяева, введенные ограничения являются нелегитимными [11]. С данной позицией невозможно согласиться, поскольку, согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты здоровья других лиц, в то время как ст. 8 Закона РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (далее – Закон РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации») устанавливает, в неконкретных формулировках, возможность введения соответствующего ограничения [12].

Возникновение противоположных взглядов в научном и общественном дискурсе относительно введения ограничений в условиях противодействия распространению инфекции *COVID-2019* является следствием извечного столкновения частных и публичных интересов. Однако поддержка крайних точек зрения, в частности о недопустимости ограничения прав человека в подобной ситуации, как это было указано выше, представляется неконструктивной, наносящей удар по собственному «краеугольному камню». Так, нарушение публичных интересов, в данном случае – интереса по обеспечению здоровья и эпидемиологического благополучия населения, неминуемо влечет за собой удар по субъективному праву на здоровье, тем самым ущемляя частный интерес. Кроме того, реализация подобных крайних взглядов нарушает достижение необходимого баланса частных и публичных интересов.

Более глубокой и сложной представляется позиция, согласно которой для введения ограничения прав человека в целях противодействия распространению инфекции *COVID-2019* был использован неподходящий правовой режим. Так, по мнению Е. Н. Дорошенко, указанные выше ограничения были введены в субъектах РФ в связи с установлением режима повышенной готовности [13]. Данный правовой режим предусмотрен подп. «б» п. 6 ст. 4.1 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее – ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»), который вводится при угрозе возникновения чрезвычайной ситуации [14].

Е. Н. Дорошенко выражает недоумение касательно использования данного правового режима для противодействия распространению коронавирусной инфекции *COVID-2019*, так как, согласно п. 10 ст. 4.1 Федерального закона № 68-ФЗ, в качестве инструментов правового регулирования, выражающихся в ограничении прав человека в условиях указанного режима, предусматривает лишь возможность ограничения доступа людей и транспортных средств на территорию, на которой су-

ществуется угроза возникновения чрезвычайной ситуации (подп. «а» п. 10 ст. 4.1 Федерального закона № 68-ФЗ) [12]. Более того, подп. «д» п. 10 ст. 4.1 ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» прямо устанавливает, что в условиях режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации органы государственной власти, как регионального, так и федерального уровня, осуществляют меры, обусловленные развитием чрезвычайной ситуации, не ограничивающие прав и свобод человека и гражданина и направленные на защиту населения и территорий от чрезвычайной ситуации, создание необходимых условий для предупреждения и ликвидации чрезвычайной ситуации и минимизации ее негативного воздействия [14]. Таким образом, режим повышенной готовности не создает правового поля, необходимого для возможности введения ограничения всего того спектра прав и свобод, которые были подвергнуты ограничениям нормативно-правовыми актами субъектов Российской Федерации в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-2019.

При этом подп. «а.1» и «а.2» ст. 10 – наделяющие Правительство РФ полномочием по введению режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации на всей территории Российской Федерации либо на ее части в случае угрозы возникновения и (или) возникновения чрезвычайной ситуации федерального или межрегионального характера и установлению обязательных для исполнения гражданами правила поведения, коррелирующих соответствующим правовым режимам, а также подп. «у» и «ф» п. 1 ст. 11 ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», наделяющие органы государственной власти субъектов РФ аналогичными полномочиями (подп. «ф» также позволяет вводить дополнительные обязательные правила для граждан в дополнение к установленным Правительством РФ), были внесены в данный закон уже после начала пандемии и введения исследуемых ограничений Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» [15], в целях оперативной адаптации законодательства к реализованной модели ограничительных мер [13].

В то же время постановление Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации» – которое также было принято после введения ограничительных мер и до внесения поправок, наделяющих Правительство Российской Федерации полномочием по утверждению соответствующих правил поведения – закономерно и логично устанавливает обязанность граждан по соблюдению общественного порядка, требований законодательства Российской Федерации о защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения [16]. То есть данные правила опираются не только на положения ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», но и, что вполне обоснованно, на положения Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (далее – ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом

благополучия населения»), который, однако, наделяет органы государственной власти субъектов Российской Федерации полномочием по введению и отмене на территории субъекта Российской Федерации ограничительных мероприятий (карантина), но не режима самоизоляции, на основании предложений, предписаний главных государственных санитарных врачей и их заместителей – данное полномочие предусматривалось как в редакции закона на весну 2020 г., так и в современной редакции [17; 18].

При этом, несмотря на определенную схожесть содержания самоизоляции и карантина, о чем свидетельствует широкое и пространное определение карантина (административные, медико-санитарные, ветеринарные и иные меры, направленные на предотвращение распространения инфекционных заболеваний и предусматривающие особый режим хозяйственной и иной деятельности, ограничение передвижения населения, транспортных средств, грузов, товаров и животных) [17; 18], данные правовые режимы имеют разную правовую природу. Так, как указывают Н. В. Панкевич и В. В. Руденко, можно выделить следующие отличительные черты режимов самоизоляции и карантина: 1) круг ограничительных мероприятий при самоизоляции уже и ограничение передвижения распространяется исключительно на физических лиц, в то время как карантин может распространяться на транспортные средства, грузы, товары, животные, что следует из его легального определения; 2) самоизоляция устанавливается применительно к субъекту – категории лиц – в то время как карантин к объекту, например, территории; 3) порядок осуществления карантина устанавливается санитарными правилами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, правила введения режима самоизоляции – актами о введении режима повышенной готовности и карантина; 4) карантин вводится (отменяется) на основании предложений, предписаний главных государственных санитарных врачей и их заместителей решением Правительства РФ или органа исполнительной власти субъекта РФ, органа местного самоуправления, а также решением уполномоченных должностных лиц федерального органа исполнительной власти или его территориальных органов, структурных подразделений, в ведении которых находятся объекты обороны и иного специального назначения, самоизоляция в период распространения коронавирусной инфекции вводился актами высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) и актами органа местного самоуправления в рамках режимов повышенной опасности [17–19].

Следовательно, правила введения режима карантина для режима самоизоляции не применимы, а это значит, что отсылка постановления Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации» на Федеральный закон № 52-ФЗ, с точки зрения введения карантина, бесполезна.

Аналогичным образом, ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» не применим и к иным ограничениям, вводившимся вне рамок режима самоизоляции, например, обязанность не покидать места проживания (пребывания) граждан вне зависимости от возраста, ограничивающая свободу передвижения.

Соответственно, на момент введения субъектами РФ соответствующих ограничений, в России не существовало правовой основы регулирования порядка утверждения соответствующих ограничений, (вне зависимости от того вводились ли они в рамках режима самоизоляции или нет) что привело к опережению принятия подзаконных правовых актов над законами а регионального законодательства над федеральным, и реализации отдельных конституционных прав граждан на основе подзаконных правовых актов [13].

Стоит отметить, что данный жизненный пример опережающего урегулирования субъектом вопросов, неурегулированных Российской Федерацией был оправдан Конституционным Судом РФ. Так, в постановлении от 25 декабря 2020 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» [20] Конституционный Суд РФ указал на то, что данные меры были приняты в экстраординарной обстановке, не носили абсолютного характера, так как допускали определенные исключения из введенных ограничений, и были направлены на защиту жизни и здоровья человека. Тот факт, что в данной обстановке Губернатором Московской области, как и в большинстве субъектов РФ, было осуществлено опережающее нормотворчество, по мнению Конституционного Суда РФ, вследствие (спустя незначительный период) легитимации данных ограничительных мероприятий правовыми актами федерального уровня, не может расцениваться как противоречие положениям Конституции Российской Федерации [19].

В то же время Конституционный Суд РФ указывает на положение ст. 1 и 8 Закона РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», согласно которому, в соответствии с законами Российской Федерации, свобода передвижения может ограничиваться на отдельных территориях и в населенных пунктах, где в случае опасности распространения инфекционных и массовых неинфекционных заболеваний и отравлений людей введены особые условия и режимы проживания населения и хозяйственной деятельности [12]. В то же время Конституционный Суд РФ указывает, что в отношении вопросов совместного ведения, к коим относится защита прав и свобод человека и гражданина, а также обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности (п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ), законодатель субъекта вправе самостоятельно решать правотворческие задачи по вопросам, не получившим содержательного выражения в федеральном законе, не отступая от конституционных требований о непротиворечии законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации федеральным законам и о соблюдении прав и свобод человека и гражданина [20]. На основе сказанного выше можно сделать вывод о том, что принятые в субъектах РФ меры, направленные на купирование распространения новой коронавирусной инфек-

ции COVID-2019, в том числе посредством ограничения свободы передвижения, являются практическим примером, когда субъект в условиях обозначения общих рамок федерацией, принимает конкретные экстраординарные решения. При этом введенный режим повышенной готовности не «поглощает» осуществление данных мероприятий, по крайней мере до принятия подп. «у» и «ф» п. 1 ст. 11 ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», а в указанном случае является параллельной мерой, принятой для предотвращения распространения коронавирусной инфекции COVID-2019.

Таким образом, представляется правильным отметить, что в данном случае имела место быть несколько неграмотная аргументация посредством отсылки к режиму повышенной готовности, о возможности введения ограничительных мероприятий субъектами Российской Федерации без их апелляции к положениям Закона РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации». Тем не менее данное обстоятельство не влияет на содержательную сторону использованного порядка ограничения прав человека субъектами Российской Федерации.

Заключение

Подводя итог анализу правового режима ограничения прав и свобод человека в условиях противодействия распространению коронавирусной инфекции COVID-2019, следует отметить, что возникшая относительно указанных ограничений дискуссия является примером столкновения частных и публичных интересов, а также реакцией на необходимость обеспечения их разумного баланса и взаимной защищенности.

При этом указание в некоторой научной юридической литературе на несоответствие законности данных ограничений режиму повышенной готовности является не верным. Так, до принятия Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» вводимые субъектами Федерации ограничения прав не являлись проявлением режима повышенной готовности. Они представляли собой самостоятельные меры, ограничивающие права человека, в частности свободу передвижения, нормативной правовой основой применения которых являлся Закон РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации». Принятие же субъектами РФ конкретных ограничительных мер, не прописанных в указанном законе, является следствием экстраординарности ситуации, несовершенства системы российской права в области обеспечения эпидемиологического благополучия населения на момент возникновения и распространения новой коронавирусной ситуации, формально оправданной в силу его последующего «узаконения» федеральным законодателем.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 11 июня 2022 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724; 2022. № 29 (ч. 3) Ст. 5284.
2. Устав (Конституция) всемирной организации здравоохранения // World Health Organization : сайт. URL: <https://www.who.int/ru/about/governance/constitution> (дата обращения: 04.12.2022).
3. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 18 марта 2020 г. № 7 «Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-2019» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Указ Президента РФ от 11 мая 2020 г. № 316 «Об определении порядка prolongирования действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности» // Вестник Мэра и Правительства Москвы 2020. № 14.
6. Указ Мэра Москвы от 10 марта 2020 г. № 17-УМ «О внесении изменения в указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ» // Вестник Мэра и Правительства Москвы 2020. № 13.
7. Указ Мэра Москвы от 25 марта 2020 г. № 28-УМ «О внесении изменения в указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ» // Вестник Мэра и Правительства Москвы 2020. № 18.
8. Указ Мэра Москвы от 26 марта 2020 г. № 31-УМ «О внесении изменения в указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ» // Вестник Мэра и Правительства Москвы 2020. № 18.
9. Указ Мэра Москвы от 29 марта 2020 г. № 34-УМ «О внесении изменения в указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ» // Вестник Мэра и Правительства Москвы 2020. № 19.
10. Сквозников А. Н. Ограничение прав и свобод человека в условиях пандемии COVID-19 : международно-правовые аспекты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 3.
11. Васяев А. А. Ограничение прав человека в России в период пандемии вируса COVID-19 // Право и государство: теория и практика. 2020. № 7 (187).
12. Закон РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1993. № 32. Ст. 1227; СЗ РФ. 2023. № 5. Ст. 701.
13. Дорошенко Е. Н. Конституционно-правовые основы ограничения прав человека в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 12 (121).
14. Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (в ред. от 4 ноября 2022 г.) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3648; 2022. № 45. Ст. 7668.

15. Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // СЗ РФ. 2020. № 14 (ч. 1). Ст. 2028.

16. Постановление Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650; 2022. № 45. Ст. 7674.

18. Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650; 2020. № 29. Ст. 4504.

19. Панкевич Н. В., Руденко В. В. Самоизоляция как правовой режим : опыт России // Правопорядок : история, теория, практика. 2021. № 2 (29).

20. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 декабря 2020 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Federal Law of 21 November 2011 No. 323-FZ "On the Basics of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation" (as amended on 11 June 2022). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2011, no. 48, art. 6724; 2022, no. 29 (part 3), art. 5284. (In Russ.)

2. Charter (Constitution) of the World Health Organization. URL: <https://www.who.int/ru/about/governance/constitution> (date of the application: 04.12.2022). (In Russ.)

3. Resolution of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation of 18 March 2020 No. 7 "On Ensuring the Isolation Regime in Order to Prevent the Spread of COVID-2019" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

4. Decree of the President of the Russian Federation of 11 May 2020 No. 316 "On Determining the Procedure for Extending Measures to Ensure the Sanitary and Epidemiological Well-Being of the Population in the Subjects of the Russian Federation in Connection with the Spread of a New Coronavirus Infection (COVID-19)" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

5. Decree Mayor of Moscow of 5 March 2020 No. 12-UM "On the Introduction of a High-Alert Regime". *Bulletin of the Mayor and Government of Moscow*, 2020, no. 14. (In Russ.)

6. Decree of the Mayor of Moscow of 10 March 2020 No. 17-UM "On Amendments to the Decree of the Mayor of Moscow of 5 March 2020 No. 12-UM". *Bulletin of the Mayor and Government of Moscow*, 2020, no. 13. (In Russ.)

7. Decree of the Mayor of Moscow of 25 March 2020 No. 28-UM "On Amendments to the Decree of the Mayor of Moscow of 5 March 2020 No. 12-UM". *Bulletin of the Mayor and Government of Moscow*, 2020, no. 18. (In Russ.)

8. Decree of the Mayor of Moscow of 26 March 2020 No. 31-UM "On Amendments to the Decree of the Mayor of Moscow of 5 March 2020 No. 12-UM". *Bulletin of the Mayor and Government of Moscow*, 2020, no. 18. (In Russ.)

9. Decree of the Mayor of Moscow of 29 March 2020 No. 34-UM "On Amendments to the Decree of the Mayor of Moscow dated March 5, 2020 No. 12-UM". *Bulletin of the Mayor and Government of Moscow*, 2020, no. 19. (In Russ.)

10. Draughtsman A. N. Restriction of Human Rights and Freedoms in the Context of the COVID-19 Pandemic: International Legal Aspects. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2022, vol. 15, no. 3. (In Russ.)

11. Vasiaev A. A. Restriction of Human Rights in Russia During the COVID-19 Virus Pandemic. *Law and the State: Theory and Practice*, 2020, no. 7 (187). (In Russ.)

12. Law of the Russian Federation of 25 June 1993 No. 5242-I "On the Right of Citizens of the Russian Federation to Freedom of Movement, Choice of Place of Stay and Residence Within the Russian Federation". *Vedomosti of the Congress of People's Deputies and the Supreme Council of the Russian Federation*, 1993, no. 32, art. 1227; *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2023, no. 5, art. 701. (In Russ.)

13. Doroshenko E. N. Constitutional and Legal Foundations of the Restriction of Human Rights in Connection with the Pandemic of a New Coronavirus Infection. *Actual Problems of Russian Law*, 2020, vol. 15, no. 12 (121). (In Russ.)

14. Federal Law of 21 December 1994 No. 68-FZ "On the Protection of the Population and Territories from Natural and Man-Made Emergencies" (as amended on 4 November 2022). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1994, no. 35, art. 3648; 2022, no. 45, art. 7668. (In Russ.)

15. Federal Law of 1 April 2020 No. 98-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Prevention and Liquidation of Emergency Situations". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 14 (part 1), art. 2028. (In Russ.)

16. Decree of the Government of the Russian Federation of 2 April 2020 No. 417 "On Approval of the Rules of Conduct Mandatory for Citizens and Organizations When Introducing a High-Alert or Emergency Situation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

17. Federal Law of 30 March 1999 No. 52-FZ "On Sanitary and Epidemiological Welfare of the Population". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1999, no. 14, art. 1650; 2022, no. 45, art. 7674. (In Russ.)

18. Federal Law of 30 March 1999 No. 52-FZ "On Sanitary and Epidemiological Welfare of the Population". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1999, no. 14, art. 1650; 2020, no. 29, art. 4504. (In Russ.)

19. Pankevich N. V., Rudenko V. V. Self-Isolation as a Legal Regime: The Experience of Russia. *Law and Order: History, Theory, Practice*, 2021, no. 2 (29). (In Russ.)

20. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25 December 2020 No. 11-P "On the Case of Verifying the Constitutionality of Subparagraph 3 of Paragraph 5 of the Decree of the Governor of the Moscow Region 'On the Introduction

of a High-Alert Regime in the Moscow Region for the Management Bodies and Forces of the Moscow Regional Emergency Prevention and Response System and Some Measures to Prevent the Spread of a New Coronavirus Infection (COVID-2019) on the Territory of the Moscow Region' in Connection With the Request of the Protvinsky City Court of the Moscow Region" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. А. Смирных – аспирант.

Information about the author:

A. A. Smirnykh – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 18.06.2023; одобрена после рецензирования 22.01.2024; принята к публикации 21.03.2024.

The article was submitted to the editorial office 18.06.2023; approved after reviewing 22.01.2024; accepted for publication 21.03.2024.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-211-226>

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ТЕОЛОГИЯ

Дарья Александровна Тарасова

Московская академия Следственного комитета РФ им. А. Я. Сухарева,
125080, Россия, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12

rpa@rpa-mjust.ru

Аннотация

Коррупция как явление представляет собой одну из наиболее острых социально-правовых проблем, которые необходимо решать на государственном уровне. Религия предлагает свои методы и варианты решения вопроса борьбы с коррупцией. Возможности противодействия коррупции в данной статье рассматриваются через призму теологии. Цель – теоретическое исследование проблем и задач антикоррупционной теологии, анализ Библии в контексте социально-правовых проблем, в том числе борьбы с коррупцией. В процессе исследования использовались методы логического анализа и синтеза. Автором отмечено, что существующие в религии и теологии методы предупреждения и пресечения коррупционного поведения положительно влияют на снижение количества коррупционных преступлений среди государственных служащих и сотрудников правоохранительных органов. Автор приходит к выводу, что правовое регулирование является важной составляющей для успешного контроля над взяточничеством, однако необходим также и комплексный научно-практический подход, в том числе и со стороны религии и теологии. Формирование антикоррупционного самосознания с помощью религиозных постулатов играет большую роль в прогрессивном развитии государства и общества, регулирует уровень духовно-нравственного просвещения, создает высокий уровень морально-личностной осознанности, что является гарантией снижения числа преступлений коррупционной направленности.

Ключевые слова: коррупция; противодействие коррупции; теология; религия; законодательство; государство; Библия; христианство.

Для цитирования: *Тарасова Д. А.* Антикоррупционная теология // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 211–226. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-211-226>

Research Article

ANTI-CORRUPTION THEOLOGY

Daria A. Tarasova

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
named after A. Ia. Sukharev, 12 Vrubel St., Moscow, 125080, Russia
rpa@rpa-mjust.ru

Abstract

Corruption as a phenomenon is one of the most acute socio-legal problems that need to be addressed at the state level. Religion offers its own methods and solutions to the issue of combating corruption. The possibilities of countering corruption in this article are considered through the prism of theology. The aim is a theoretical study of the problems and tasks of anti-corruption theology, an analysis of the Bible in the context of socio-legal problems, including the fight against corruption. The methods of logical analysis and synthesis were used in the research process. The author notes that the methods of preventing and suppressing corrupt behavior existing in religion and theology have a positive effect on reducing the number of corruption crimes among civil servants and law enforcement officers. The author concludes that legal regulation is an important component for successful control over bribery, but a comprehensive scientific and practical approach is also needed, including from the side of religion and theology. The formation of anti-corruption self-awareness with the help of religious postulates plays an important role in the progressive development of the state and society, regulates the level of spiritual and moral education, creates a high level of moral and personal awareness, which is a guarantee of reducing the number of corruption-related crimes.

Keywords: corruption; anti-corruption; theology; religion; legislation; state; Bible; Christianity.

For citation: *Tarasova D. A. Anti-Corruption Theology. Herald of the Russian Law Academy, 2024, no. 2, pp. 211–226. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-211-226>

Введение

В настоящее время коррупция является одной из наиболее актуальных проблем общества, государства и права. Многие мировые ученые, методисты и государственные служащие стремятся найти ответ на один из наиболее волнующих вопросов современности: каким образом можно победить коррупцию на всех уровнях власти? Для того чтобы искоренить явление взяточничества, теология предлага-

ет свои варианты решения этой проблемы, используя в качестве теоретической основы тексты священных книг. В данном исследовании будут рассматриваться взгляды православного христианства и Русской Православной Церкви на происхождение, предупреждение и искоренение взяточничества. Предполагается, что данная научная работа будет полезна в качестве теоретической основы для дальнейших исследований в данной области и будет являться возможностью расширить горизонты научных взглядов на проблематику борьбы с коррупцией через призму теологии. В статье проблема коррупционных проявлений и варианты ее решения будут рассмотрены через подробный анализ текстов Библии.

1. Определение понятия «коррупция»

Переходя непосредственно к исследованию, для начала необходимо обратить внимание на этиологию, т.е. происхождение слова «коррупция». В дословном переводе с латинского языка глагол «*corrumpere*» означает повреждать, расточать, истреблять, обольщать, позорить, бесчестить [1]. Вся совокупность приведенных лексических значений имеет негативную окраску, что, несомненно, подтверждает пагубность и отрицательный смысл данного социально-правового явления не только на уровне языка, но и на общественном уровне.

Для более полного понимания глубины и актуальности проблемы явление коррупции следует рассмотреть и с точки зрения юриспруденции. В Уголовном кодексе Российской Федерации присутствует глава 30, которая содержит в себе статьи и регулирует преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Конкретнее законодатель различает следующие виды коррупционного преступления: ст. 290 «Получение взятки», ст. 291 «Дача взятки», ст. 291.1 «Посредничество во взяточничестве», ст. 291.2 «Мелкое взяточничество» [2]. Таким образом, Уголовный кодекс различает несколько составов, по сути, одного и того же преступления.

Безусловно, любые проявления коррупции независимо от состава преступления имеют вредоносное и разрушительное влияние. Как справедливо отмечает в своем исследовании А. Ю. Епихин, коррупция как «негативное явление характерно практически для всех важных сфер деятельности государства, включая уголовно-процессуальную деятельность» [3].

Председатель СК России А. И. Бастрыкин в своем интервью информационному агентству «РИА Новости» отмечает, что «коррупция наносит колоссальный урон развитию государства» [4]. По его словам, только в 2016 г. фигурантами уголовных дел о взяточничестве оказались около 400 судей, следователей и прокуроров [Там же]. Безусловно, при таком развитии событий планомерное и прогрессивное государственное развитие становится практически невозможным, и этот факт указывает на крайне негативное влияние коррупции на социально-политическую жизнь страны.

Церковнославянский язык определяет коррупцию как мздоимство [5]. Известно, что взяточничество искажает и истребляет любую общечеловеческую ценность и религиозную благодетель, начиная от честности, порядочности, образованности и заканчивая верой, любовью к ближнему и смирением. Весь труд, направленный на достижение человеком целей в работе, может быть легко обесценен, поскольку

ку все это и продается, и покупается. Несмотря на кажущуюся легкость и беззаботность бытия коррупционера, дальнейшая его жизнь оборачивается против него общественным порицанием, унижением и посрамлением. Особенно сложно преступившему закон становится в тот момент, когда греховный и ненадежный источник гордыни и алчности в виде денег прекращает свое существование.

Таким образом, уже на данном этапе исследования мы можем прийти к заключению о том, что и теология, и юриспруденция, и лингвистика определяет коррупцию как негативное явление, с которым необходимо бороться.

2. Антикоррупционная пропаганда в Священном писании

Религия, несомненно, во все времена является опорой и духовно-нравственным ориентиром для населения многих стран. Как верно отметил в своем исследовании теолог С. И. Ивентьев, коррупция – это «не только правовое (уголовное), но и духовно-нравственное преступление» [6].

Теологи полагают, что нельзя останавливаться на решении проблемы взяточничества исключительно с помощью правового регулирования, необходимо подходить к вопросу искоренения коррупции и с позиции духовно-нравственного просвещения общества. Именно поэтому за весь период своего существования Церковь не только обращает внимание на общественные пороки, но и говорит об их пагубности и тлетворности. Несомненно, не остается в стороне и освещение религией коррупции как источника зла и безнравственности.

Для того чтобы рассмотреть вопрос коррупции с точки зрения теологии, необходимо обратиться к религиям и их источникам. Для начала стоит обратить внимание на то, как религия в пределах своих компетенций осуществляет борьбу со взяточничеством.

Примеры антикоррупционной пропаганды можно найти в христианском Священном писании, где не только упоминается греховность взяточников, но и перечисляются плачевные последствия их пагубной деятельности. Причем затронуты не только самих коррупционеров, но и народ их и страну. В Книге Второзаконие потенциальных нарушителей предупреждают прямо: «Не извращай закона, не смотри на лица и не бери даров, ибо дары ослепляют глаза мудрых и превращают <извращают> дело правых» (Втор. 16:19). В Писании многократно упоминается и слепота, которой могут быть подвержен каждый участник передачи взятки: как тот, кто дает взятку, так и тот, кто взятку берет. Например, книга Исход освещает это так: «Даров не принимай, ибо дары слепыми делают зрячих и превращают дело правых» (Исх. 23:8).

В реальности все происходит именно так, как гласят религиозные постулаты и церковная литература: коррупция ослепляет людей, затуманивает их разум – они перестают отдавать себе отчет в том, что поступают незаконно, вершат обман. И самое печальное: взяточники теряют способность замечать зло вокруг себя, следовательно, они больше не могут пресекать человеческие пороки, ограждать себя и окружающих от грехопадения.

Пророк Михей, один из ветхозаветных святых, говорит о мздоимстве так: «Руки их обращены к тому, чтобы уметь делать зло; начальник требует подарков, и судья судит за взятки, а вельможи высказывают злые хотения души своей и извращают

дело» (Мих. 7:3). Однако пророк не просто так упоминает этот факт. В дальнейшем он обращается к результатам пренебрежения постулатами веры и закона: «Итак, да будет страх Господень на вас: действуйте осмотрительно, ибо нет у Господа Бога нашего неправды, ни лицепрятия, ни мздоимства» (2 Пар. 19:7).

Рассмотрение темы коррупции в Новом завете происходит более подробно и тщательно. По отношению к взяточнику в Евангелии используется слово «мытарь». По сюжету, именно сборщики налогов были признаны мытарями. Их алчность, бесчестность и корыстолюбие имели повсеместный характер. В частности, Евангелие от Матфея определяет отношение к совершившему тебе зло человеку, который при этом не придавал значения ни твоим воззваниям, ни церковным запретам, так: «а если и церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь» (Мф. 18:17). То есть в данном случае мытарем является именно тот, кто был предан изгнанию из церкви и общества благодаря своим бесчеловечным и безнравственным поступкам. Именно это случается в дальнейшем и с взяточниками.

Евангелие от Марка рассматривает причины происхождения мытарских грехов: «Ибо извнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любоддеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство, – все это зло извнутри исходит и оскверняет человека» (Мк. 7:21–23). Именно алчные стремления любым способом нажиться являются грехопадением нашей человеческой души. Следовательно, именно нравственная сторона вопроса о коррупции является в данном случае решающей. Если человек грешен внутри, то никакие ограничения извне не смогут повлиять на него, равно как и нельзя повлиять на его собственное желание встать на путь истины и искупления.

В Священном Писании существует немало примеров того, как коррупционеры, следуя вере, исправляются. Самый показательный из них – история одного из ближайших учеников Христа, евангелиста и апостола Матфея. Именно он был одним из мытарей, деятельность которых презирало общество: «Проходя оттуда, Иисус увидел человека, сидящего у сбора пошлин, по имени Матфея, и говорит ему: следуй за Мною. И он встал и последовал за Ним» (Мф. 9:9). Учение Иисуса, его проповеди и наставления так повлияли на Матфея, что он принял для себя верное решение – преодолеть забвению свое богопротивное занятие и стать одним из учеников Спасителя.

3. Антикоррупционная пропаганда в Священном Предании

Священное Писание, однако, является не единственным источником христианского вероучения. Кроме него существует и Священное Предание, которое включает в себя святоотеческую письменность. Известно, что коррупция единогласно осуждалась Святыми Отцами, поскольку те полностью понимали пагубность данного общественного явления. Подвижник VI в., Преподобный Иоанн Пророк отмечал, что взяточничество никогда не может быть верным вариантом решения проблем. Подобное преступление закона никогда не сможет разрешить все трудности и влечет за собой только ухудшение положения как дающего, так и принимающего взятку: «не покупайте заступления смертного и тленного человека, потому что сегодня он существует, а завтра нет его» [8].

Тлетворное влияние коррупции отмечал и святитель Феофан Затворник, духовный писатель XIX в. Ему близка идея о том, что взяточник буквально зависим от денег, жажда наживы буквально управляет им: «Чье сердце прирастилось ко греху, для того он Бог. Посему для чревоугодника чрево – Бог (Флп. 3:19), для лихоимца – деньги (Кол. 3:5)» [9].

Святитель Игнатий Брянчанинов, его современник, прямо говорит о том, что благосостояние земного человека не имеет никакого отношения к ложным страстям к взяточничеству и преумножению богатства: «Пагубна страсть лихоимства <...> Господь, чтоб поразить страсть лихоимства в самом ее начале <...> показывает, что продолжительность земной жизни с ее превратностями нисколько не находится в связи с накопленным излишним имуществом. Продолжительность земной жизни и благополучие ее истекают не от многого имущества, они истекают от благословения Божия» [10]. Упоминает святитель и о том, к чему в печальном итоге приводит алчность чиновника и неумолимо следующая за ней любовь к взяткам: «Когда лихоимство обратится в страсть, тогда оно позволяет себе все насилия, все угнетения ближнего. В помощь страсти лихоимства приходит страсть лукавства и лицемерства. Из совокупления их является расположение к придирчивости, привязывающейся под предлогом неупустительного исполнения законов ко всем мелочам, изобретающей виновность для невинных, усиливающейся придать таким поведением вид справедливости бесчеловечным притеснениям и жестокостям, совершаемым над ближними» [10].

Утверждая, что коррупция греховна, необходимо отметить и тот факт, что зачастую совершается это злодеяние тайно: «Люди, желая сделать беззаконие, ищут сокровенных мест: лихоимцы и мздоимцы берут мзду тайно; лукавцы, хитрецы, льстецы, лицемеры и злобные внутри себя скрывают зло свое; и все дела темные соделывают делатели их во тьме, как сыны тьмы» [10].

Церковный писатель, святитель Василий Великий отмечает, что коррупционера всегда отличает желание показаться сильнее и смелее, хотя зачастую он является человеком слабым, безвольным: «Не делай насилий по той причине, что властвуешь; не лихоимствуй, потому что силен; напротив того, поелику есть у тебя преимущества власти, то покажи права справедливости. Не в том, чего не силен ты сделать, можешь представить доказательство послушания и страха пред Богом, но в том, в чем имеешь силу преступить, и не преступаешь» [11].

В вопросе о коррупции канонические правила гласят о том, что только помощь ближнему способна привести согрешившего чиновника к искуплению: «Вземлющий лихву, аще восхощет неправедную корысть истощити на нищих, и впредь от недуга любостыжания свободен быти» [11].

Не обходит актуальную проблему стороной и Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. В своих выступлениях он часто затрагивает тему общественной нравственности. Так, в одном из приветственных слов Его Святейшество упомянул о том, насколько важно уделять внимание уровню общественной морали, особенно если речь идет об искоренении взяточничества: «Ну, а разве для государства безразлично нравственное состояние граждан? Разве может быть законопослушным безнравственное общество? Разве можно справиться с коррупцией и крими-

налом вне нравственности? Самая совершенная юридическая система не будет работать, самые мощные правоохранительные органы не смогут уберечь общество от самораспада, если будет распадаться человеческая личность» [12].

Также Святейший Патриарх Кирилл отмечает, что Церковь никогда не должна стоять в стороне, укрывая себя от решения общечеловеческих проблем (одной из них является, как известно, коррупция) и перекладывать бремя их решения исключительно на государство. По его словам, Церкви необходимо «работать с человеческими душами, потому что одних только властных рычагов в преодолении коррупции явно недостаточно» [13].

4. Взаимодействие Церкви с правоохранительными структурами

Также необходимо упомянуть, что религия имеет взаимодействие и с государственными органами. Совместная работа епархии с правоохранительными структурами, органами государственной власти и муниципалитетами позволяет сделать борьбу с коррупцией более эффективной и отлаженной. В рамках этого взаимодействия проводятся религиозно-просветительские беседы со служащими, освящение знамени и символа какого-либо госоргана. Заключаются особые виды договоров с организациями, например, со Счетной палатой РФ. Документ гласит, что совместная работа двух сторон должна привести к таким результатам, как поддержание высокого уровня нравственно-духовного просвещения общества, борьба с коррупцией на всех ее уровнях, а также успешное восстановление культуры и исторического наследия страны [13].

Помимо этого Русской Православной Церковью осуществляется и иная правоохранительная деятельность. Повышенное внимание уделяется противодействию вовлечению людей в преступные виды деятельности.

Однако Церковь работает не только с обществом и общественным сознанием в целом. Ведь служители церкви каждый день работают с прихожанами: наставляют их, читают проповеди, ведут активную агитацию против зла, насилия и несправедливости в пользу добра, света, веры и Бога. В обязанности священников входит и антикоррупционная пропаганда, которая, в свою очередь, является довольно успешной. Достаточно многие люди, приходящие в церковь и получающие духовно-нравственные наставления, начинают понимать, что проблемные вопросы можно и нужно решать и что для этого необходимо начать с себя, со своего собственного внутреннего преобразования. Как верно отметил протоиерей Александр Шестаков, глава синодального отдела, «если мы не включим совесть в систему предупреждения коррупции, то все наши усилия, в том числе и в законотворческой сфере, будут тщетны» [14]. И действительно, для борьбы с взяточничеством важно не только общественное, но и индивидуальное самосознание.

5. Межконфессиональные антикоррупционные соглашения

Необходимо отметить также, что в вопросе о противодействии коррупции существует и межконфессиональные соглашения, позволяющие представителям мировых религий совместно работать над общечеловеческой проблемой лихоимства. Известно, что в 2011 г. Межрелигиозным советом на уровне Содружества Незави-

симых Государств был принят документ, в котором осуществилась возможность напомнить обществу о тесной взаимосвязи политики и морали. Представители и главы многих конфессий СНГ объединились для того, чтобы вынести на повестку дня достаточно острый вопрос нравственного и социально-правового характера: «Многие привыкли считать, что политика и духовность – это диаметрально противоположные вещи. Действительно, редким исключением сегодня являются политики, считающие важным соблюдение этических норм и традиций. К сожалению, безнравственность политиков порождает такие страшные явления, как коррупция и халатность» [15].

Заключение

Все вышеизложенное убедительно показывает, что существующие в религии методы предупреждения и пресечения коррупционного поведения, безусловно, положительно влияют на снижение количества коррупционных преступлений среди государственных служащих и сотрудников правоохранительных органов. Правовое регулирование является важной составляющей для успешного контроля над взяточничеством, однако в некоторых случаях обращение исключительно к этому методу может быть недостаточным для полного и окончательного решения проблемы. Для того, чтобы добиться успеха в искоренении коррупции, необходим комплексный научно-практический подход, в том числе и со стороны религии и теологии. Формирование гражданского самосознания с помощью религиозных постулатов играет большую роль в прогрессивном развитии государства и общества, регулирует уровень духовно-нравственного просвещения, создает высокий уровень морально-личностной осознанности, что является гарантией снижения числа преступлений коррупционной направленности.

Пристатейный библиографический список

1. Латинско-русский словарь / сост. О. Петрученко. М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2001.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 27 ноября 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. *Епихин А. Ю.* Основные тенденции противодействия коррупции в сфере уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2018. № 1.
4. Интервью Председателя СК России информационному агентству «РИА Новости» // СК России : сайт. URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1747524/> (дата обращения: 30.11.2023).
5. Полный церковно-славянский словарь // [orthodic.org](http://www.orthodic.org/cs/M/6) : сайт. URL: <http://www.orthodic.org/cs/M/6> (дата обращения: 30.11.2023).
6. *Ивентьев С. И.* Коррупция – это следствие злых помыслов и безнравственных поступков // Практика противодействия коррупции : проблемы и достижения : материалы X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 11 декабря 2019 г. / под ред. А. В. Морозова. Казань : Изд-во КНИТУ, 2021.

7. *Кадырова М. Т.* Религиозные взгляды в борьбе с коррупцией // Молодой ученый. 2019. № 48 (286).
8. Симфония по творениям преподобных Варсанофия Великого и Иоанна // Азбука веры : сайт. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Varsonofij_Ioann/simfonija-po-tvorenijam-prepodobnyh-varsanufija-velikogo-i-ioanna/10 (дата обращения: 30.11.2023).
9. Святитель Феофан Затворник. Начертание христианского нравоучения // Азбука веры : сайт. https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/nachertanie-hristianskogo-nravoucheniya/2#h415 (дата обращения: 30.11.2023).
10. Святые Отцы о лихоимстве (коррупции). Часть 2 // Православие.ру : сайт. URL: <http://www.pravoslavie.ru/95156.html> (дата обращения: 30.11.2023).
11. Святые Отцы о лихоимстве (коррупции). Часть 1 // Православие.ру : сайт. URL: <http://www.pravoslavie.ru/95155.html> (дата обращения: 30.11.2023).
12. Святейший Патриарх Кирилл: Нужно ясно понимать, что Церковь – это народ // Московская Патриархия : сайт. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1668526.html> (дата обращения: 30.11.2023).
13. Церковь поможет государству в борьбе с коррупцией // Журнал «Фома» : сайт. URL: <https://foma.ru/tserkov-pomozhet-gosudarstvu-v-borbe-s-korrupsiey.html> (дата обращения: 30.11.2023).
14. Протоиерей Александр Шестак. Духовно-нравственные аспекты предупреждения коррупции // Синодальный отдел по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными органами : сайт. URL: <http://pobeda.ru/protoierey-aleksandr-shestak-duhovno-nravstvennyie-aspektyi-preduprezhdeniya-korrupsii.html> (дата обращения: 30.11.2023).
15. Итоговый документ заседания Межрелигиозного совета стран СНГ // Московская Патриархия : сайт. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1787369.html> (дата обращения: 30.11.2023).

References

1. *Petruchenko O. (comp.)*. Latin-Russian dictionary. Moscow: The Greek-Latin Cabinet of Iu. A. Shichalin, 2001. (In Russ.)
2. Criminal Code of the Russian Federation of 13 June 1996 No. 63-FZ (as amended on 27 November 2023) (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)
3. *Epikhin A. Iu.* The Main Trends in Combating Corruption in the Field of Criminal Procedure. *Bulletin of Udmurt University. The Series “Economics and Law”*, 2018, no. 1. (In Russ.)
4. Interview of the Chairman of the IC of Russia to the RIA Novosti news agency. URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1747524/> (date of the application: 30.11.2023). (In Russ.)
5. Complete Church Slavonic Dictionary. URL: <http://www.orthodic.org/cs/M/6> (date of the application: 30.11.2023). (In Russ.)
6. *Iventiev S. I.* Corruption Is a Consequence of Evil Thoughts and Immoral Acts. In *Morozov A. V. (ed.)*. Practice of Combating Corruption: Problems and Achievements: Materials of the X All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, 11 December 2019. Kazan: KNITU Publishing House, 2021. (In Russ.)

7. Kadyrova M. T. Religious Views in the Fight Against Corruption. *Young Scientist*, 2019, no. 48 (286). (In Russ.)

8. Symphony on the works of St. Barsanofy the Great and John. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Varsonofij_loann/simfonija-po-tvorenijam-prepodobnyh-varsanufija-velikogo-i-ioanna/10 (date of the application: 30.11.2023). (In Russ.)

9. St. Theophan the Recluse. The Outline of Christian Morality. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/nachertanie-hristianskogo-nravouchenija/2#h415 (date of the application: 30.11.2023). (In Russ.)

10. Holy Fathers on Extortion (Corruption). Part 2. URL: <http://www.pravoslavie.ru/95156.html> (date of the application: 30.11.2023). (In Russ.)

11. Holy Fathers on Extortion (Corruption). Part 1. URL: <http://www.pravoslavie.ru/95155.html> (date of the application: 30.11.2023). (In Russ.)

12. His Holiness Patriarch Kirill: It must be clearly understood that the Church is the people. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1668526.html> (date of the application: 30.11.2023). (In Russ.)

13. The Church will help the state in the fight against corruption. URL: <https://foma.ru/tserkov-pomozhet-gosudarstvu-v-borbe-s-korrupsiej.html> (date of the application: 30.11.2023). (In Russ.)

14. Archpriest Alexander Shestak. Spiritual and Moral Aspects of Corruption Prevention. URL: <http://pobeda.ru/protoierey-aleksandr-shestak-duhovno-nravstvennyie-aspektyi-preduprezhdeniya-korrupsii.html> (date of the application: 30. 11.2023). (In Russ.)

15. The final document of the meeting of the Interreligious Council of the CIS countries. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1787369.html> (date of the application: 30.11.2023). (In Russ.)

Сведения об авторе:

Д. А. Тарасова – студентка магистратуры.

Information about the author:

D. A. Tarasova – Master's Student.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 17.06.2024; принята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted to the editorial office 03.06.2024; approved after reviewing 17.06.2024; accepted for publication 17.06.2024.

Обзорная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-221-227>

ОБ ИТОГАХ I УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СЪЕЗДА РУКОВОДИТЕЛЕЙ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ КЛУБОВ, СТУДЕНЧЕСКИХ НАУЧНЫХ КРУЖКОВ ПО ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗОВ И ФАКУЛЬТЕТОВ

Михаил Борисович Аверин¹

Михаил Федорович Гацко²

Дарья Олеговна Ефременко³

Иван Николаевич Коновалов⁴

Александр Владиславович Кутузов⁵

Павел Владиславович Никитин⁶

Альбина Владимировна Солодовникова⁷

^{1,6} Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

² Финансовый университет при Правительстве РФ, 125167, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-кт, д. 49/2

³ Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

⁴ Саратовская государственная юридическая академия, 410056, Россия, г. Саратов, ул. Н. Г. Чернышевского, д. 104, стр. 3

⁵ Санкт-Петербургская академия Следственного комитета РФ, 190000, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 96

⁷ Московская академия Следственного комитета РФ им. А. Я. Сухарева, 125080, Россия, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12

¹ averin.mb@yandex.ru

² mfgatsko@fa.ru

³ darja.o.re-va@rambler.ru

⁴ i.n.konovalov@mail.ru

⁵ kotalv@mail.ru

⁶ nikitinp2007@yandex.ru

⁷ a.v.solodovnikova@mail.ru

Аннотация

30 января 2024 г. во Всероссийском государственном университете юстиции (РПА Минюста России) состоялся I Учредительный съезд руководителей историко-правовых клубов, студенческих научных кружков по теории и истории государства и права юридических вузов и факультетов. В заседании приняли участие более 100 ученых из 27 вузов страны, а также 15 институтов (филиалов) Всероссийском государственном университете юстиции. В рамках работы съезда обсуждались актуальные вопросы патриотического воспитания молодежи и научно-организационной работы в области истории, истории отечественного государства и права. Участники съезда после обсуждения поддержали инициативу создания Координационного совета историко-патриотических клубов вузов и приняли за основу предложенный проект Положения «О Координационном совете историко-патриотических клубов вузов».

Ключевые слова: историко-правовые клубы; патриотическое воспитание; история государства и права.

Для цитирования: *Аверин М. Б., Гацко М. Ф., Ефременко Д. О., Коновалов И. Н., Кутузов А. В., Никитин П. В., Солодовникова А. Б.* Об итогах I Учредительного съезда руководителей историко-правовых клубов, студенческих научных кружков по теории и истории государства и права юридических вузов и факультетов // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 221–227. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-221-227>

Review article

ON THE RESULTS OF THE FIRST CONSTITUENT CONGRESS HEADS OF HISTORICAL AND LEGAL CLUBS, STUDENT SCIENTIFIC CIRCLES ON THEORY AND HISTORY STATES AND RIGHTS LAW SCHOOLS AND FACULTIES

Mikhail B. Averin¹

Mikhail F. Gatsko²

Darya O. Efremenko³

Ivan N. Konovalov⁴

Alexander V. Kutuzov⁵

Pavel V. Nikitin⁶

Albina V. Solodovnikova⁷

^{1,6} All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

² Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2 Leningradskii Ave., Moscow, 125167, Russia

³ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ia. Kikot, 12 Akademika Volgina St., Moscow, 117997, Russia

⁴ Saratov State Law Academy, 104, Bldg. 3 N. G. Chernyshevskii St., Saratov, 410056, Russia

⁵ St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 96 Moika River Emb., St. Petersburg, 190000, Russia

⁷ Moscow Academy of the Investigative Committee named after A. Ia. Sukharev, 12 Vrublei St., Moscow, 125080, Russia

¹ averin.mb@yandex.ru

² mfgatsko@fa.ru

³ darja.o.re-va@rambler.ru

⁴ i.n.konovalov@mail.ru

⁵ kotalv@mail.ru

⁶ nikitinp2007@yandex.ru

⁷ a.v.solodovnikova@mail.ru

Abstract

On 30 January 2024 at the All-Russian State University of Justice the First Founding Congress of the heads of historical and legal clubs, student scientific circles on the theory and history of state and law of law schools and faculties took place. The meeting was attended by more than 100 scientists from 27 universities of the country, as well as 15 institutes (branches) of the All-Russian State University of Justice. Within the framework of the congress, topical issues of patriotic education of young people and scientific and organizational work in the field of history, the history of the national state and law were discussed. After discussion, the participants of the congress supported the initiative to create a Coordinating Council of Historical and patriotic clubs of universities and adopted as a basis the proposed draft Regulation "On the Coordinating Council of Historical and Patriotic Clubs of Universities".

Keywords: historical and legal clubs; patriotic education; history of the state and law.

For citation: *Averin M. B., Gatsko M. F., Efremenko D. O., Konovalov I. N., Kutuzov A. V., Nikitin P. V., Solodovnikova A. B. On the Results of the First Constituent Congress Heads of Historical and Legal Clubs, Student Scientific Circles on Theory and History States and Rights Law Schools and Faculties. Herald of the Russian Law Academy, 2024, no. 2, pp. 221–227. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-221-227>*

30 января 2024 г. во Всероссийском государственном университете юстиции (РПА Минюста России) состоялся I Учредительный съезд руководителей историко-правовых клубов, студенческих научных кружков по теории и истории государства и права юридических вузов и факультетов. В заседании приняли участие более 100 ученых из 27 вузов страны, а также 15 институтов (филиалов) Всероссийском государственном университете юстиции.

С приветственным словом от имени руководства Всероссийского государственного университета юстиции к участникам съезда обратился Владимир Александрович Гуреев, проректор по научной работе ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор. Он отметил давно назревшую необходимость объединения усилий отдельных историко-правовых клубов, студенческих научных кружков по теории и истории государства и права юридических вузов и факультетов нашей страны, насущную потребность в обмене накопленным опытом в научной и организационной деятельности. Однако без интенсивного межвузовского взаимодействия эффективность такой деятельности уже не может считаться достаточной. Конечно, совместные научные мероприятия систематически проводятся, но сейчас настало время для более тесного объединения усилий. В.А. Гуреев поделился опытом работы Историко-правового клуба ВГУЮ (РПА Минюста России), а также отметил то, что научная работа в рамках клуба сочетается с патриотической деятельностью в Университете, проведением мероприятий, посвященных героическим страницам нашей истории, защите отечественных духовно-нравственных ценностей. Так, в мае 2023 г. в г. Ивангород Всероссийский государственный университет юстиции совместно с Администрации Ленинградской области, Следственным комитетом России провел митинг-концерт «Берега Победы», транслировавшийся на экране для жителей соседней эстонской Нарвы.

С докладом на тему «Значение историко-патриотической деятельности в современных условиях» выступил Никитин Павел Владиславович, руководитель секции истории государства и права Историко-правового клуба, доцент кафедры гуманитарных, социальных и общих дисциплин ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат юридических наук. По мнению докладчика, на современном этапе именно историко-правовые исследования и научные мероприятия, как максимально близкие для будущей профессиональной деятельности обучающихся, позволяющие связать историческое наследие нашей страны и современность, помогают наиболее эффективно проводить патриотическую работу в юридических вузах. Глубокие историко-правовые знания выступают своеобразной вакциной от агрессивной фальсификации отечественной истории, способствуют формированию гармоничного сочетания профессиональных и гражданских личностных качеств у будущих правоведов.

Михаил Федорович Гацко, научный руководитель дискуссионного студенческого историко-правового клуба «*PRO ET CONTRA*», доцент департамента международного и публичного права Финансового университета при Правительстве РФ, кандидат философских наук, в своем выступлении обратил пристальное внимание на претворение в жизнь положений «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», утв. указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809.

Так, в Финансовом университете введена система непрерывного мониторинга эффективности воспитательной работы и мероприятий по приобщению студентов к традиционным и корпоративным ценностям, с целью своевременного выявления проблем, реальной оценки уровня эффективности проводимой работы и последующей корректировки планов и тематики воспитательной работы. На юридическом факультете в 2022 г. создан историко-правовой студенческий клуб «*PRO ET CONTRA*», который выступает платформой для обсуждения и анализа актуальных научных проблем теории и истории государства и права, вызывающих интерес у студентов, расширения и стимулирования их научно-творческой работы. Члены клуба посещают музеи, государственные органы законодательной власти (Государственную Думу, Московскую городскую Думу и Московскую областную Думу), участвуют в различного рода патриотических конкурсах и акциях (конкурс Патриотической песни, во Всероссийском диктанте Победы, в акции «Георгиевская ленточка», в сборе и отправке гуманитарной помощи на Донбасс).

В докладе на тему «Организация научно-исследовательской деятельности студентов на базе кружков Московской академии Следственного комитета РФ им. А. Я. Сухарева: опыт и перспективы» Альбины Владимировны Солодовниковой, руководителя историко-правового научного кружка «Патриоты России», кандидата юридических наук, доцента кафедры государственно-правовых дисциплин Московской академии Следственного комитета РФ им. А. Я. Сухарева, приводится аналитический обзор организации научно-исследовательской деятельности ряда научных студенческих кружков Московской академии Следственного комитета России («Современные проблемы государства и права», «Патриоты России» и Дискуссионного клуба), где ведется научная деятельность в форме систематических заседаний и патриотическая работа. Широко используется практика посещения различных историко-документальных выставок.

Александр Владиславович Кутузов, председатель историко-правового клуба, доктор исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин факультета подготовки следователей Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ, в своем докладе на тему «Музейная педагогика и архивная работа в Санкт-петербургской академии следственного комитета Российской Федерации» обратил внимание на необходимость использования в работе научных клубов и кружков «музейной педагогики», поделился практическими результатами архивных изысканий членов Историко-правового клуба.

В выступлении Дарьи Олеговны Ефременко, руководителя научного кружка «Палладиум», кандидата юридических наук, старшего преподавателя кафедры истории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Ки-

котя, обращается пристальное внимание на то, что духовно-нравственное воспитание сегодня является первостепенной задачей современной образовательной системы и представляет собой важный компонент социального заказа для образования. Для осуществления эффективной работы на данном поприще в деятельности кружка используются современные технологии и инновационные способы организации с целью патриотического воспитания курсантов и слушателей, привития традиционных ценностей российского общества и государства, знакомство с историко-культурным наследием России, сохранение исторической преемственности поколений:

- создание на базе цифровых площадок собственного канала передачи и информации, обменом точками зрения по интересующим вопросам;
- проведение заседаний на базе ЦСОТ университета;
- организация видеосъемок в формате видеоблога и др.

В докладе на тему «Книга памяти: становление и развитие историко-правовой науки в Саратове» Ивана Николаевича Коновалова, научного консультанта историко-правового кружка «Дискуссионные вопросы истории государства и права», доктора исторических наук, профессора кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии, отмечается большой интерес у студентов к истории зарождения юридического образования в Саратове. В этой связи члены исторического кружка изучают документы Государственного Архива Саратовской области, где рассказывается о становлении юридического факультета Саратовского государственного факультета. Кружковцы ознакомились с именами первых преподавателей факультета, в частности: С. В. Юшковым, С. Ф. Кечекьяном, И. К. Козьминых.

Одновременно одной из главных целей деятельности кружка является историко-патриотическая поисковая работа. В этой связи были восстановлены имена 73 участников Великой Отечественной войны, из них пять Героев Советского Союза, и 46 тружеников тыла – преподавателей, студентов, сотрудников Саратовского юридического института им. Д. И. Курского. Поисковая группа работала с архивами Министерства обороны РФ («Подвиг народа»; «Память народа»), Государственным архивом Саратовской области.

В выступлении Василия Николаевича Бабенко, научного консультанта Историко-правового клуба, главного научного сотрудника Центра научных исследований ВГУЮ (РПА Минюста России), доктора исторических наук, профессора особое внимание было уделено интенсификации работы по противодействию фальсификации истории России и российской государственности.

После обмена мнениями участников съезда по актуальным проблемам патриотического воспитания молодежи и научно-организационной работе В. А. Гурев подвел итоги дискуссии, а также внес предложение о необходимости создания Координационного совета историко-патриотических клубов вузов. Совет должен оказывать содействие развитию деятельности по изучению научных проблем истории, истории государства и права, а также патриотическому, интеллектуальному и духовному развитию обучающихся. Участники съезда после обсуждения единодушно поддержали данную инициативу и приняли за основу предложенный про-

ект Положения «О Координационном совете историко-патриотических клубов вузов», который после изучения и доработки должен быть одобрен уже на II съезде руководителей историко-правовых клубов, студенческих научных кружков по теории и истории государства и права юридических вузов и факультетов.

Сведения об авторах:

М. Б. Аверин – кандидат юридических наук, доцент.

М. Ф. Гацко – кандидат философских наук, доцент.

Д. О. Ефременко – кандидат юридических наук.

И. Н. Коновалов – доктор исторических наук, профессор.

А. В. Кутузов – доктор исторических наук, доцент.

П. В. Никитин – кандидат юридических наук, доцент.

А. В. Солодовникова – кандидат юридических наук.

Information about the authors:

M. B. Averin – PhD in Law, Associate Professor.

M. F. Gatsko – PhD in Philosophy, Associate Professor.

D. O. Efremenko – PhD in Law.

I. N. Konovalov – Doctor of History, Professor.

A. V. Kutuzov – Doctor of History, Associate Professor.

P. V. Nikitin – PhD in Law, Associate Professor.

A. V. Solodovnikova – PhD in Law.

Статья поступила в редакцию 08.04.2024; одобрена после рецензирования 02.05.2024; принята к публикации 06.05.2024.

The article was submitted to the editorial office 08.04.2024; approved after reviewing 02.05.2024; accepted for publication 06.05.2024.

Рецензия

УДК 34.01

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-228-235>

РЕЦЕНЗИЯ НА СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЙ УЧЕБНЫЙ КУРС А. Н. САВЕНКОВА «НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС И РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ»

Алексей Павлович Альбов¹

Татьяна Михайловна Королева²

Иван Юрьевич Макарчук³

¹ Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

² Севастопольский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова, 299053, г. Севастополь,
Россия, ул. Вакуленчука, д. 29

³ Сибирский федеральный университет, 660041, г. Красноярск, Россия,
пр. Свободный, д. 79

¹ aap62@yandex.ru

² tempotan@yandex.ru

³ faler2007@yandex.ru

Аннотация

Статья представляет собой обзор книги А. Н. Савенкова «Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции: специализированный учебный курс» (М.: Проспект, 2022. 208 с). Нюрнбергский процесс, несомненно, имеет огромное значение для развития правовой науки. Автор рассматривает историю, концепцию, правовые основы и институциональные аспекты Нюрнбергского трибунала, а также подготовку судебного процесса и организацию деятельности суда. В труде А. Н. Савенкова показано значение Международного военного трибунала для дальнейшего развития международной уголовной юстиции. Особый интерес вызывает разработанная автором модельная рабочая программа учебной дисциплины «Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции». Рецензируемое издание является теоретическим и практически значимым исследованием для развития международного права.

Ключевые слова: Нюрнбергский процесс; Международный военный трибунал; международная уголовная юстиция.

Для цитирования: Альбов А. П., Королева Т. М., Макаρχук И. Ю. Рецензия на специализированный учебный курс А. Н. Савенкова «Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции» // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 228–235. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-228-235>

Review article

REVIEW OF A. N. SAVENKOV'S SPECIALIZED TRAINING COURSE "THE NUREMBERG TRIAL AND THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL CRIMINAL JUSTICE"

Alexey P. Albov¹

Tatyana M. Koroleva²

Ivan Yu. Makarchuk³

¹ All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

² Sevastopol Branch of Russian University of Economics named after G. V. Plekhanov, 29 Vakulenchuka St., Sevastopol, 299053, Russia

³ Siberian Federal University, 79 Svobodnyi Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russia

¹ aap62@yandex.ru

² tempotan@yandex.ru

³ faler2007@yandex.ru

Abstract

The article is a review of the book by A. N. Savenkov "The Nuremberg Trial and the Development of International Criminal Justice: A Specialized Training Course" (Moscow: Prospekt, 2022. 208 p). The Nuremberg trials are undoubtedly of great importance for the development of legal science. The author examines the history, concept, legal foundations and institutional aspects of the Nuremberg Tribunal, as well as the preparation of the trial and the organization of the court's activities. The work of A. N. Savenkov shows the importance of the International Military Tribunal for the further development of international criminal justice. Of particular interest is the model work program of the academic discipline "The Nuremberg Trial and the Development of International

Criminal Justice” developed by the author. The peer-reviewed publication is a theoretical and practically significant study for the development of international law.

Keywords: Nuremberg trials; International Military Tribunal; international criminal justice.

For citation: *Albov A. P., Koroleva T. M., Makarchuk I. Yu.* Review of A. N. Savenkov's Specialized Training Course “The Nuremberg Trial and the Development of International Criminal Justice”. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 2, pp. 228–235. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-228-235>

Нюрнбергский процесс по праву является важнейшим событием в истории юридической реальности. Данный процесс, несомненно, имеет огромное значение для развития правовой науки. Нюрнбергский трибунал стал первым в своем роде примером международного правосудия в современной истории. Военные преступления и преступления против человечности были признаны подсудными не только перед национальным судом, но и перед специальным международным судом, созданным в соответствии с международными правовыми договорами. Многие современные теоретики права в своих научных работах уделяют внимание вопросам значения Нюрнбергского процесса и Международного военного трибунала для мирового сообщества и развития международного права [1; 2; 3; 4; 5].

В 2022 г. в свет вышло учебное издание «Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции: специализированный учебный курс», подготовленной доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом Российской Федерации, членом-корреспондентом Российской академии наук, директором Института государства и права РАН Александром Николаевичем Савенковым.

Специализированный учебный курс «Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции: специализированный учебный курс» посвящен исследованию широкого круга вопросов, относящихся к концепции, правовым основам и институциональным аспектам Нюрнбергского трибунала, подготовке судебного процесса над немецкими военными преступниками и организации деятельности суда. Комплекс обозначенных вопросов обусловили структуру книги. Издание состоит 10 глав, каждая из которых поделена на параграфы. Так, в работе исследован Устав Международного военного трибунала; раскрыта сущность обвинения, предъявленного подсудимым; дан анализ приговора суда; сделан исторический экскурс от Версальского мирного договора до первых очагов Второй мировой войны; показано значение Международного военного трибунала для дальнейшего развития международной уголовной юстиции, в частности, представлены судебные процессы над нацистскими преступниками, проведенные США в оккупированной зоне, процессы в Германии и других странах, Токийский трибунал и др. Несомненным достоинством работы является разработанная автором модельная рабочая программа учебной дисциплины «Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции».

Глава 1 книги посвящена историко-правовым основаниям Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. Автор рассматривает мирные договоры как правовую основу миропорядка, в том числе Версальский мирный договор 1919 г., Сен-Жерменский мирный договор 1919 г., Нейский мирный договор 1919 г., Севрский мирный договор 1920 г., Трианонский мирный договор 1920 г., Лозаннский мирный договор 1923 г.

Глава 2 «Правовые и теоретические основы Международного уголовного правосудия» посвящена возникновению идеи Международного уголовного суда, заложению основ и ее развитию в работах правоведов того времени, дискуссии о Международном уголовном суде в XX в.

Автор справедливо отмечает, что формированию правовой основы Нюрнбергского трибунала предшествовала серьезная дискуссия известных правоведов того времени. На доктринальном уровне, детально обосновал вносимое предложение об учреждении Международного уголовного суда, после окончания франко-пруссской войны 1870–1871 гг. швейцарский юрист и общественный деятель, президент Международного комитета Красного Креста Гюстав Муанье. В 1873 г. он основал Институт международного права, который стал одним из первых в мире, где были определены принципы международного права, проведена его кодификация и предложены пути решения международных проблем, за что указанный институт стал лауреатом Нобелевской премии мира в 1904 г. Тем не менее предложения оказались явно преждевременными: в эпоху существования национальных, преимущественно монархических государств невозможно было представить, чтобы действия суверенной страны могли бы преследоваться в уголовно-правовом порядке [6, с. 23].

Одной из первых крупных научных работ, посвященных всестороннему обоснованию идеи международного суда, в том числе специального международного уголовного суда, явилась защищенная в 1881 г. докторская диссертация будущего члена-корреспондента Санкт-Петербургской академии наук и декана юридического факультета Московского университета, графа Л. А. Камаровского «О международном суде» [7]. Работы Г. Муанье и Л. А. Камаровского явились этапными вехами в зарождении доктрины международного уголовного правосудия.

Рассматривая дискуссии о международном уголовном суде на Международном пенитенциарном конгрессе 1922 г. и Брюссельском международном конгрессе уголовного права 1926 г., автор отмечает три основных проекта организации Международного трибунала по уголовным делам: Протокол о мирном урегулировании международных споров (так называемый Женевский протокол), проект Декампа и проект положения о Международном трибунале. Кроме того, и проекты уголовного кодекса, разработанные Сальдана, Левитом и Пелла, также уделяют значительное место вопросам организации и деятельности Международного уголовного трибунала [6, с. 31]. Автор приходит к выводу, что выполнена большая и кропотливая работа по подготовке положения о международном уголовном трибунале. Однако все отмеченные попытки создать Международный уголовный трибунал представляют в значительной мере историю вопроса. Подлинную актуальность вопрос об

организации Международного уголовного суда получил лишь в 1935 г., когда избранный Лигой Наций Комитет для разработки интернациональной конвенции по борьбе с терроризмом выступил с конкретным проектом такого суда.

В разработку теоретической базы международного уголовного правосудия значительный вклад внесли многие российские и советские правоведы. Подробная оценка теоретическим и правовым основам Международного военного трибунала дана в фундаментальной работе «Нюрнбергский трибунал и международное право», подготовленной коллективом Института государства и права и их зарубежными коллегами, под общей редакцией академика АН СССР В. Н. Кудрявцева и Г. Гинзбурга [8].

Значительное влияние на подготовку Устава Международного военного трибунала (Нюрнбергской хартии) оказали работы члена советской делегации на Лондонской конференции А. Н. Трайнина и прежде всего изданная в 1944 г. его монография «Уголовная ответственность гитлеровцев». Главным нововведением книги Трайнина был аргумент о том, что «гитлеровцев» следует судить не только за «военные преступления», совершенные в ходе этой войны, но также, что более важно, за развязывание агрессивной войны – и, таким образом, за совершение фундаментального «преступления против мира». Говоря, что «мир – величайшая социальная ценность» и основа всех «международных объединений», Трайнин утверждал, что «преступления против мира» представляют собой самые серьезные международные преступления [9].

В гл. 3 автор отмечает, что важным шагом к подготовке будущего судебного процесса над главными и другими немецкими военными преступниками стала инициированная Советским Союзом Декларация правительств СССР, США, Великобритании «Об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства» от 30 октября 1943 г. В ней устанавливалось, что все германские офицеры и солдаты, а также члены нацистской партии, виновные в зверствах, убийствах, массовых казнях или в истреблении населения, будут переданы в страны, в которых были совершены соответствующие действия, для того, чтобы они могли быть преданы суду и наказаны в соответствии с законом освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы. Таким образом, Декларация 1943 г. утвердила не только принцип ответственности гитлеровских преступников, но и принцип их подсудности. В то же время в отношении главных нацистских преступников, преступления которых не были связаны с определенным географическим местом, было принято решение об их наказании «совместным решением правительств-союзников» [6, с. 55–56].

В гл. 4–6 рассмотрены принципы организации и деятельности Международного военного трибунала, основные этапы судебного процесса. Устав Международного военного трибунала был разработан и принят в Нюрнберге (Германия, 8 августа 1945 г.). В нем были определены правила и процедуры судебного процесса и установлен состав и функции Международного военного трибунала. Так, Трибунал состоял из четного числа членов – четырех судей. Члены Трибунала по очереди председательствовали. Автор подчеркивает, что эти и многие другие отличительные аспекты организации и деятельности Трибунала в Нюрнберге спо-

способствовали объективному рассмотрению дела и вынесению им законного, обоснованного и справедливого приговора в достаточно сжатые сроки. Сотрудничество юристов союзных держав в проведении Нюрнбергского процесса – способность судей находить общие решения для многочисленных, порой довольно запутанных юридических проблем, взаимная помощь, оказываемая прокурорами, секретарями, переводчиками и другими помощниками, не мешали никому из них занимать явно независимую позицию, особенно когда речь шла о принципиальных вопросах [6, с. 68].

В гл. 7 «Судебные процессы над военными преступниками на основе нюрнбергских принципов» автор также рассматривает судебные процессы над фашистскими преступниками, состоявшиеся в Советском Союзе. Отмечается два этапа открытых процессов над нацистскими преступниками в Советском Союзе в конце 1945 – начале 1946 и в конце 1947 г. Автор обоснованно подчеркивает, что, несмотря на недостатки следствия, все открытые процессы 1947 г. позитивным образом характеризуются следующим: «Заседания военных трибуналов отличала высокая степень объективности рассмотренных дел, участвовали представители защиты и государственные обвинители, все обвиняемые понесли заслуженное суровое наказание» [6, с. 124]. Автор акцентирует внимание на том, что важным отличием Новгородского процесса от первой серии открытых судов была отмена смертной казни. Для отбывания наказания военные преступники направлялись в специально созданное для них лагерное отделение со строгим режимом в составе Воркутлага МВД [6, с. 130]. Суд в Новгороде стал одним из последних процессов с открытой формой заседаний. Причины свертывания открытых процессов до конца неясны, каких-либо аргументов в рассекреченных документах пока найти не удалось.

Важное теоретико-прикладное значение для теории права имеет гл. 10, в которой автор анализирует влияние Нюрнбергского процесса на дальнейшее развитие международной уголовной юстиции. Нюрнбергский процесс – первый в истории человечества открытый и справедливый суд Международного военного трибунала над главными военными преступниками нацистской Германии, автор называет его главным событием международного уголовного правосудия. По сути, этот суд является образцом торжества права в межгосударственных отношениях. Автор отмечает, что эффективно сочетая в себе две процессуальные системы права – континентальную и англосаксонскую, он положил начало формированию международного судостроительства и судопроизводства, а также полностью выполнил возложенные на него задачи, несмотря на начавшийся период «охлаждения» отношений между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции. Токийский процесс, Трибунал по бывшей Югославии, Трибунал по Руанде и Международный уголовный суд – прямое продолжение Нюрнберга [6, с. 171].

Автор подчеркивает, что результаты Нюрнберга, сформулированные в ходе его реализации принципы и подходы, учитывая невероятную сложность организации процесса такого масштаба, являются базовыми ценностными основаниями для всей современной системы международного права. Притом здесь речь идет о том, что результаты Нюрнберга выступают конститутивным началом международного правопорядка.

Однако автор акцентирует внимание и на том, что до сих пор Нюрнбергские принципы не нашли полного воплощения в теории и практике международного уголовного права. При этом, учитывая их фундаментальное значение для обеспечения стабильности и развития системы международного права и международного порядка в целом, актуальным и востребованным сегодня является формирование универсального подхода к их реализации на основе обеспечения верховенства права и главенствующей роли Устава ООН.

В представленной книге впервые в российской учебной юридической литературе рассмотрены важные вопросы, связанные с концепцией, законодательными основами и институциональными аспектами Нюрнбергского трибунала. Также подчеркнута значимость этого трибунала для дальнейшего развития международной уголовной юстиции.

Работа «Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции: специализированный учебный курс», подготовленная А. Н. Савенковым, представляет научную ценность для теории и истории международного права. Книга является актуальным, теоретическим и практически значимым исследованием, представляющим большой интерес для научных и практических работников, ученых и студентов.

Пристатейный библиографический список

1. *Гизатулина Л. Р.* Нюрнбергский процесс // Вопросы российской юстиции. 2015. № 2.
2. *Нечевин Д. К.* Нюрнбергский процесс и его уроки // Евразийский юридический журнал. 2011. № 7 (38).
3. *Тимофеева А. А., Сурикова А. А.* Нюрнбергский процесс в аспекте современной политики // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 2(23).
4. *Тулупова Е. О., Демидова Т. К.* Участие адвокатов в Нюрнбергском процессе // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 7.
5. *Звягинцев А.* Нюрнбергский процесс. М. : Рипол Классик, 2022.
6. *Савенков А. Н.* Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции : специализированный учебный курс. М. : Проспект, 2022.
7. *Камаровский Л. А.* О международном суде. М. : Тип. Т. Малинского, 1881.
8. *Ginsburgs G., Kudriavtsev V. N.* The Nuremberg Trial and International Law. Dordrecht ; Boston; London : Martinus Nijhoff, 1990.
9. *Трайнин А. Н.* Уголовная ответственность гитлеровцев / под ред. А. Я. Вышинского. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944.

References

1. *Gizatulina L. R.* Nuremberg Trials. *Issues of Russian Justice*, 2015, no. 2. (In Russ.)
2. *Nechevin D. K.* The Nuremberg Trials and its Lessons. *Eurasian Legal Journal*, 2011, no. 7(38). (In Russ.)

3. *Timofeeva A. A., Surikova A. A.* The Nuremberg Trials in the Aspect of Modern Politics. *Baltic Humanitarian Journal*, 2018, vol. 7, no. 2 (23). (In Russ.)
4. *Tulupova E. O., Demidova T. K.* Participation of Lawyers in the Nuremberg Trials. *Journal of Russian Law*, 2023, vol. 27, no. 7. (In Russ.)
5. *Zviagintsev A.* Nuremberg Process. Moscow: Ripol Classic, 2022. (In Russ.)
6. *Savenkov A. N.* The Nuremberg Trials and the Development of International Criminal Justice: A Specialized Training Course. Moscow: Prospekt, 2022. (In Russ.)
7. *Kamarovskii L. A.* On the International Court. Moscow: T. Malinskii's Printing House, 1881. (In Russ.)
8. *Ginsburgs G., Kudriavtsev V. N.* The Nuremberg Trial and International Law. Dordrecht; Boston; London: Martinus Nijhoff, 1990.
9. *Trainin A. N.; Vyshinskii A. Ia. (ed.).* Criminal Liability of the Nazis. Moscow: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1944. (In Russ.)

Сведения об авторах:

А. П. Альбов – доктор юридических наук, профессор.

Т. М. Королева – доктор исторических наук, доцент.

И. Ю. Макаrchuk – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors:

A. P. Albov – Doctor of Law, Professor.

T. M. Koroleva – Doctor of History, Associate Professor.

I. Yu. Makarchuk – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.04.2024; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 06.05.2024.

The article was submitted to the editorial office 26.04.2024; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 06.05.2024.

Обзорная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-236-251>

**ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«РАССОЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ», ПОСВЯЩЕННОЙ 75-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО, ПЕДАГОГА, ПИСАТЕЛЯ,
ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА
МИХАИЛА МИХАЙЛОВИЧА РАССОЛОВА (1948–2013),
ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮСТИЦИИ (РПА МИНЮСТА РОССИИ),
9–14 ОКТЯБРЯ 2023 Г.**

Сырых Владимир Михайлович¹

Барзилова Инна Сергеевна²

Трофимов Василий Владиславович³

Шайхутдинов Евгений Маратович⁴

Панченко Владислав Юрьевич⁵

Егоров Геннадий Геннадьевич⁶

Кузнецова Елена Владимировна⁷

Игнатова Каринэ Эдуардовна⁸

Кузьмин Игорь Александрович⁹

Милованова Дарья Борисовна¹⁰

Небратенко Ольга Олеговна¹¹

Тихонов Ярослав Игоревич¹²

Фатьянов Антон Андреевич¹³

Полуничев Артур Игоревич¹⁴

¹ Российский государственный университет правосудия, 117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69, корп. «а»

^{2,13,14} Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 123242, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 1

³ Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 392000, г. Тамбов, Россия, ул. Интернациональная, д. 33

⁴ Арбитражный суд Челябинской области, 454091, г. Челябинск, Россия, ул. Воровского, д. 2

^{5,10} Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

⁵ Сибирский федеральный университет, 660041, г. Красноярск, Россия, пр. Свободный, д. 79

^{6,8} Волжский филиал Волгоградского государственного университета, 404133, г. Волжский, Россия, ул. 40 лет Победы, д. 11

^{7,12} Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 160002, г. Вологда, Россия, ул. Щетинина, д. 2

⁹ Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 664035, г. Иркутск, Россия, ул. Шевцова, д. 1

¹¹ Академия управления МВД России, 125171, г. Москва, Россия, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

¹ 2707xyz@mail.ru

² isbarzilova@msal.ru

³ iptgutv@mail.ru

⁴ shzh1@yandex.ru

⁵ panchenkovlad@mail.ru

⁶ egorov@vgi.volsu.ru

⁷ kuznecova_ev@mail.ru

⁸ ignatova_ke@vgi.volsu.ru

⁹ grafik-87@mail.ru

¹⁰ avdasha@yandex.ru

¹¹ onebratenko@yandex.ru

¹² tixon76rus@mail.ru

¹³ a.a.fatyanov@yandex.ru

¹⁴ poluni4ev.artur@yandex.ru

Аннотация

9–14 октября 2023 г. во Всероссийском государственном университете юстиции (РПА Минюста России) состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Расоловские чтения», посвященная 75-летию со дня рождения ученого, педагога, писателя, доктора юридических наук, профессора Михаила Михайловича Рассолова (1948–2013). На конференции выступили ведущие российские ученые-юристы, которые сформулировали положения о месте философии права в научном познании;

об отечественных правовых ценностях и традициях; о государственно-правовой политике в сфере научно-технологического развития; о противоправной природе злоупотребления правом; о доказательственной природе юридических фактов; о правильности широкого подхода к пониманию системы публичной власти; о правовом регулировании межнациональных и межконфессиональных отношений; о потенциале искусственного интеллекта к приобретению правового статуса; об изменениях законодательства о государственном языке; о взаимосвязи правовой доктрины со смежными понятиями; о публично-рекомендательного аспекта юридической превенции; о милитаризации уголовной системы СССР в период Великой Отечественной Войны с целью скорейшей победы над фашистской Германией.

Ключевые слова: философия права; правовые ценности; правовая система; государственно-правовая политика в сфере научно-технологического развития; юридические средства; злоупотребление правом; юридический факт; доказывание; информатизация социальной сферы; публичная власть; национальная политика; искусственный интеллект; государственный язык; правовая доктрина; юридическая превенция; военное право; уголовное право.

Для цитирования: Сырых В. М., Барзилова И. С., Трофимов В. В., Шайхутдинов Е. М., Панченко В. Ю., Егоров Г. Г., Кузнецова Е. В., Игнатова К. Э., Кузьмин И. А., Милованова Д. Б., Небратенко О. О., Тихонов Я. И., Фатьянов А. А., Полуничев А. И. Обзор Всероссийской научно-практической конференции «Рассоловские чтения», посвященной 75-летию со дня рождения ученого, педагога, писателя, доктора юридических наук, профессора Михаила Михайловича Рассолова (1948–2013), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 9–14 октября 2023 г. // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 236–251. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-236-251>

Review article

REVIEW OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “RASSOLOV READINGS,” DEDICATED TO THE 75TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF THE SCIENTIST, TEACHER, WRITER, DOCTOR OF LAW, PROFESSOR MIKHAIL MIKHAILOVICH RASSOLOV (1948–2013), ALL RUSSIAN STATE UNIVERSITY OF JUSTICE, 9–14 OCTOBER 2023

Vladimir M. Syrykh¹

Inna S. Barzilova²

Vasily V. Trofimov³

Evgeniy M. Shaikhutdinov⁴

Vladislav Yu. Panchenko⁵

Gennady G. Egorov⁶

Elena V. Kuznetsova⁷

Karine E. Ignatova⁸

Igor A. Kuzmin⁹

Daria B. Milovanova¹⁰

Olga O. Nebratenko¹¹

Yaroslav I. Tikhonov¹²

Anton A. Fatyanov¹³

Artur I. Polunichev¹⁴

¹ Russian State University of Justice, 69, Bldg. A Novocheremushkinskaia St., Moscow, 117418, Russia

^{2,13,14} Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 9, Bldg 1 Sadovaia-Kudrinskaia St., Moscow, 123242, Russia

³ Tambov State University named after G. R. Derzhavin, 33 Internationalnaia St., Tambov, 392000, Russia

⁴ Arbitration Court of the Chelyabinsk Region, 2 Vorovskoi St., Chelyabinsk, 454091, Russia

^{5,10} All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

⁵ Siberian Federal University, 79 Svobodnyi Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russia

^{6,8} Volzhsky Branch of Volgograd State University, 11 40 Years of Victory St., Volzhsky, 404133, Russia

^{7,12} Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, 2 Shchetinina St., Vologda, 160002, Russia

⁹ Irkutsk Law Institute (Branch) of University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 1 Shevtsova St., Irkutsk, 664035, Russia

¹¹ Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 8 Zoe and Alexandra Kosmodemianskikh St., Moscow, 125171, Russia

¹ 2707xyz@mail.ru

² isbarzilova@msal.ru

³ iptgutv@mail.ru

⁴ shzh1@yandex.ru

⁵ panchenkovlad@mail.ru

⁶ egorov@vgi.volsu.ru

⁷ kuznecova_ev@mail.ru

⁸ ignatova_ke@vgi.volsu.ru

⁹ grafik-87@mail.ru

¹⁰ avdasha@yandex.ru

¹¹ onebratenko@yandex.ru

¹² tixon76rus@mail.ru

¹³ a.a.fatyanov@yandex.ru

¹⁴ poluni4ev.artur@yandex.ru

Abstract

On 9–14 October 2023, the All-Russian Scientific and Practical Conference “Rassolov Readings” was held at the All-Russian State Justice, dedicated to the 75th anniversary of the birth of the scientist, teacher, writer, Doctor of Law, Professor Mikhail Mikhailovich Rassolov (1948–2013). Leading Russian legal scholars spoke at the conference and formulated provisions on the place of legal philosophy in scientific knowledge; about domestic legal values and traditions; on state legal policy in the field of scientific and technological development; about the illegal nature of abuse of rights; on the evidentiary nature of legal facts; about the correctness of a broad approach to understanding the system of public power; on the legal regulation of interethnic and interfaith relations; about the potential of artificial intelligence to acquire legal status; on changes in legislation on the state language; about the relationship of legal doctrine with related concepts; on the public advisory aspect of legal prevention; about the militarization of the criminal system of the USSR during the Great Patriotic War with the goal of speedily defeating Nazi Germany.

Keywords: philosophy of law; legal values; legal system; state legal policy in the field of scientific and technological development; legal means; abuse of law; legal fact; proof; informatization of the social sphere; public authority; national policy; artificial intelligence; state language; legal doctrine; legal prevention; military law; criminal law.

For citation: *Syrykh V. M., Barzilova I. S., Trofimov V. V., Shaikhutdinov E. M., Panchenko V. Yu, Egorov G. G., Kuznetsova E. V., Ignatova K. E., Kuzmin I. A., Milovanova D. B., Nebratenko O. O., Tikhonov Ya. I., Fatyanov A. A., Polunichev A. I.* Review of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Rassolov Readings,” Dedicated to the 75th Anniversary of the Birth of the Scientist, Teacher, Writer, Doctor of Law, Professor Mikhail Mikhailovich Rassolov (1948–2013), All Russian State University of Justice, 9–14 October 2023. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 2, pp. 236–251. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-236-251>

Открывая пленарное заседание Всероссийской научно-практической конференции «Рассоловские чтения», посвященной 75-летию со дня рождения ученого, педагога, писателя, доктора юридических наук, профессора Михаила Михайловича Рассолова (1948–2013), **В. М. Сырых** рассмотрел тему «Философия права как научная дисциплина» и отметил, что формирование философии права как научной и учебной дисциплины большинством российских правоведов рассматривается как позитивное явление, позволяющее успешно разрабатывать фундаментальные проблемы правовой науки, которые ранее разрабатывались общей теорией права. При этом, предполагается, что разработка названных проблем должна осуществляться посредством применения философских категорий сообразно специфике действия права и иных компонентов правового регулирования. В результате оказалось, что у разработчиков философии права отсутствует единое понимание ее предмета и места в составе отраслей научного знания, а результаты исследования характеризуются субъективизмом и догматизмом.

По мнению одних авторов, философия права является юридической наукой, тогда как другие авторы определяют ее место в системе философских наук. В частности, С. С. Алексеев интерпретирует философию права, как вершину обобщенных юридических знаний [1, с. 394], тогда как Н. В. Михалкин и А. Н. Михалкин видят в ней самостоятельную отрасль философии [2, с. 363–364].

Неясность с предметом философии права объясняется отсутствием закономерностей, которые могли бы составить ее предмет. Общеизвестно, что исследуемые наукой связи по степени общности дифференцируются на два вида: всеобщие – философские и конкретно-научные, исследуемые специальными науками. Каких-либо иных закономерностей реально сущая действительность не знает.

Философия как наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления отражается в системе законов и категорий диалектики. Это законы единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные, отрицание отрицания, а также категории сущности и явления, содержания и формы, возможности и действительности, необходимости и случайности, причины и следствия и др. Применение названных законов и категорий в конкретных науках, в том числе и в правоведении осуществляется прямо и непосредственно и в каких-либо паллиативных философских разделах, призванных раскрыть перевод философского знания применительно к специфике исследуемых явлений и процессов, не нуждается.

Имевшие место в истории науки философские разделы в виде натурфилософии, философии истории, философии права характеризуют определенную степень конкретно-научного знания, когда закономерные связи исследуемых явлений не были открыты и «место действительной связи, которую следует обнаружить в событиях, занимала связь, измышленная философами» [3, с. 305]. Аналогичными результатами характеризуются философско-правовые исследования современных исследователей. По меткому замечанию В. Н. Жукова, «вместо философии, мы получили «любительский капуста», где каждый волен написать любую невмятицу, подав ее в качестве «собственного видения мира», а иногда даже – «нового слова» в философии. На этом убогом фоне марксизм или просто классический европей-

ский рационализм смотрятся как высокая культура, противостоящая упадку и интеллектуальному варварству» [4, с. 148].

Изучение конкретных закономерных связей составляет прерогативу конкретных наук. В правоведении изучение общих фундаментальных законов права составляют предмет общей теории права, которые она выводит не посредством философского умозрения, а восхождением от абстрактного к конкретному. Философские законы и категории в процессе познания конкретного выступают в качестве ступени и средства познания конкретного, но сами по себе знаний конкретного содержать не могут. Как справедливо отмечал Ф. Энгельс, «с одним знанием того, что ячменный стебель и исчисление бесконечно малых охватываются понятием «отрицание отрицания» я не смогу ни успешно выращивать ячмень, ни дифференцировать, ни интегрировать» [5, с. 146].

Предельные основы права, закономерный ход его развития могут быть раскрыты лишь в процессе последовательного восхождения от уяснения конкретно-исторических условий функционирования права до раскрытия и обоснования его закономерного хода сообразно современным условиям его бытия, в котором решающее значение имеют уровень экономического развития общества и его культуры.

В этом процессе философия права играет решающую роль в качестве определителя всеобщих связей конкретного, но не способна сама по себе раскрывать каких-либо фундаментальных связей и зависимостей правовой науки. Соответственно, не имеется потребности в новой научной дисциплине – философии права – ни на уровне всеобщих философских знаний, ни на уровне конкретных знаний правовой науки.

И. С. Барзилова в своем выступлении на тему «Ценности российского права: взгляд с позиции ученого первой половины XXI века» отметила, что в настоящее время происходят значительные изменения в российской правовой системе. Эти процессы касаются всех отраслей права, всех сфер правового регулирования. Поэтому особенно важно выбрать правильный вектор развития, определить пути дальнейших изменений в праве. Особо актуальной является в настоящее время проблема правовых ценностей, их системы, содержания, значимости для российского общества.

Существующая система правовых ценностей имеет глубокие исторические корни, философское обоснование, основана на российских мировоззренческих позициях, отечественных традициях. Поэтому важно очень бережно относиться к праву, его основополагающим принципам, основам, руководствуясь подходом «не навреди».

С позиции современного ученого-теоретика, думается, следует обращать внимание и на то, как мы все относимся к самому праву, его роли в российском обществе.

Правовые ценности весьма важны для современного российского общества. Казалось бы, все хорошо знают эти извечные человеческие ценности, им посвящены многие отечественные труды ученых-теоретиков. Но именно в настоящее время эти ценности подвергаются определенной угрозе, предлагаются «новаторские», радикальные способы и методы правового регулирования, ставящие данные ценности под вопрос. И мы, безусловно, не можем не реагировать на это.

Ученые-теоретики в настоящее время находятся в довольно сложной ситуации. С одной стороны, они должны сохранить, отстоять базовые человеческие ценности

в праве, с другой – оперативно реагировать на происходящие в обществе изменения, не оставаться в стороне. И это довольно сложная задача, но вполне разрешимая.

Представляется, что именно взвешенный подход к оценке правовых ценностей, их роли и значения для современного права позволит исследователям выработать рекомендации по совершенствованию права, механизма правового регулирования. Теория государства и права, безусловно, играет в этом процессе важную роль.

В. В. Трофимов в докладе на тему «Государственно-правовое обеспечение научно-технологического развития современной России: проблемы, подходы, перспективы» обратил внимание, что профессор М.М. Рассолов, разрабатывая сложные проблемы теории и истории государства и права, истории политических и правовых учений, умел смотреть в будущее государственно-правового развития страны и мира.

Одним из первых он стал изучать право в контексте новых информационных технологий, понимая, что последние существенно меняют структуру социальных и правовых отношений, определяют возникновение новых объектов правового регулирования, субъектов данных отношений, новый характер социально-юридических связей, что, безусловно, должно становиться предметом пристального внимания в рамках юридической профессии. Верно в этой связи было им замечено в предисловии к одному из новаторских в 1990-е гг. изданий по правовой информатике, праву информационных технологий: «современному правоведам, где бы он ни работал, необходимо иметь представление об информации, компьютерах, системах управления и информации в предпринимательских фирмах, в банках, в органах государственной власти, суда, прокуратуры и т. д. Без этого юрист сейчас не может эффективно выполнять свои функции, задачи и в конечном итоге – быть двигателем рыночных и правовых преобразований в нашем обществе» [6, с. 3].

В настоящее время мы также (в том числе и в нашей стране – в России) «переживаем» новый виток социального интереса к передовым научным разработкам и инновационным технологиям, с которыми связываются многие перспективы развития, а также такой важный аспект государственности, как «технологический суверенитет», под которым предлагается понимать способность государства располагать технологиями, которые считаются критически важными для обеспечения его производственной мощи, благосостояния и конкурентоспособности. Технологический суверенитет государства – это то, без чего невозможно добиться внешней безопасности, а также ответить на все угрозы и вызовы, которые возникают по отношению к национальному уровню в современном мире.

В связи с этим перед государственной властью встает основной вопрос, как и какими путями технологический суверенитет в государстве достичь. Очевидно, что решение задачи по активному переходу российского общества на вектор инновационного (целенаправленного научно-технологического) развития не может осуществляться произвольным образом, спорадически или бессистемно. Это должна быть плановая и организованная работа по всем направлениям, с которыми связано осуществление социально-экономической модернизации, и на различных публично-правовых уровнях (федеральном, региональном, муниципальном).

К такому настрою государственно-правовой системы современной России, всех ее основных и вспомогательных компонентов, призвана государственно-право-

вая политика в сфере научно-технологического развития – научно обоснованная, последовательная и системная деятельность уполномоченных субъектов публично-властной компетенции по созданию эффективного механизма государственного воздействия и правового регулирования, по цивилизованному использованию государственных и юридических средств в достижении целей научно-технологического и инновационного развития.

Е. М. Шайхутдинов обратился к теме «Злоупотребление правом в сфере экономики». Он отметил, что злоупотребление правом – сложная этико-правовая категория, тесно связанная с оценочными понятиями добра и зла, разумностью, справедливостью, апеллирующая к внутреннему убеждению правоприменителя, основанному, в том числе на жизненном опыте, культурных традициях, менталитете. Е. М. Шайхутдинов предложил следующее рабочее определение злоупотребления правом – это деяние (действие или бездействие) имитирующее реализацию норм права, при которой субъект права изначально преследует цель, не предполагаемую нормой права, а правовой механизм используется исключительно как средство достижения результата, противоречащего очевидной цели реализации нормы, что влечет причинение вреда (угрозы вреда) законным интересам других лиц, общества или государства.

Применительно к сфере экономической деятельности в контексте современной практики арбитражных судов видится две наиболее чувствительные сферы, в которых злоупотребление правом несет наибольшую угрозу правопорядку, нарушает интересы общества и государства.

Первая сфера – это легализация денежных средств, полученных преступным путем, вторая – несостоятельность (банкротство) хозяйствующих субъектов. Наиболее распространенная методика злоупотребления в обоих случаях имеет значительное сходство – создание с помощью правовых судебных механизмов фиктивной задолженности (см., например, Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 8 июля 2020 г.).

Второй аспект – искусственное создание задолженности преследует своей непосредственной целью *последующее контролируемое банкротство* должника, в рамках которого недобросовестный кредитор (заявивший о банкротстве первым), имеет возможность предложить свою кандидатуру арбитражного управляющего, а также влиять на ход процедур банкротства. В судебной практике при рассмотрении требований кредиторов арбитражным судом подлежит применению *повышенный стандарт доказывания*, предполагающий необходимость проверки обоснованности и размера требований кредиторов независимо от наличия разногласий относительно этих требований между должником и лицами, имеющими право заявлять соответствующие возражения, с одной стороны, и предъявившим требование кредитором – с другой стороны.

В. Ю. Панченко в выступлении на тему «Проблемы понятия юридического факта» обратил внимание на то, что о юридическом факте как явлении правовой действительности можно говорить только в случае, когда фактические обстоятельства надлежащим образом установлены, т.е. доказаны. Под юридическим доказывани-

ем (доказыванием в юридической деятельности) в самом широком смысле следует понимать разновидность познания, которая представляет собой мыслительную и практическую деятельность субъекта и участников по установлению достоверного знания о конкретных фактических обстоятельствах той или иной жизненной ситуации прошлого, влекущих правовые последствия.

В строгом профессиональном юридическом значении понятия, доказывание – это исключительно деятельность правоприменителя, его прерогатива, поскольку именно правоприменитель осуществляет познавательную деятельность, имеющую юридические последствия. Именно он устанавливает по правилам той или иной юридической процедуры наличие либо отсутствие юридического факта, его доказанность путем собирания, проверки и оценки доказательств, а мнения и суждения иных участников правоприменительного процесса – это их версии событий прошлого, которые преследуют цель убедить правоприменителя в правоте позиции конкретного лица по делу (истца, ответчика, потерпевшего, заявителя и т.д.), отвечающей его интересам, и помогают правоприменителю правильно установить фактические обстоятельства (критика, постановка под сомнение позиций другого участника юридического процесса способствует более качественной познавательной деятельности правоприменителя).

Выступая в секции теории государства и права, **Г. Г. Егоров** посвятил свой доклад теме «Особенности создания систем дистанционной социальной поддержки (на примере Великобритании)». Он отметил, что согласно проведенному исследованию ООН, одним из наиболее обеспеченным в цифровом аспекте государством признает Великобританию, в которой данная сфера активно реализуется с 2012 г. через национального портала государственных услуг *GOV.UK*. Введение данного комплекса, как отмечает *Oxford Learners Dictionaries*, позволило обеспечить повышение эффективности социальной поддержки населения и сэкономить около 1,7 млрд фунтов стерлингов в 2014 г. В частности, на странице получения финансовой помощи для инвалидов «Доступ к работе» (*Access to Work*) информация представлена в структурированном и сжатом виде, при этом с сохранением значимых моментов, в то же время данный раздел представляет информацию о том, кто может претендовать на получение финансовой помощи, какие услуги можно оплатить за счет государства, а также как подать заявку на получение помощи. Информация представлена в виде простых и понятных текстов, а также в виде графиков и таблиц.

Также сайт *GOV.UK* использует нелинейную форму организации системы хранения и классификации информации. Логика построения данного ресурса исходит от общих, для данного профиля разделов информации, включая в себе более узко-профилированные разделы, построение которых позволяет структурно организовывать более конкретные сферы информационного представления. Это позволяет пользователям быстро и легко найти необходимую информацию.

Британский правительственный портал госуслуг *GOV.UK* является передовым примером того, как можно предоставлять государственные услуги гражданам в цифровом формате. Отсюда, важно ввести аналогичные сервисы в России – разработать систему онлайн-оформления документов на социальные услуги, внедрение которой позволит гражданам сэкономить время и усилия на оформление документов.

Продолжила дискуссию **Е. В. Кузнецова**, которая выступила на тему «Система и структура публичной власти: основные подходы к пониманию». Она отметила, что термины «публичная власть», «единая система публичной власти» получили свое конституционное закрепление в 2020 г. В научной литературе неоднократно подчеркивалась взаимосвязь сущности публичной власти и принципа народовластия, как основы конституционного строя, сопоставление публичной и общественной власти (С. А. Авакьян, В. А. Лебедев, В. В. Комарова и др.). Широкий подход к пониманию системы публичной власти рассматривает публичную власть как государственно-общественное явление. В качестве идеи может быть предложен подход, в соответствии с которым система публичной власти может включать несколько подсистем (институциональную, нормативную, ценностно-ориентационную или идеологическую), при этом организационная подсистема (органы публичной власти) является лишь частью системы публичной власти.

К. Э. Игнатова остановилась на проблеме «Современные вызовы мультикультурного общества в России», подчеркнула, что историческое наследие отечественного государства – полиэтничное и межконфессиональное российское общество. Российское многонациональное общество уникально не только по своей самобытности в духовно-нравственной сфере, но и имеет отличительные особенности в вопросах культурного развития народов страны.

Российское государство демонстрирует возможность использовать языковую, историческую и культурную общность как элемент, обеспечивающий единство многонациональной и полиэтничной страны. Накопленный культурно-исторический опыт выступает объединяющим фактором для народов России, которые являются неотъемлемой частью отечественного государства. Он способствует не только консолидации общества, но и своевременному реагированию на вызовы, стоящие перед Российской Федерацией.

Одной из угроз, требующей эффективного регулирования, является неконтролируемая миграция. Миграционная привлекательность России и неравномерное распределение миграционных потоков по ее территории может оказать негативное влияние на процессы стабилизации и гармонизации межнациональных отношений. В этой связи, действующая Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. устанавливает в качестве основных целей: поддержание межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе; защиту и сохранение русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода.

Реализация миграционной политики осуществляется с учетом этнокультурного многообразия народов России, порождая мультикультурный диалог между ними и мигрантами, успешно интегрировавшимися в российское общество

Российская Федерация, как многонациональное государство, подошла к построению мультикультурного общества со стороны реализации внутренних и внешних интересов. Европейская попытка установления мультикультурализма была обречена на провал, показав свою неспособность урегулировать отношения между представителями различных национальных, этнических и религиозных групп, так как из-

начально не предусматривала обязательный интеграционный процесс. Построение мультикультурного общества является сложным и длительным процессом, который требует разработки комплексных мер на всех уровнях государственной власти.

И. А. Кузьмин обратился к вопросу «Искусственный интеллект как объект правового наказания: реалии настоящего и стратегии будущего», подчеркнув, что нынешний правовой статус систем и технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) позволяет считать их объектом права и объектом правового наказания соответственно. В свою очередь, наметившиеся тенденции развития и обучения ИИ «сильного типа» (General AI), в прямом смысле заставят человечество признать за ним статус субъекта права и оперативно внедрить в юридическую деятельность механизмы киберответственности и систему кибернаказаний.

Появившиеся в середине прошлого века и широко распространенные на сегодняшний день системы «слабого» или «узкого» ИИ (*Narrow, Weak AI*), призванные решать заранее ограниченный круг задач в конкретной области, были и остаются программными решениями, превосходящими традиционные программные средства, но не способными претендовать на соперничество с интеллектуальными и когнитивными способностями человека. Сильный ИИ обладает способностями самообучения и адаптации к любым, влияющим на него, изменениям в окружающей среде, принимая тактические и стратегические решения по оптимальному достижению поставленных перед ним результатов, включая и автономное изменение координат целеполагания – базовых настроек. В этом смысле технологиям сильного ИИ будут присущи (кибер)когнитивные свойства, (кибер)рефлексия, в силу чего приближенность их творческого и иного потенциала к человеческому будет максимальным. ИИ уровня «выше слабого» уже активно внедряются в публичные функции разработки и принятия законов, судопроизводства, поиска и распознавания преступников, оптимизации правоприменения и многие другие.

Так как появление сильного ИИ – вопрос ближайшего будущего, то уже сейчас следует концептуально обсуждать и внедрять в соответствующих социально-технических нормах, правовых документах регулятивные механизмы принудительного воздействия, включая и кибернаказания (в виде аппаратных ограничений, физического отключения всех или части систем, используемых ИИ и др.), которые рассматриваемые технологии смогут распознать как наказания и адекватно отреагировать на них в будущем.

Д. Б. Милованова в выступлении на тему «Язык как объект правового регулирования. Новое в законодательстве о государственном языке Российской Федерации» отметила, что одной из областей пересечения языка и права является область, в которой язык выступает объектом правового регулирования. Правовое регулирование языковых вопросов отражено в нескольких нормативно-правовых актах.

До изменений, внесенных в 2023 г., не было определено понятие «нормы современного русского литературного языка», а также недостаточно был урегулирован порядок утверждения норм. В Законе 2005 г. было указано, что «порядок утверждения норм современного русского литературного языка определяется Правительством Российской Федерации». В 2006 г. вышло постановление Правительства № 714 «О порядке утверждения норм современного русского литературного язы-

ка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации», в котором сказано, что Правительство Российской Федерации на основании рекомендаций Правительственной комиссии по русскому языку утверждает список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка, правила русской орфографии и пунктуации, а также утверждает требования к составлению словарей. В 2009 г. в соответствии с этим Постановлением вышел Приказ Минобрнауки, в котором был утвержден список из четырех словарей: 1. Орфографический словарь русского языка. Букчина Б.З., Сазонова И.К., Чельцова Л.К. М., 2008; 2. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Зализняк А.А. М., 2008; 3. Словарь ударений русского языка. Резниченко И.Л. М., 2008; 4. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. Телия В.Н. М., 2008.

Однако наличие утвержденного списка словарей не смогло урегулировать вопросы, возникающие в процессе использования русского языка как государственного в определенных сферах. Обращение к словарям иностранных слов необходимо для соблюдения положения Закона № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» о том, что иностранные слова не могут употребляться при использовании русского языка в качестве государственного, если они имеют общеупотребительные аналоги в русском языке (п. 6 ст. 1). Кроме того, данный список словарей нуждается в постоянной актуализации, однако порядок актуализации не определен действующими нормативными актами, поэтому список словарей, изданных в 2008 году, не обновлялся более десяти лет.

О. О. Небрatenko остановилась на анализе научной проблемы «Общность и расхождение правовой доктрины и смежных понятий», предложив понимать под правовой доктриной систематизированное учение, оказывающее влияние на формирование права и общественные отношения, которое служит воплощением государственного и общественного идеала, поскольку определяет приоритетные направления, закономерности и тенденции развития законодательства и практики.

Доктрина обладает большим авторитетом среди юристов и в обществе, нежели правовая наука, не все научные положения могут быть определены как доктрина, а лишь те, которые получили массовое признание, на их основе сформировано единое мнение и которые требуются практике. Наука будет совпадать с доктриной в случае принятия и одобрения научного положения научным сообществом, будет воспринята и осмыслена юридической практикой. Не каждое научное положение апробируется практикой.

Сопряженными с доктриной категориями являются теория и учение, носящие характер элементов юридических и прочих наук. В этом смысле теории являются составной частью науки, они открыты для дополнения или даже опровержения, но чаще для продолжительной апробации. Наиболее динамичным явлением, синонимичным доктрине, является учение как русский эквивалент доктрины, но, в отличие от последней, оно обязательно персонифицировано. Учение обязательно присуще ученому, взявшему на себя ответственность в первую очередь репутаци-

онного характера, выдвинуть логически обоснованную систему мыслей и идей на суд научной общественности.

Стратегия сопряжена с деятельностью отдельного государства, его органов, их представителей, в ней чаще всего определяется конечная цель и срок достижения.

Концепция представляет собой систематизированную совокупность мыслей, идей, ведущий замысел, руководящую идею, безусловно требующих официального подтверждения или хотя бы иной прикладной апробации. Научный уровень концепции, безусловно, уступает доктрине. В этом смысле концепция носит технический характер и должна быть присуща любому научному исследованию. Ее наличие дает основание ожидать высокий уровень вероятности научного обоснования выводов, ставших результатом научно-исследовательской работы.

Я. И. Тихонов в выступлении на тему «Юридическая превенция: публично-рекомендательный аспект» отметил, что юридическая превенция повсеместно находит свое воплощение в праве, поскольку практически везде существует необходимость в функционировании правовых норм, характеризующихся наличием целей предупреждения каких-либо негативных явлений (превентивных норм). Предупреждаемые превентивными нормами негативные явления весьма разнообразны и проявляются не только в качестве правонарушений, но и в качестве эпидемий, вооруженных конфликтов, стихийных бедствий, и т.п. Юридическую превенцию, как комплексное правовое явление, можно понимать в двух основных аспектах: институциональном (как совокупность правовых норм, характеризующихся наличием целей предупреждения негативных явлений) и функциональном (направлении соответствующего правового воздействия на общественные отношения).

В функциональном плане, с учетом субъектного состава участников правоотношений, в демократическом государстве можно выделить публично-рекомендательный аспект юридической превенции, когда определенные субъекты права, не имея властных полномочий, с целью предупреждения негативных явлений способны законно влиять на деятельность органов и должностных лиц публичной власти.

Таким образом, наряду с государственной (публичной) юридической превенцией в условиях функционирования правового государства и гражданского общества можно говорить о публично-рекомендательном аспекте понимания юридической превенции, в рамках которого определенные субъекты права, не имея властных полномочий, опосредованно оказывают законное влияние на деятельность органов и должностных лиц публичной власти в целях контроля за соблюдением прав и предупреждения правонарушений.

Выступая в заседании секции истории государства и права, **А. А. Фатьянов** и **А. И. Полуничев** в совместном докладе на тему «Особенности уголовной системы СССР в период Великой Отечественной войны» отметили, что в период резко возникшего вооруженного конфликта или обострения кризисной ситуации, происходит быстрое реформирование всей системы права для обеспечения стабильности государства, ее подчинения нуждам военного времени. При данных изменениях, как правило, отдается приоритет отдельным, наиболее нужным отраслям, таким как: уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное и административное право. Проводя аналогию с экономикой, право «переводится на

военные рельсы», и таким образом, превращается из «права мирного времени» в «право военного времени», приобретая ряд особенностей, свойственных ему только в конкретный промежуток времени или при конкретной обстановке. При таком толковании, уголовное право, уголовно-процессуальное право, уголовно-исполнительное право в период с 22 июня 1941 г. по 2 сентября 1945 г., понимаются как самостоятельные институты права военного времени.

Помимо расширения составов преступлений, были ужесточены наказания. За наиболее общественно-опасные, при поправке на период военного времени, преступления, были увеличены наказания. Например, за самовольный уход рабочих с предприятий, было введено наказание в виде тюремного заключения на срок от пяти до восьми лет. При этом, одной из главных целей наказания, стала кара за содеянное. Частой практикой являлась отсрочка исполнения приговора при наличии смягчающих обстоятельств до окончания военных действий, при условии направления подсудимого на фронт.

Уголовный процесс в период Великой Отечественной войны, из-за необходимости быстрого расследования и раскрытия преступлений, также претерпел значительные изменения. По некоторым категориям дел (как правило, в сфере труда), предварительное следствие не проводилось. Большинство народных судов были реформированы в военные трибуналы.

Таким образом, уголовному праву в военное время советское руководство придало не карательную сущность, а направило ее на обеспечение победы над жестоким и беспощадным врагом, в соответствии с принципом «*malus necessarium*».

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Право. Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999.
2. Михалкин Н. В., Михалкин А. Н. Философия права. М. : Юрайт, 2011.
3. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Сочинения. Т. 21. М. : Политиздат, 1961.
4. Жуков В. Н. Философия права. М. : Мир философии, 2011.
5. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Сочинения. Т. 20. М. : Политиздат, 1961.
6. Рассолов М. М., Элькин В. Д., Рассолов И. М. Правовая информатика и управление в сфере предпринимательства : учебное пособие. М. : Юрист, 1996.

References

1. Alekseev S. S. Law. Experience of Complex Research. Moscow: Statut, 1999. (In Russ.)
2. Mikhalkin N. V., Mikhalkin A. N. Philosophy of Law. Moscow: Iurait, 2011. (In Russ.)
3. Engels F. Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy. In Works. Vol. 21. Moscow: Politizdat, 1961. (In Russ.)
4. Zhukov V. N. Philosophy of Law. Moscow: World of Philosophy, 2011. (In Russ.)
5. Engels F. Anti-Dühring. In Works. Vol. 20. Moscow: Politizdat, 1961. (In Russ.)
6. Rassolov M. M., Elkin V. D., Rassolov I. M. Legal Informatics and Management in the Field of Entrepreneurship: Proc. Allowance. Moscow: Iurist, 1996. (In Russ.)

Сведения об авторах:

В. М. Сырых – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ.

И. С. Барзилова – доктор юридических наук.

В. В. Трофимов – доктор юридических наук, доцент.

Е. М. Шайхутдинов – кандидат юридических наук.

В. Ю. Панченко – доктор юридических наук.

Г. Г. Егоров – кандидат юридических наук, доцент.

Е. В. Кузнецова – кандидат юридических наук, доцент.

К. Э. Игнатова – старший преподаватель.

И. А. Кузьмин – кандидат юридических наук, доцент.

Д. Б. Милованова – кандидат филологических наук.

О. О. Небрятенко – кандидат юридических наук, доцент.

Я. И. Тихонов – кандидат юридических наук, доцент.

А. А. Фатьянов – стажер-исследователь.

А. И. Полуничев – стажер-исследователь.

Information about the authors:

V. M. Srykh – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation.

I. S. Barzilova – Doctor of Law.

V. V. Trofimov – Doctor of Law, Associate Professor.

E. M. Shaykhutdinov – PhD in Law.

V. Yu. Panchenko – Doctor of Law.

G. G. Egorov – PhD in Law, Associate Professor.

E. V. Kuznetsova – PhD in Law, Associate Professor.

K. E. Ignatova – Senior Lecturer.

I. A. Kuzmin – PhD in Law, Associate Professor.

D. B. Milovanova – PhD in Philology.

O. O. Nebratenko – PhD in Law, Associate Professor.

I. I. Tikhonov – PhD in Law, Associate Professor.

A. A. Fatyanov – Trainee Researcher.

A. I. Polunichev – Trainee Researcher.

Статья поступила в редакцию 26.04.2024; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 06.05.2024.

The article was submitted to the editorial office 26.04.2024; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 06.05.2024.

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К РУКОПИСЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ»

Рукопись статьи должна содержать обоснование актуальности и научной новизны, апелляцию к оппонентам и наличие дискуссии, самостоятельные выводы автора, отражающие основные результаты проведенного исследования.

Стиль статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к научным работам, не являться публицистическим. Автору следует избегать использования цитат из популярных журналов и газет, ссылок на высказывания по телевидению. Ссылки на интернет-источники должны соответствовать ГОСТ.

Рукопись статьи не должна содержать выдержки из диссертаций, монографий, учебной литературы, иных научных и учебно-методических работ. Не принимаются материалы, опубликованные ранее в других изданиях, в том числе самим автором рукописи. В случае направления рукописи статьи одновременно в редакции нескольких изданий автор обязан известить об этом ответственного секретаря журнала «Вестник РПА».

Статьи аспирантов в рубрику «Труды молодых ученых» принимаются только при наличии положительной рецензии научного руководителя, оформленной должным образом и заверенной в вузе.

Тексты статей принимаются исключительно в случае, если они соответствуют следующим техническим требованиям:

- Объем – не менее 10 страниц формата А4;
- шрифт – Times New Roman, кегль 14;
- междустрочный интервал – 1,5;
- поля – по 2 см со всех сторон;
- абзацный отступ – 1,25 см;
- все аббревиатуры и сокращения расшифрованы при первом их употреблении в тексте;
- ссылки затекстовые в виде пристатейного библиографического списка нумерованного (по порядку использования в тексте ссылок на источник (не по алфавиту)), оформленные в квадратных скобках с указанием номера издания и страницы (если это необходимо по смыслу текста) (например, [1, с. 5] или [2]);
- в рукописи допускается размещение рисунков и таблиц. Рисунки и таблицы выполняются на отдельных листах. Электронные версии рисунков и фотографий подготавливаются в редакторах Photoshop (*.tif, *.jpg, *.psd, разрешение 600 dpi) или InDesign – отдельными файлами на одну иллюстрацию с приложением их распечаток. Электронная версия текста, таблиц и формул дается в формате RTF.

Автор в обязательном порядке должен представить на русском и английском языках следующие сведения:

- фамилию, имя (полностью), отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, почетное звание, должность (полностью, без сокращений и аббревиатур), основное место работы (учебы), e-mail адрес (для связи с научной общественностью, который может быть размещен в открытом доступе), город, контактный телефон;
- название статьи;
- аннотацию статьи;
- ключевые слова статьи;
- приставный библиографический список, составленный согласно действующим национальным и международным стандартам.

Объем аннотации – от 250 до 500 печатных знаков. Аннотация должна содержать:

- актуальность,
- цель работы,
- методологию проведенного исследования,
- основное содержание и новизну статьи,
- самостоятельные выводы автора.

Аннотация и ключевые слова должны соответствовать теме статьи и ее содержанию.

Редакционная коллегия журнала осуществляет проверку текста статьи с помощью системы «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 60%. Остальные 40% текста могут составлять надлежащим образом оформленные цитаты из литературных и иных источников, выдержки из законодательства, а также научные клише, стандартно используемые в публикациях подобного рода.

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются.

В случае получения от рецензента отрицательной по содержанию рецензии статьи снимаются с публикации.

Окончательное решение о возможности публикации статьи в журнале принимает Редакционный совет.

Рукописи и направленные с ними иные материалы авторам не возвращаются.

ВЕСТНИК
РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ

Научно-практический журнал
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

№ 2 / 2024

Выпускающий редактор: *Е.В. Кирсанова*
Дизайн обложки: *Ю.С. Соколова, А.А. Нехай*

Подписано к печати 16.09.2024. Формат 70x100 ¹/₁₆. Печ. л. 15,9.
Бумага офсетная, шрифт Myriad Pro.

Адрес редакции:
117638, ул. Азовская, д. 2, корп. 1
Тел.: +7 (499) 963-01-01 доб. 21080.
E-mail: vestnik-rpa@mail.ru
www.journal.rpa-mu.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

ISSN 2072-9936

9 772072 993603